

СВЕТЛАНА КАРМ

Финно-угорский дискурс в эстонской
этнологии (на примере исследования
удмуртской культуры)

DISSERTATIONES ETHNOLOGIAE UNIVERSITATIS TARTUENSIS

9

СВЕТЛАНА КАРМ

Финно-угорский дискурс в эстонской
этнологии (на примере исследования
удмуртской культуры)

1632

UNIVERSITY OF TARTU
Press

Институт исследований культуры Факультета гуманитарных наук и искусств Тартуского университета, Тарту, Эстония

Диссертация допущена к защите на соискание ученой степени доктора философии (этнология) 22 мая 2019 года советом Института исследований культуры Тартуского университета

Научный

руководитель: Арт Леэте, PhD, профессор этнологии Тартуского университета

Оппоненты: Эрго-Харт Вястрик, PhD, доцент эстонского и сравнительного фольклора Тартуского университета

Валерий Шарапов, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и истории Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук», Сыктывкар, Россия

Защита состоится 26 августа 2019 года в 12:15 в Сенатском зале Тартуского университета

Диссертационная работа осуществлена при поддержке исследовательских грантов Эстонского научного фонда (ETF grandid № 7010, 2007–2010; № 8335, 2010–2013; № 9271, 2012–2015), Российского научного фонда (проект № 14-18-03573, 2014–2016) и Программы родственных народов Эстонии.

ISSN 1736-1966

ISBN 978-9949-03-066-8 (print)

ISBN 978-9949-03-067-5 (pdf)

Copyright: Svetlana Karm, 2019

University of Tartu Press
www.tyk.ee

ПРЕДИСЛОВИЕ

Завершение данной диссертации постоянно откладывалось в долгий ящик. Заявленная на начальном этапе исследовательская тема, связанная с эстонско-удмуртскими научными контактами и культурным диалогом, в какой-то момент исчерпала себя, потеряв для меня интеллектуальную привлекательность. Между тем начался процесс планирования и строительства нового здания Эстонского национального музея, и новые горизонты, раскрывающиеся перед музейным коллективом, действовали вдохновляюще, окружая творческий процесс подготовки экспозиций ореолом ожидания.

Курируя и координируя в 2008–2016 гг. подготовку новой финно-угорской экспозиции, мне представилась прекрасная возможность окупаться в вопросы репрезентации этничности в музейном пространстве и прочувствовать отношение разных людей – как связанных с проблематикой, так и далеких от нее – к финно-угорской тематике и финно-угорским народам и не раз обосновывать различной публике, почему Эстонский национальный музей занимается финно-угорскими народами. Порой казалось, что объяснения требовались прежде всего мне самой. Для коллег-эстонцев все было само собой разумеющимся, ибо финно-угризм, как казалось, был частью их сущности. Однако в ходе подготовки экспозиции становилось все понятней, что в действительности о финно-угорских народах и их культуре большинство эстонцев особо и не знают. Это похоже на составление родословной – можно установить родство до нескольких поколений, но при этом все-таки не знать, что за люди стоят за конкретными именами... Данная диссертация – это, по сути, продолжение поисков ответов на вопросы о сущности финно-угризма и его месте в народоведческих науках и в конструировании наших (финно-угорских) идентичностей.

Пользуясь случаем, выражаю благодарность всем людям, чьи советы, практическая помощь или просто дружеский совет сопутствовали мне на разных этапах творческих изысканий: спутникам в многочисленных полевых исследованиях и финно-угорским информантам, с кем меня сводили экспедиционные маршруты; кураторам и дизайнерам финно-угорской экспозиции Эстонского национального музея, руководителям научных грантов, друзьям, музейным коллегам и своей семье. Особое признание я выражаю своему научному руководителю, профессору Арту Лезте за ценные консультации и конструктивные советы, а также за то, что он терпеливо и настойчиво вел меня к тому, чтобы начатое давно исследование было доведено до подобающего завершения и увенчалось публичной защитой. Большое спасибо оппонентам, критически-доброжелательно ознакомившимся с проблематикой моего исследования.

Светлой памяти Алексея Петерсона (29. X 1931 – 27. VII 2017), большого визионера и практика финно-угорской этнологии и музейного дела.

Тарту, май 2019.

СОДЕРЖАНИЕ

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ.....	8
1. ВВЕДЕНИЕ.....	9
1.1. Объект, проблемы и хронологические рамки исследования.....	11
1.2. Источники и теоретические подходы.....	28
2. КРАТКИЙ ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ ЭСТОНСКИХ ФИННО-УГОРСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	35
2.1. Эстонская этнология на фоне исследовательских традиций других стран.....	35
2.2. Предшественники, или «волна первооткрывателей».....	38
2.3. Провозглашение идеи финно-угорского родства	42
2.4. Финно-угры как «научная колония».....	44
3. О СОДЕРЖАНИИ РАБОТЫ.....	50
3.1. Музеологический контекст финно-угорского дискурса	50
3.2. Эстонский финно-угорский дискурс сквозь призму персональных историй.....	55
3.3. Удмуртско-эстонский диалог. Историографический и киноантропологический контексты.....	60
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	66
СОКРАЩЕНИЯ.....	70
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	71
КОKKUVÕTE.....	89
ПУБЛИКАЦИИ	91
КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ	212
CURRICULUM VITAE	215

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ

1. Карм, Светлана 2011. Эхо Урала в Эстонском национальном музее, или музеологический аспект эстонского концепта «финно-угорский мир». – *Ежегодник финно-угорских исследований (Yearbook of „Finno-Ugric Studies“)*. Выпуск 3: 98–110.
2. Karm, Svetlana; Leete, Art 2015. Ethics of Ethnographic Attraction: Reflections on the Production of the Finno-Ugric Exhibitions at the Estonian National Museum. – *Journal of Ethnology and Folkloristics*. Vol. 9, No. 1: 99–121.
3. Карм, Светлана; Загребин, Алексей 2014. Кузубай Герд и его эстонские корреспонденты. – *Вестник Удмуртского университета*. Серия «История и филология». Выпуск 1: 118–127.
4. Карм, Светлана; Загребин, Алексей 2015. Не/известное этнографическое финно-угроведение: эстонская история. – *Вестник Удмуртского университета*. Серия «История и филология». Выпуск 1: 36–44.
5. Карм, Светлана 2008. Этнографическое исследование удмуртов в Эстонии: исследователи, научные традиции, методы. – *Россия и Удмуртия: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 450-летию добровольного вхождения удмуртского народа в состав Российского государства. Ижевск, 20–22.05.2008.* (Составление и общая редакция В. В. Пузанова и А. Е. Загребина). Ижевск: Издательство «Удмуртский университет», 135–148.
6. Карм, Светлана 2013. Аудиовизуальное документирование удмуртских религиозных обрядов в советское время. – *Ежегодник финно-угорских исследований*. Выпуск 1: 78–86.

1. ВВЕДЕНИЕ

В октябре 2016 года открылось новое здание Эстонского национального музея (далее ЭНМ¹). Своих первых посетителей музей встретил временной художественной выставкой «Национальный романтизм в картинах эстонских художников» и двумя постоянными экспозициями – «Встречи» (3800 м²) и «Эхо Урала» (1100 м²).

Экспозиция «Встречи» посвящена культурной истории Эстонии и народов, населявших и населяющих ее территорию – эстонцев, балтийских (остзейских) немцев, береговых шведов, сету, русских и других; это история обычных эстонских людей в постоянном диалоге с прошлым, общественными нормами и правилами, а также с процессами, формировавшими мировую историю (подробнее о выставке см. Rattus 2014, 2016). Для институциональной идентичности ЭНМ, чьи ранние постоянные экспозиции (1927, 1947, 1994) были сфокусированы на репрезентации, прежде всего, эстонской крестьянской культуры XIX–XX вв., обращение к повседневной культуре разных культурно-этнических и социальных групп на протяжении длительного исторического периода (с IX века до н.э. и до наших дней) является новаторской. Впервые за всю историю музея объектом внимания является все население Эстонии (а не только носители эстонского языка), предлагая людям с различным социокультурным опытом возможность найти точки соприкосновения своей идентичности с культурой Эстонии. (Rattus 2016: 145). Тем самым, общая идеология эстонской экспозиции направлена на конструирование интегрированной общенациональной культуры, выраженной через истории отдельных людей и культурно-социальных групп.

Экспозиция «Эхо Урала» знакомит с языками, мировоззрением и обычаями уральских (финно-угорских и самодийских) народов; посредством этнографических предметов и аудиовизуальных средств на ней пред-

¹ Созданный в 1909 году Эстонский национальный музей (*Eesti Rahva Muuseum*) в 1952–1988 гг. назывался Этнографическим музеем (1946–1952 гг. – Эстонский национальный музей Академии наук ЭССР, 1952–1963 гг. – Этнографический музей Академии наук ЭССР, 1963–1988 гг. – Государственный этнографический музей ЭССР). С 1 июля 1946 по 13 августа 1963 гг. музей находился под ведомством Академии наук ЭССР), историческое название было возвращено в 1988 году. В русскоязычной литературе можно также встретить такие варианты как *Эстонский народный музей* или *Музей эстонского народа*, что является буквальным переводом эстонского названия (ср.: народ – *rahvas*, нация – *rahvus*; национальный музей – *rahvusmuuseum*). В музейных документах начала XX века используется вариант *Эстонский национальный музей* (Устав 1914), в советское время – *Эстонский народный музей* (ERMi ametiarhiiv, лк. 13–14; ERMi Aastaraamat 1947, Петерсон 1984: 6). Хотя ЭНМ не имеет официального статуса Национального музея, как, например, Национальная библиотека (*Eesti Rahvusraamatukogu*) или Национальная опера (*Eesti Rahvusooper*), он является одним из ведущих государственных музеев Эстонии и тесно связан с культурно-исторической, этнической и территориальной идентичностью эстонского народа.

ставлена культура 25 уральских народов² (концептуальные аспекты финно-угорской экспозиции рассматриваются в статьях 1–2 данной диссертации).

Сегодня, когда в мировой музейной практике наблюдается определенная тенденция к отказу от постоянных экспозиций в пользу небольших обзорных выставок, опорно-справочных и временных концептуальных выставочных проектов (Форум 2007: 8, Конт 2007: 44–45), уже сам факт создания в новом здании Эстонского национального музея одновременно двух постоянных экспозиций является весьма примечательным. Особенного внимания заслуживает финно-угорская выставка. Экспонируя в своих стенах культуры других (территориально не связанных с Эстонией) народов, музей расширяет свое культурологическое поле, выходя за границы узкого, локального, и привносит в свое пространство контекст мировой культуры. Вместе с тем, представляя на обозрение культуры только носителей уральских языков, ЭНМ ставит во внимание этническое происхождение и тем самым противоречит общему направлению международного музейного ландшафта, направленного на защиту и выражение культурного многообразия (UNESCO Declaration 2002: 43). Знакома посетителя с культурами уральских народов, ЭНМ волей-неволей берет на себя и иерархическую роль «рупора» финно-угорских и самодийских народов (Seljamaa 2017). О притязаниях на роль «опорного пункта родственных народов» и «культурного посольства финно-угорских народов в Европе» музей заявляет и в своих программных документах (Arengukava 2017–2020). Представление финно-угорских культур, таким образом, поддерживается статусом музея и является частью его институциональной идентичности и экспозиционной идеологии.

Музей как учреждение, чья деятельность направлена на сохранение, исследование и интерпретацию культурного наследия, занимает особую роль в конструировании социальной памяти и закреплении местных иден-

² К уральской языковой семье относятся саамы, эстонцы, финны, карелы, вепсы, ливы, ижора, воль, мари, мордва (эрзя и мокша), коми, коми-пермяки, удмурты, бесермяне, венгры, ханты, манси (финно-угорские народы), а также ненцы, энцы, нганасаны, селькупы (самодийские народы). Все финно-угры автохтонны и проживают на своих этнических территориях, расположенных на Евразийском континенте в границах семи государств (Российской Федерации, Венгрии, Финляндии, Эстонии, Латвии, Норвегии и Швеции) и насчитывают около 23–25 млн. человек. В Российской Федерации пять финно-угорских народов обладают своей государственностью: Республика Карелия, Республика Коми, Республика Марий-Эл, Республика Мордовия, Удмуртская Республика. Ханты, манси и ненцы имеют автономные округа, остальные – местное (муниципальное) представительство (Хайду 1985, Напольских 1997, Мокшин 2012, Шабаев 2014а, Фаузер 2011). Название «уральские» указывает на то обстоятельство, что большинство языков, входящих в эту семью, распространено в расположенных недалеко от Уральских гор местностях и, предположительно, некогда языки этой семьи проникли на современные территории из Приуралья. (Хайду 1985: 11–12) Далее в диссертации в отношении народов, говорящих на языках уральской языковой семьи, используются равнозначные понятия «финно-угры», «финно-угорские народы», «уральцы», «уральские народы».

тичностью. В историко-этнографических и культурологических музеях (каковым является и ЭНМ) происходит национализация прошлого или конструирование того, что принято называть национальной историей или историей национальной культуры. Музей является главным участником политики репрезентации, и на идеологии музейной экспозиции напрямую отражаются государственная политика, национализм и политика идентичности (Шнирельман 2010а: 4; 2010б: 24; Aronsson 2011; Kõiva 2007: 51; Macdonald 1997). Тем самым, постоянная экспозиция «Эхо Урала» свидетельствует об особой роли финно-угорской тематики в культурно-политической истории Эстонии, ее идентичности, а также в истории музея и эстонской этнографической науки вообще.

1.1. Объект, проблемы и хронологические рамки исследования

Настоящая диссертация посвящена исследованию *финно-угорского дискурса в эстонской этнологии*, а также вопросам взаимодействия культур в контексте этнологических исследований. Понятие дискурса используется в самом широком смысле, включая как совокупность взаимосвязанных текстов, некий образ мышления, идеологию, поведение, исследовательские традиции, так и фон, обстоятельства и контекст, в котором данный дискурс происходит (о разных подходах к интерпретации дискурса см., например, Тичер и др. 2009 [2000]; Русакова 2007). Иначе говоря, дискурс понимается как культурный феномен и немислимое вне контекста коммуникативное пространство, зависимое от породившей его общественной ситуации и идеологически связанное со своим авторитетом – политической властью, институтом, личностью. (Майнхоф 2001 [1993]: 23–25)

Под *финно-угорским дискурсом* подразумевается, прежде всего, *научный* дискурс, основанный на принадлежности определенной группы народов к единой – *уральской* – языковой семье. Фокус научного анализа диссертации связан с развитием предметной области финно-угроведения (финно-угристики, уралистики³), зародившегося в XVIII веке одновременно в разных уголках Европы под влиянием сравнительного языкознания и изначально представлявшего собой исследовательское направление филологического характера. Лингвистические исследования вскоре дополнились фольклорными материалами, началась разработка финно-угорской этнографии, археологии, и к середине – второй половине XIX века финно-угроведение оформилось в комплексную науку, занимаю-

³ Будучи изначально областью научного знания о родстве финно-угорских и самодийских языков, «уралистика» сегодня приобретает и новые трактовки, связанные с Уралом как географическим объектом, раскрывающим исторические и ментальные основы Уральского региона («уральскости») (Головнев 2010; Фадеичева 2012: 372; Leete 2017).

щуюся описательным и сравнительно-историческим изучением языков и культур уральских (финно-угорских и самодийских) народов, проживающих на огромной территории Евразии от Скандинавии на западе до Приобья на востоке и низовий Дуная на юге⁴. (Вилкуна 1965: 133, 135; Uiboruu 1984; Хайду 1985: 138–203, 341–390; Сануков 1998; Загребин 1999: 36, 2006: 3–4; Wiik 2005 [2002]: 22–29; Терюков 2008; Voigt 2010, 2012; Цыпанов 2014; Lang 2018: 23–26, 56–58)

Ранняя финно-угорская этнография, развивавшаяся параллельно с финно-угорским языкознанием, исходила из соображения, что исконное языковое родство предполагает существование и древнего культурного родства. Подобные соображения выражаются, например, в программном докладе пионера венгерской полевой финно-угристики Антала Регули (*Reguly Antal*, 1819–1858)⁵, представленном им Венгерской Академии наук в 1842 году. Так, собираясь в свою экспедицию на Северный Урал, он писал, что «цель является, преимущественно, лингвистической, я должен опираться на лингвистический метод. Поскольку народы, говорящие на родственных языках, должны также быть и этнически близки, этот метод является единственно надежным и безошибочным в деле установления родства долгое время разделенных народов, надеясь со временем построить базис для исторического анализа, который задает рамки второму уровню наших задач, содержащих проблемы соотношений этих народов. Когда лингвистическая часть проблемы достаточно прояснится и определится, мы можем уже обратиться к этнографическим и историческим аспектам, тем самым, обеспечив всестороннее рассмотрение вопроса. В этой связи, я сделаю своей обязанностью в течение всего моего путешествия фиксировать все, что будет связано с обликом, деятельностью, характером, образом жизни, одеждой, обычаями, суевериями, мифологией и материальной культурой интересующих народов» (цитировано по: Загребин 2006: 259–260). Иначе говоря, материалы сравнительного языкознания использовались для поисков местоположения уральской прародины⁶, определения набора известных в эпоху праязыка предметов и поня-

⁴ Уральские языки распространены отдельными островками большего или меньшего размера в полосе между 56° и 70° северной широты, которая тянется от Скандинавии до полуострова Таймыр в Сибири, а крупнейший по численности носителей язык – венгерский – значительно южнее этой полосы, на территории, окруженной Карпатами (Хайду 1985: 12).

⁵ Венгерский финно-угровед с юридическим образованием, одним из первых в Венгрии заявивший о том, что прародину венгров надо искать в России, и объехавший в 1843–1846 гг. почти все народы финно-угорской языковой семьи. Подробнее о Регули см.: Загребин 2006: 253–280; Кережи 2010; Терюков 2016.

⁶ Имеется множество теорий и предположений относительно местоположения прародины финно-угорских языков и народов, самая классическая из них – уральская теория, связывающая ее с бассейном рек Волги и Камы и прилегающим к ним южным склоном Уральских гор. В пользу уральского происхождения этих языков говорят и новейшие исследования эстонских биогенетиков. Исследуя геномы представителей

тий, основных черт материальной культуры и социальной организации общности. На основе полученных материалов составлялись суждения, что отдельные элементы общей исходной культуры, относящейся к эпохе финно-угорской прародины, в какой-то мере сохранились у каждого из финно-угорских народов, и это древнее финно-угорское наследие представлено у одних народов в неизменном виде, у других же – на различных этапах его развития (Вилкуна 1965: 133; Хайду 1985: 176, 389–390; Sääskilahti 1997: 43–48; Nagy 2017: 20). Это последнее положение стало отправным в разработке в последней четверти XIX – начале XX вв. типолого-генетической (историко-типологической) методики в финно-угорской этнографии, сопутствовавшей началу комплектования музейных фондов, представляющих культуру уральских народов. И хотя со временем воззрения на языковое и культурное родство финно-угорских и самодийских народов поменялись (родство языков как лингвистическое понятие не означает одновременно культурного и генетического родства народов!), типологический метод еще в течение столетия продолжал оставаться ведущим в (финно-угорской) этнографии.

Отталкиваясь от научных фактов, современные мыслители предлагают финно-угорской науке новый философский контекст, сосредоточенный на осмыслении особого культурного восприятия и образа мышления народов, объединенных языковым родством и похожей средой обитания (умеренный пояс Северного полушария). Накопившиеся за века фрагменты идей и мыслей объединяются сегодня в предметной области финно-угорской (этно)семиотики.⁷ По словам венгерского исследователя Вилмоша Войта, финно-угорская этносемиотика – это междисциплинарное направление социокультурной семиотики, «включающее в себя, помимо этимологий, текстового анализа, музыковедения, этнохореографии, народного искусства и народных костюмов, также и мифологию, шаманизм, наскальное

разных уральских народов, они определили, что современные носители уральских языков генетически так же далеки друг от друга, как и разделяющие их расстояния; и что большую генетическую общность они имеют со своими географическими соседями. Вместе с тем, анализируя генофонд народов Европы и Сибири, ученые обнаружили, что большинство носителей уральских языков и некоторые из их соседей имеют генетический компонент, возможно, сибирского происхождения. Кроме того, большинство уральских доноров разделяют друг с другом значительно больше идентичных геномных сегментов, чем с географически близкими носителями других языков. Биогенетики предполагают, что эта часть генетического наследия исходит с востока, вероятно, с Урала и из Западной Сибири, с территорий, где, как считается, когда-то начали формироваться уральские языки, и что распространение уральских языков было связано с процессами передвижения людей, говоривших на этих языках. (Tambets 2018; Tambets et al. 2018)

⁷ Термин «этническая семиотика», или «этносемиотика», был введен в научный дискурс венгерским исследователем Михаем Хоппалом (*Hoppál Mihály*) в ноябре 1969 года в Москве, где он познакомился с исследованиями фольклорных и мифологических текстов, написанными представителями московско-тартуской семиотической школы (Hoppál 1993: 54; Хоппал 2015 [1976]: 175–176).

искусство, – в целом, все то, что относится к национальной культуре, самобытности, характеристикам народов и т.д.» (Voigt 2010: 269). В поисках истоков финно-угорской семиотики автор обращается к историографическим исследованиям (истории изучения финно-угорской лингвистики, фольклористики и этнографии) и акцентирует внимание на особой роли региональных народоведческих исследований в развитии и конструировании национальных идентичностей (см. Voigt 2012).

С теоретическими положениями В. Войта перекликаются высказывания Алексея Загребина, по мнению которого, научные традиции изучения финно-угорских народов способствовали формированию схожего образа мышления родственников по языку и их ментального единства. «Результаты научных поисков, откладываясь на страницах газет, журналов и школьных учебников, формировали чувство финно-угорского родства. На протяжении многих столетий народы, говорящие на финно-угорских языках, /.../ сохраняют четкую идентификацию не только как носителей определенной этничности, но и как представителей более широкой общности, /.../ ощущают не только ментальное единство, но и немало знают о своих зарубежных родственниках. В этой связи думается, что истоки современного финно-угорского мира можно искать и в истории науки» (Загребин 2006: 3–4; 2017: 33). Вытекающее из родства языков схожее мировосприятие невозможно научно доказать, как, впрочем, нельзя и опровергнуть; и интеллектуальные дискуссии об общих чертах в финно-угорских культурах продолжаются.

Языковое родство, побудившее к поискам общих черт в материальной и духовной культуре финно-угорских народов, заложило основу для более тесного культурного и общественно-политического взаимодействия народов. Одним из первых проявлений такого взаимодействия стала идея племенной общности, или финно-угорская идея, начатая активно разрабатываться в последней четверти XIX века представителями финской, венгерской и эстонской интеллигенции. Идея, активно поддерживаемая правительствами Финляндии, Эстонии и Венгрии, в 1920-е годы стала объединяющей силой в формировании этнических идентичностей этих республик, проявившись в тесном международном сотрудничестве в области науки и культуры, в т. н. «финно-угорском движении» (эст. *hõimuliikumine*, *hõimuharrastus*, *hõimutöö*; букв. *племенное движение, племенное хобби/увлечение, племенная деятельность*). В этот период начинают проводиться научно-культурные конгрессы трех стран, Эстонско-финские студенческие дни и Дни родственных народов, впервые организованные в Финляндии в 1928 и в Эстонии в 1929 году. В Эстонии появляется ряд общественных и научных организаций: в 1923 году Академический клуб родственных народов (*Akadeemiline Hõimuklubi*) при Тартуском университете, в 1927 году – учреждение «Фенно-Угрия» (*Fenno-Ugria*) в Таллинне. В 1930 году по инициативе Венгрии в Тарту создается Эстонский комитет Института финно-угорских исследований, задачей которого было «содействовать исследованию финно-угорских культур в области народоведческих наук, в

том числе языкознании, древнейшей истории и культуроведении, археологии, этнографии и фольклористике» (руководил Институтом Юлиус Марк (*Julius Mark*), подробнее о нем в статье 3 данной диссертации). Благодаря деятельности системы образования и разных обществ, миф о финно-угорском сообществе, проявляющем себя в культурных, лингвистических и других особенностях, к концу 1930-х годов стал общеизвестным и признанным. По существу, сконструированный, он стал фактом, донесенным в Эстонии и до простого народа. (Prozes 1997, 2007, 2017; Saarinen 2001: 50)

Применение конструкторов «финно-угорский мир», «финно-угорское общество» вновь активизируется в начале 1990-х годов, в связи с распадом советской системы и процессами актуализации и политизации этничности. По словам Юрия Шабаева, термин «финно-угорский мир», появившийся в этот период в общественно-политическом лексиконе политиков, общественных деятелей и ученых, связан с выходом на политическую сцену этнонациональных движений финно-угров и созданием объединений, отстаивающих интересы финно-угорских народов (2014: 571–572). Вместе с тем, надо признать, что даже среди самих финно-угров отношение к понятию «финно-угорский мир» является сегодня весьма противоречивым: для одних – это реальность, для других – виртуальное пространство, романтический миф или политический инструмент. Процесс «воссоздания» финно-угорского сообщества рассматривается как поиск новых идентичностей, как некий символический капитал, форма культурной интеграции и инструмент политической мобилизации этнических общностей, а также как стремление отдельных людей, групп, движений, этнических элит разыграть финно-угорскую карту с целью обеспечения привилегий и политической поддержки извне. (Шабаев 2006: 13–14, 19; Шабаев, Чарина 2010: 147–170; Никитина 2007; Загребин, Никитина 2010: 328–329; Сануков 2010)

Процессы переосмысления финно-угризма и финно-угорской этничности происходят сегодня на разных уровнях и имеют разные формы культурного выражения. Причем, наблюдается определенная параллель с явлениями конца XIX – начала XX вв., связанными с национально-государственным строительством. Так, после обретения независимости в Эстонии активно пропагандировалось движение содействия своей культуре (эст. *omakultuuri harrastamine*, букв. «занятие/увлечение своей культурой»), имевшее национально-романтическую окраску. В основе движения лежало всестороннее изучение старинной эстонской народной культуры (одежда, архитектура, танцы, песни, литература и искусство, религия и обычаи) и стремление к сознательному, целенаправленному и всестороннему использованию культурного наследия во всех областях жизни, а также создание на основе традиционной культуры модной эстонской культуры, отвечающей требованиям времени (Linnus 1940). Одним из направлений движения содействия своей культуре было и конструиро-

вание эстонской национальной религии *maausk/taaraus*⁸ (Vakker 2012), которое вновь актуализируется здесь в 1980-е годы. Приверженцы эстонской народной религии постулируют целостное восприятие мира, гармонию с природой, почитание предков и культурного наследия (языка, традиционных трудовых процессов, знаний, истории, устного фольклора, песен, танцев, повседневных обычаев в самом широком смысле, народного календаря и т.п.). Попытки возрождения этнических религий наблюдаются и у других финно-угорских народов. Причем, обращение к традиционным формам религиозных воззрений воспринимается как средство сохранения и изобретения традиции, а также как один из основных стержней национального движения (подробнее см. Kuutma 2005).

Своеобразным феноменом конструирования новой финно-угорской философии и эстетики является и *этнофутуризм*, возникший на рубеже 1980–1990-х гг. в Эстонии. Этнофутуризм, у истоков которого стояли эстонские литераторы Каукси Юлле (*Kauksi Ülle*), Карл-Мартин Синиярв (*Karl-Martin Sinijärv*) и Свен Кивисильдник (*Sven Kivisildnik*), представляет собой мировоззренческую систему, основу которой составляют синтез специфически национального и общемирового опыта в искусстве и культуре в целом; связь архаико-мифологического и (пост)модернистского начал; использование традиции и новации; переосмысление культурного наследия, реконструкция исчезнувшего и перенос явлений прошлого в новые художественные формы. (Etnofutu 1994–2004; Kauksi Ülle, Heinapuu, Kivisildnik, Päril-Lõhmus 1994; Sallamaa 1999; Колчева 2008: 3–59; Шибанов 2001)

Начало XXI в. в финно-угорском мире знаменуется изобретением языка *будинос*. Созданный удмуртским лингвистом и писателем Алексеем Арзамасовым в 2008–2009 гг. язык *будинос* представляет собой авторский опыт моделирования единого финно-угорского языка, основанного на общности лексических корней разных финно-угорских (финского, эстонского, венгерского, удмуртского, марийского, мансийского и эрзянского) языков. По словам самого автора, *будинос* – это своеобразный вариант «финно-угорского эсперанто и санскрита», «языковая мозаика»: он прост и логичен, его грамматика сведена к минимуму правил, одновременно он сочетает в себе архаические словоформы, претендуя тем самым на язык очень далекого прошлого. Общий финно-угорский язык как лингвистический проект, культурный феномен и как новая коммуникативная практика вызвал высокий резонанс в финно-угорском мире, став предметом дискуссий не только среди языковедов-специалистов, но и широкого круга носителей разных языков. (Арзамасов 2009; Арзамасов, Баженов 2010: 125, 128; Артеев 2009)

Таким образом, финно-угорский дискурс давно перешел жесткие границы академической науки, являясь сегодня не только одним из фено-

⁸ Одним из вдохновителей этой религии был Александр Пырк (*Aleksander Põrk*), подробнее о нем в статье 3 данной диссертации.

менов концептуализации этнического и конструирования идентичности, но и объединяющей идеей разностороннего сотрудничества финно-угорских народов.

Из широкого пласта концептов и ракурсов, содержащихся в понятии «финно-угорский дискурс», в диссертации рассматривается *этнологический*⁹ аспект дискурса. Анализируются, прежде всего, историко-культурные и идеологические аспекты формирования эстонской традиции финно-угорских исследований, особенности экспедиционно-полевых изысканий и научной коммуникации эстонских этнологов с финно-угорскими и другими коллегами, а также практики репрезентации финно-угорских культур в музейном пространстве – именно с Эстонским национальным музеем очень тесно связана эстонская финно-угорская этнология.

Касательно эстонской этнологической традиции, под «финно-угорским дискурсом» имеется в виду, прежде всего, исследование культур родственных финно-угорских и самодийских народов, а не самих эстонцев. Эстонская этнография, наряду с историей Эстонии, археологией, исследованием эстонского фольклора, эстонского и (прибалтийских) финно-угорских языков, литературоведением, напрямую связанных с изучением Эстонии и национальной культуры, исторически воспринимается как одна из национальных наук (*rahvusteadused, rahvuslikud teadused*), «которыми ученые других национальностей (кроме наших родственников финнов и в некоторой степени венгров) интересовались мало, да и сегодня интересуются только в определенных ситуациях, но к которым должен быть особый интерес самих эстонцев, ибо, изучая эти области, мы объясняем корни своей национальной культуры и отправные положения, на которые опирается и на которых жидется сегодня своеобразная эстонская культура» (Mägiste 1937: 358). Определяя роль национальных наук, второй директор ЭНМ (1929–1941 гг.) Фердинанд Линнус (*Ferdinand Linnus*, до 1935 г. *Leinbock*, 1895–1942) в 1930-е гг. писал: «Призыв „Познай самого себя!“ был уже девизом древних греков, благодаря чему они смогли достичь высоты и целостности своей культуры, даже сегодня вызывающей удивление. Этот девиз должен стать ключевым и для нас, если мы хотим создать свою собственную уникальную культуру, которая удовлетворит нас самих и обогатит остальное человечество. Постигание самого себя как нации возможно только через занятие национальными науками, и их всемерное совершенствование должно продолжаться и в будущем. Здесь существует определенная взаимность: повышение общего уровня культуры способствует научной работе, а последняя, в свою очередь, способствует развитию общей культуры. Однако для того, чтобы результаты

⁹ Несмотря на определенные проблемы соотношения терминов *этнология*, *этнография*, *культурная* и *социальная антропология* (подробнее об этом см., например, Бромлей 1988; Этнография и смежные дисциплины 1988: 10–12; Белков 2009: 8–32; Pärdis 1998; Kaaristo jt 2006; Annist, Kaaristo 2013: 1–2; Vermeulen 2015: 1–22), в диссертации они используются в качестве синонимов.

науки стали общим культурным достижением, необходимо популяризировать результаты исследований среди народа всеми существующими сегодня техническими средствами. Это есть область, развитию которой могут в равной степени способствовать как ученые, так и все общество» (Leinbock 1933: 50, 55).

Дискуссии вокруг определения понятия и концептуального обоснования сущности национальных наук, активно развернувшиеся в 1920–1930-е годы в Эстонии, продолжаются и сегодня. Причем, как тогда, так и сегодня говорится о национальных науках в широком и узком смысле. В первом случае под национальной подразумевается любая наука, связанная с Эстонией и черпающая свой материал из ее территории, народа и культуры. В узком, общепринятом смысле под национальными понимаются *гуманитарные науки*, непосредственно связанные с исследованием языка, истории, культуры, литературы, фольклора и искусства местного народа, напрямую влияющие на самоопределение и идентичность эстонцев (подробнее о дискуссиях см. Sutrop 2012; Sutrop 2014; Tamm 2018: 22–25)¹⁰. Финно-угорская этнология в этой градации как бы примыкает к национальным наукам, но не совсем является ею. В то же время, финно-угорские исследования связаны с особым социальным интересом, с повышенной эмоциональностью этнологов к исследовательскому объекту, являющемуся чертой собственной идентичности, или, цитируя Виллема Эрница, «более ёмким национальным чувством, перенесённым на родственные народы, неким этническим сверхпатриотизмом, промежуточной ступенью между национальным чувством и “всечеловечностью”» (Ernits 1926: 89–90).¹¹ Исторически сложившееся в эстонской этнологии разделение на

¹⁰ Такой подход прослеживается и в официальной научно-образовательной политике Эстонии. Так, в 2012 году при Тартуском университете было открыто десять профессур национальных наук (эстонский язык как иностранный, археология, этнология, история искусств, история эстонской философии, эстонская литература, современный эстонский язык, история эстонского языка и его диалекты, история Эстонии, эстонский и сравнительный фольклор; позднее к этому списку присоединилась культурная семиотика), деятельность которых дополнительно финансируется из государственного бюджета. Цель создания национальных профессур – обеспечение устойчивости и конкурентоспособности областей наук, исследовательские результаты которых непосредственно связаны с сохранением эстонцев как нации. В то же время, делается акцент и на связи национальной и мировой наук: национальная наука должна одновременно решать две задачи – способствовать развитию международной науки, а также сохранению и развитию эстонской культуры (Sutrop 2014: 7–8; о роли гуманитарных наук в конструировании эстонской национальной идентичности см. также: Ross, Annus, Sarv 2018)

¹¹ В этом отношении примечательна лекция профессора этнологии Арта Лезде, прочитанная им в серии открытых лекций профессоров национальных наук Тартуского университета в 2013–2014 учебном году, где они знакомили публику с исследованиями руководимых ими профессур. Именно, он остановился в своем докладе на финно-угорских исследованиях. Материалы лекций легли в основу сборника статей (см. Hennoste 2014; Leete 2014)

эстонские и финно-угорские исследования в какой-то мере аналогично с принятым в Германии разделением науки об этносах на *Volkskunde* – науки о своем народе (исследование национальной традиции и фольклора) и *Völkerkunde* – науки о других народах (изучение чужих культур) (Гингрих 2005: 35–36), с той лишь разницей, что финно-угорские исследования занимают здесь промежуточное положение между изучением своего и других народов – финно-угры не принимаются за своих, но они и не совсем чужие.

Тем самым, исследования, связанные с эстонской этнографией, в диссертации рассматриваются весьма косвенно, в рамках показа общих тенденций в развитии национальной этнологической науки. В исследовательском поле эстонских этнологов довольно редко представлены также финны и венгры, являвшиеся, прежде всего, примером для подражания на широком финно-угорском культурно-интеллектуальном поприще. Особенно близкими были связи эстонских исследователей с финнами, воспринимаемыми эстонцами в роли старшего брата. Не случайно, что у истоков институционального оформления национальной эстонской (финно-угорской) этнографии стояли финны Ильмари Юстус Андреас Маннинен (*Ilmari Justus Andreas Manninen*, 1894–1935)¹² и Аарне Микаэль Тальгрэн (*Aarne Michaël (Mikko) Tallgren*, 1885–1945)¹³ (Mägiste 1937: 360, Ränk 2000 [1940]: 70–73, Olesk 2005: 41–42, Zetterberg 2017, Arukask 2018: 110, Kaaristo 2018: 77–78). По словам Терье Анепайо, отношение к финской этнологии как к образцу не изменилось и после официального провозглашения «нового старшего брата». В годы советской власти финская этнология продолжала выполнять для эстонцев роль посредника с Западом, и больше всего контактов было у эстонских этнологов именно с финскими коллегами (Анепайо 1998: 74). Теоретическое осмысление эстонского финно-угорского дискурса, однако, было бы немислимо вне диалога с финской, венгерской, а также немецкой и российской (советской) традициями этнографических исследований, и в диссертации дается небольшой

¹² И. Маннинен – финский этнограф, в 1922 г. был приглашен на пост директора ЭНМ и оставался в этой должности до конца 1928 г., первый доцент этнографии Тартуского университета (1923–1928), заведующий этнографическим отделом Финского национального музея и доцент Хельсинкского университета (1929–1935).

¹³ А.М. Тальгрэн – финский историк и археолог, «отец эстонской археологии», профессор археологии Тартуского (1920–1923) и Хельсинкского (1923–1925) университетов. В контексте взаимодействий и коммуникации ученых разных стран и развития музейного дела небезынтересно проследить переписку А. Тальгрена с деятелем Вятского просвещения начала XX в. и одним из организаторов музейного дела в Прикамье и на Урале Александром Сергеевичем Лебедевым (1888–1937). Тема их переписки варьируется от научно-организационных вопросов (издание книг, развитие родоноведения, археологии и музейного дела и т.п.) до семейных дел. Например, при содействии А. Лебедева была издана книга А. Тальгрена «Родиноведение в Финляндии» (Санкт-Петербург, 1913). (Подробнее о переписке см.: Надо торопиться... 2008; Ванюшева 2014: 109)

обзор развития эстонской этнологической науки и финно-угорских исследований в контексте других национальных традиций.

Реальные практики взаимодействия культур в ходе финно-угорских этнологических исследований рассматриваются в диссертации на примере изучения эстонцами удмуртской культуры. *Удмурты* (самоназвание; диалектные варианты *уртмурт*, *утморт*, *укморт*), в прошлом известные также как *вотяки* и попавшие в научную литературу в XVIII веке¹⁴, издревле населяют Предуралье, междуречье Камы и Вятки. По переписи населения 2010 года численность удмуртов в Российской Федерации составляет около 552 000 человек (Перепись 2010). Большинство удмуртов сегодня проживают на территории современной Удмуртии, составляя треть ее населения. Небольшие группы удмуртов имеются также в соседних Татарстане, Башкортостане, Республике Марий Эл, Кировской области и Пермском крае. Ареал проживания удмуртов привлекателен тем, что он находится на границе между Европой и Азией, между лесной зоной и степью, между православием, язычеством и исламом. Соседями удмуртов являются тюркоязычные татары, башкиры и чувашаи, финноязычные коми-пермяки и марийцы, а также славяноязычные русские. В силу исторических причин (северная часть Удмуртии с XIII века находилась в сфере влияния Российского государства, тогда как южная до XVI века оставалась в составе Казанского ханства) удмурты разделяются на две группы, северную и южную, хотя культурные и языковые различия между ними весьма незначительные. Несмотря на то, что еще в XVIII веке началось активное крещение удмуртов, здесь сложилась особая религиозная ситуация, когда в официальной сфере господствовало православие, а в семейно-общинной сохранялись традиционные верования и культы (подробнее об удмуртах см., например, Владыкин 2004).

Несмотря на тысячи километров, разделяющих Эстонию от Удмуртии, именно с Эстонией связано несколько знаменательных фактов в истории научного исследования удмуртов: здесь была издана первая научная грамматика удмуртского языка на немецком языке (см. Wiedemann 1851), выпускник Дерптского (ныне Тартуского) университета является автором

¹⁴ По мнению Владимира Напольских, первым упоминанием об удмуртах, точнее, о подвластной казанскому хану удмуртской земле (*Вотяцкая земля*), следует считать русский летописный рассказ о походе Ивана III на Казань в 1469 году. С середины XV века южные удмурты под именем *в(отяки)* или даже *черемиса*, *зовомая отяки* уже постоянно фигурируют в русских документах, относящихся к территории Казанского ханства. Северные удмурты (точнее, нижнечепецкие) упоминаются под именем *в(отяки)* в русских документах, касающихся Вятской земли, с 1521 года. (Напольских 1997: 49–50) Часть авторов сводится к мнению, что историографию удмуртов можно начинать искать уже в трудах античных, средневековых (русских, арабских, западноевропейских) авторов. Так, в письменных источниках арабских купцов IX–XII вв. можно встретить упоминания об *арах* – так называли предков удмуртов жители Волжской Булгарии, в XIII–XV вв. этот этноним встречается и в русских источниках, обозначая южную группу удмуртов. (Гришкина, Владыкин 1982: 5–6)

первой монографии об удмуртах (см. Vuch 1882), и одна из крупнейших музейных коллекций по удмуртской культуре хранится в Эстонском национальном музее в Тарту – «этнографический продукт» удмуртско-эстонского исследовательского диалога, пик которого пришелся на 1980-е годы.

Организация совместных удмуртско-эстонских этнологических экспедиций в 1970–1980-е годы является своеобразным феноменом межнационального и межинституционального сотрудничества в области комплексного исследования определенной культуры. В ходе более чем 20 экспедиций ЭНМ (тогдашнего Этнографического музея ЭССР) и Национального музея Удмуртской Республики имени Кузубая Герда (НМУР, в то время Удмуртский республиканский краеведческий музей, УРКМ) велось комплексное исследование и «накопление» фрагментов удмуртской культуры. Одновременно происходило взаимное открывание удмуртами и эстонцами друг друга и себя, а также ментальное сближение культур.¹⁵ Гипотетически можно даже предположить, что долгосрочный межкультурный исследовательский проект оказал стимулирующее влияние и на этническое самосознание удмуртов, хорошо видимых сегодня и в мировом масштабе (феномен «Бурановских бабушек»¹⁶, шарканская деревня Быги как первая финно-угорская культурная столица¹⁷, родина *будиноса*, этно-футуристические фестивали и т.п.).

Примеров позитивного влияния эстонских исследований на развитие местных национальных культур и наук можно найти и у других финно-угорских народов. Так, по словам хантыйского писателя и общественного деятеля Еремея Айпина (2015: 15,17), именно экспедиции эстонских этнологов и художников на территории проживания ханты и манси содействовали позитивным изменениям в вопросах сохранения и развития культуры местных коренных народов в 1980-е годы: начался сбор материалов куль-

¹⁵ По мнению эстонского активиста финно-угорского движения Яака Прозеса, «из всех финно-угорских народов России именно удмурты более других напоминают нам нас самих» (Prozes 2006: 7).

¹⁶ Фольклорный ансамбль «Бурановские бабушки» из села Бураново Малопургинского района Удмуртии, представивший Россию на Евровидении в 2012 году и занявший в финале конкурса второе место, стал своеобразным брендом, собирательским образом «этнобабушек» вообще. Так, в российских средствах массовой информации и социальных сетях женщины в каких бы то ни было национальных одеждах часто называются «какими-то бурановскими бабушками», в качестве позитивного сравнения при описании активных сельских женщин используется выражение «не хуже бурановских бабушек».

¹⁷ Деревня Старые Быги Шарканского района Удмуртии была признана первой культурной столицей финно-угорского мира (2014 год). Международная программа «Культурные столицы финно-угорского мира», направленная на укрепление финно-угорской идентичности, популяризацию финно-угорских языков и народов, стимулирование социально-экономического развития национальных территорий и создания их положительного имиджа, была инициирована Молодежной ассоциацией финно-угорских народов (МАФУН) в 2013 году (Kultuuripealinnad).

турного наследия в архивы и музеи округа, развернулась работа по сбору и обработке фольклора, по примеру Эстонского музея под открытым небом (*Eesti Vabaõhmuuseum*)¹⁸ начал создаваться парк-музей «Торуммаа» под Ханты-Мансийском и в округе стали проводиться международные фольклорные фестивали финно-угорских народов. Хантыйский этнолог Татьяна Волдина также отмечает (2016: 147), что контакты между финно-угорскими народами содействовали становлению финно-угорского научного направления, что участие представителей обских угров в международных конгрессах, конференциях и других мероприятиях финно-угорского мира стимулировало интерес к исследовательской деятельности и способствовало повышению национального самосознания.

О роли науки на благо служения живой культуре финно-угорских народов и об особом авторитете ученых в деле улучшения положения малочисленных финно-угорских народов пишет и эстонский филолог, общественный деятель Андрус Хейнапуу, отмечая, что в советское время, когда финно-угорское движение было под запретом, можно было развивать его под тенью науки. Так, финно-угорские научные конференции этномузыкологов собирали не только ученых, но и предлагали открытую для широкой публики культурную программу с участием представителей разных финно-угорских народов, поддерживая идею финно-угорской солидарности (Heinapuu 2007). Венгерский исследователь Вилмош Войт также отмечает, что финно-угорские исследования эстонских ученых содействовали поддержке национальной идентичности уральских народов. Скрытый смысл научной деятельности эстонцев порой заключался в том, чтобы сломать цепочку «изоляции» и напомнить большим и малым финно-угорским народам, что они не одни (Voigt 2012: 403).

Хронологические рамки исследования охватывают два столетия – с начала XIX до начала XXI века. Нижний рубеж связан с воссозданием Дерптского университета императором Александром I в 1802 году¹⁹, что стало

¹⁸ Музей, знакомящий с эстонской традиционной архитектурой, был основан 22 мая 1957 года (еще в 1925 г. было создано Общество Эстонского музея под открытым небом, но организовать музей в годы первой Эстонской Республики так и не удалось). Это был один из первых музеев подобного рода в тогдашнем СССР (в 1923 году был организован Музей деревянного зодчества в с. Коломенское под Москвой; Латвийский этнографический музей под открытым небом был открыт в 1924 г, т.е. еще в годы Латвийской Республики).

¹⁹ Высшее учебное заведение «Академия Густавиана» было основано в Дерпте уже в 1632 году шведским королем Густавом II Адольфом. Это был второй (после основанного в 1477 г. Уппсальского) университет в Шведском королевстве. В период Северной войны (1700–1721) университет был временно закрыт и вновь был открыт в 1802 г. В качестве преемников университета следует назвать действовавшие здесь в 1583–1600 гг. и 1603–1625 гг. католическую иезуитскую и в 1630–1632 гг. лютеранскую гимназии. Некоторые преподаватели последней продолжили свою карьеру в «Академии Густавиане». (Piirimäe 1982: 23–44). В разные времена город и

предпосылкой к превращению Эстонии в один из крупнейших научных центров России. Университет, имевший тесные контакты с Императорской Российской Академией наук в Санкт-Петербурге и европейскими учебными заведениями на западе (он был единственным российским университетом, где преподавание велось на немецком языке), привлекал сюда как ученых с мировым именем, так и молодых любознательных людей с разных российских провинций и вскоре стал одним из передовых учебных заведений Европы. Первые работы, посвященные финно-угорским народам и изданные в XIX в., принадлежат перу преподавателей и выпускников Дерптского университета.

Верхняя хронологическая граница исследования определена началом XXI века. Этнокультурные взаимодействия рубежа XX–XXI вв. ознаменованы преобразованием социально-политического пространства, всеобщей глобализацией и активными процессами воссоздания этничности и поисков новых идентичностей. Автору представляется, что, в силу отсутствия исторической дистанции, анализ научных взаимоотношений последних десятилетий был бы сегодня еще преждевременным для обобщающих выводов, поэтому детальное рассмотрение научно-культурных контактов завершается началом 1990-х годов; обзор современного уровня финно-угорского дискурса ограничивается анализом музееологического аспекта репрезентации финно-угорских культур, а также показом общих тенденций финно-угорских этнологических исследований.

Несмотря на, казалось бы, пронизанность эстонской ментальности и идентичности финно-угорской идеей²⁰, тема финно-угорского дискурса в

страна находились в составе разных государств и под разными властями, соответственно и университет назывался по-разному, разным был и язык обучения. В диссертации используется соответствующее историческому времени название университета.

²⁰ В качестве наглядной демонстрации данного суждения можно привести слова Яака Прозеса: «Нет никакого сомнения в том, что финно-угорский вопрос является для эстонцев вопросом своего национального самосознания и мировоззрения» (Prozes 2007: 6); или Линды Кальюнди: «Кажется, считать себя финно-угром – сегодня само собой разумеющаяся часть национальной идентичности эстонца» (Kaljundi 2018: 95); или Маарья Кааристо: «Финно-угорскую идентичность мы ведь не должны ни перед кем отстаивать и никому доказывать? Принадлежность к этому клубу – неотъемлемая часть нашей сущности, являющаяся основой национального фундамента и „колыбелью национальности“» (Kaaristo 2018: 77); или Мадиса Арукаска: «Финно-угризм, несмотря на все, – врожденная часть нашего духовного состояния и национализма» (Arukask 2018: 115). В то же время Тийна Лаансалу и Свен-Эрик Соосаар пишут: «Роль финно-угорского языкового родства изменилась в самосознании эстонцев. Похоже, что оно признается частью эстонского национального самосознания, но финно-угризм заключается в основном в братском родстве с финнами и в меньшей степени с венграми. О финно-угорских народах России что-то еще понаслышке знают, но их уже не признают за «своих». Культурные и политические границы стали более важными, чем языковые родственные связи. И это неудивительно, поскольку после восстановления Эстонии и открытия границ контакты с остальным миром стали беспрельдно тесными, в то время как визовый режим и не совсем хорошие межгосу-

эстонской этнологии пока остается малоизученной, хотя многие ее сюжеты отражены в ряде статей и монографий. В историографических исследованиях преимущественно рассматриваются разные (прежде всего ранние) этапы становления и институционального оформления эстонской этнографической науки (см. Leinbock 1934; Viires 1993; Vunder 1996, 1999; Gross 1996; Pärdis 1998; Jaago 2003; Leete, Tedre, Valk, Viires 2008; Õunapuu 2009, 2011; Annist, Kaaristo 2013), а также творчество отдельных ученых и их роль в истории дисциплины и в формировании исследовательских и собирательских идеологий своего времени (см. Johansen 1997; Kuutma, Jaago 2005; Nõmmela 2007; Metslaid 2016a, 2016b; Västriik 2007; Jääts, Metslaid 2018; Ventsel 2018a, 2018b). Имеется также ряд работ, связанных с этнологическими исследованиями эстонцев у отдельных уральских народов и музейными финно-угорскими коллекциями (см. Linnus 1970a; 1970b; Leete 1998; Леэте, Липин 2007, 2017; Karm, Nõmmela, Koosa 2008; Карм 2014; Jääts 2018; Alybina 2018). Финно-угорский компонент²¹ присутствует и в искусствоведческих публикациях (см. Põllu 1990, 1999; Kaljundi 2018), в последнее время особенно активно также в исследованиях, связанных с эстонской историей, археологией, идентичностью и национализмом (см. Kuutma 2005; Kaaristo 2018; Lang 2018). С темой диссертации непосредственно перекликаются статьи Арта Леэте по истории эстонской финно-угорской философской мысли (см. Leete 2014) и Мадиса Арукаска о роли национальных наук и месте финно-угорского компонента в эстонской идентичности на разных этапах истории Эстонии с XIX в. и до наших дней (см. Arukask 2018). Вместе с тем, в рассмотрении эстонских и финно-угорских этнологических исследований все еще преобладает узкий, локальный взгляд (это отмечает и Аймар Венцель, см. Ventsel 2018a), вне диалога и сопоставлении с научными традициями других стран, в русле которых формировалась эстонская этнография. Показывая финно-угорские исследования как особую миссию эстонцев, обычно остается вне внимания место и роль самих финно-угорских народов в научном и культурном диалоге (Karm 2016: 207), для возможности которого необходимы, прежде всего, «взаимная заинтересованность участников ситуации и способность преодолеть неизбежные семиотические барьеры» (Лотман 1999б: 193).

В диссертационной работе эстонский финно-угорский дискурс рассматривается как процесс конструирования национальности/национальной идеи и культурной идентичности, а финно-угорские исследования – как расширение исследовательского поля и своеобразная попытка преодоления синдрома «малого народа», как *полет мысли в пределах двух континентов*

дарственные отношения препятствуют связям с российскими финно-уграми» (Laansalu, Soosaar 2018: 174).

²¹ Работы филологического и фольклорного характера в данной диссертации не рассматриваются.

(Tallgren 1923a: 58)²², что и обуславливает новизну проблематики диссертации.

Идея «малого народа» (малого по численности и территории, но великого по духу и образованности, или, иными словами, «раз мы не можем быть великими силой или числом, мы можем стать великими в культуре!»), высказанная в публичных обращениях «патриарха эстонского народа» Якоба Хурта (*Jakob Hurt*, 1839–1907)²³ во второй половине XIX века (Hurt 1939 [1870]: 75–76; Laar, Saukas, Tedre 1989: 101, 307), в дальнейшем стала консолидирующей силой как в эстонском национальном движении, так и в финно-угорском научно-культурном дискурсе (см. Meri 2001; Jürgenson 2003: 6; Karjahärm 2007: 191, 371; Prozes 2017), в последнем случае приобретая порой снисходительно-покровительственный тон по отношению к российским финно-уграм (Undusk 1997: 809–810; Arukask 2018: 106, 114–115). Касательно ранней истории эстонской этнологической науки, к идее «малого народа» обращался, помимо процитированного выше первого профессора археологии Тартуского университета Аарне Микаэля Тальгрена, также первый директор ЭНМ Ильмари Маннинен. Основная мысль, содержащаяся в их высказываниях, заключалась в том, что эстонская национальная (этнографическая) наука не должна ограничиваться только территорией Эстонии, а должна смотреть шире, – только в этом случае она будет достаточно жизнеспособной и привлекательной для молодежи. (ERM A, nr 1, s. 521, Tallgren 1923a: 58, Manninen 1924: 527–528)

²² Интересно, что Марта Пальвадре в этой же цитате Тальгрена «эстонская этнография, не выходящая за пределы границ своей страны, недостаточно жизнеспособна и может быть также недостаточно заманчива для молодежи. Если же дать мысли пронестись через границы двух частей света, то это дает необходимую теплоту, эффективность и перспективу» [перевод Пальвадре, С.К.] видит «исключительную заботу финской этнографии» внушить молодежи идею воссоединения финских народов, идею великофинляндского национализма и шовинизма, идею «Великой Финляндии до Урала». Она пишет, что финская наука выполняет социальный заказ господствующего класса, хотя и всегда наука его выполняла и сама являлась продуктом определенного социального строя и определенной классовой идеологии (Пальвадре 1931: 42). Характеризуя таким образом финскую науку, автор выражает советскую официальную идеологию того периода. Так, с идеей воссоединения финских народов был связан и судебный процесс «Дело СОФИН», в результате которого в начале 1930-х гг. началась полоса политических репрессий в СССР, направленных против ученых – финно-угроведов и лидеров национального строительства. Об эстонцах, связанных с процессом, см. в статье 3 данной диссертации.

²³ В старой русской транскрипции Яков Иванович Гурт – эстонский фольклорист, доктор философии, богослов и общественный деятель. Собирателем эстонского фольклора и один из организаторов Первого Всеэстонского певческого праздника в 1869 году. Во увековечение его памяти был и создан в 1909 г. Эстонский национальный музей. Выражение о патриархе заимствовано из некролога Я. Хурту, составленного А. Радневым от имени Императорского Русского географического общества (1907, цитировано по: Laar, Saukas, Tedre 1989: 264).

Позднее, особенное в советские годы, обращение к финно-угорским корням стало для представителей эстонской творческой интеллигенции своеобразным средством выражения угнетенной национальной идентичности и проявлением стремления предоставить народу контркультурный контекст в противовес господствующей советской реальности. Одновременно, языковое родство с финнами и венграми намекало и на культурную связь эстонцев с Западом, предоставляя культуре малочисленного народа достойную позицию в исторической и международной перспективе (Kuutma 2005: 57).

В контексте разрабатываемой в диссертации идеи «малого народа» в качестве примера можно привести и учебно-практические экспедиции Эстонской художественной академии (*Eesti Kunstiakadeemia*, ЕКА)²⁴ в места расселения финно-угорских народов. Художник Кальё Пыллу (*Kaljo Põllu*, 1934–2010), инициатор и руководитель действующей с 1978 года финно-угорской учебно-практической программы, связывает начало экспедиций с «желанием найти из-под едва ли столетнего слоя эстонской профессиональной культуры с западным налетом раннюю, более прочную и нетронутую основу, то первоначальное состояние души, объединяющее всех финно-угров; с желанием избавиться от чувства неполноценности, присущего культурному функционированию малого народа (одновременно признавая все прогрессивное со всех сторон света)» (Põllu 1999: 6). Комплексные экспедиции (в них участвовали студенты разных специальностей) были частью учебной программы, в процессе которой будущие художники, дизайнеры и архитекторы предварительно знакомились с тематической литературой по финно-угорским культурам; летом выезжали в «поле», где изучали одежду, постройки, орудия труда, орнаменты, украшения и т.д., делали зарисовки и фотографии; позднее по результатам собранных материалов готовили выставки и научные доклады. Участие в программе было для студентов добровольным, но, будучи принятым в состав экспедиции, его выполнение становилось обязательным. Задачей финно-угорской учебной программы, по словам ее инициатора, было «выявление ценностей, скрытых в народном искусстве, его композиционных и колористических особенностей, а также разработка теоретико-методологических основ для применения их в профессиональной творческой деятельности» (АК 19-36-34, l 13–16). Студенческие экспедиции, имевшие четко установленную методологическую и педагогическую основу, были популярными среди студентов и выдержали экзамен временем (подробнее об экспедициях Художественной академии см.: Põllu 1990, 1999; Karm, Vaikmaa 2018). По словам одной из бывших руко-

²⁴ Учебное художественное заведение с более чем столетней историей; в 1951–1989 гг. называлось Государственным художественным институтом Эстонской ССР (*Eesti Riiklik Kunstiinstituut*); в 1989–1995 гг. – Таллинским художественным университетом (*Tallinna Kunstiülikool*). Материалы (рисунки) экспедиций и архив Кальё Пыллу хранятся в Эстонском национальном музее.

водителей учебных экспедиций Кадри Вийрес (*Kadri Viires*), успеху и жизнестойкости программы сопутствовало и то, что она предоставляла студентам возможность путешествовать, хотя бы в границах Советского Союза. (Карм 2015: 149–150) Являясь своеобразным расширением границ, финно-угорские культуры исторически были для эстонцев и окном, помогающим заглянуть к истокам своей национальной культуры.

Новым в диссертации является и то, что в ней отражается «внешний взгляд» на эстонский финно-угорский этнологический дискурс, до этого являвшийся прерогативой самих эстонцев, самописанием эстонцев. Согласно Юрию Лотману, в процессе самоописания создается унифицированный, идеализированный портрет культуры (1999: 170–173). Густав Рянк (*Gustav Ränk*) также отмечает, что каждая нация вместе со своими исследователями остается в плену своих старых представлений, которые не позволяют ему увидеть свое прошлое вполне объективно, и только сторонний исследователь, свободный от всех предрассудков, способен гораздо яснее увидеть вещи и ситуации (Ränk 2000 [1969]: 245). Предлагаемый в диссертации анализ эстонского финно-угорского дискурса – это взгляд «другого», смотрящего одновременно с расстояния и вблизи, взгляд «другого», который является «своим», но все же не совсем.²⁵

По словам Михаила Бахтина, в процессе понимания чужой культуры необходимы известное вживание в чужую культуру и возможность взглянуть на мир ее глазами, однако для творческого понимания также важно не отказываться от себя, своего места во времени и своей культуры. Такое состояние он называет *внеаходимостью* [курсив автора, С.К.] понимающего по отношению к тому, что он хочет понять. Он пишет, что *внеаходимость* является важным рычагом понимания и в области культуры. Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже: встретившись и соприкоснувшись с чужим смыслом, между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность смыслов и культур. (Бахтин 1986 [1970]: 353–354)

Ссылаясь и повторяя мысль М. Бахтина, Цветан Тодоров (*Tzvetan Todorov*) также отмечает, что внешний взгляд на определенную культуру может выявить множество аспектов, о которых эта культура сама не знала. Однако факт непринадлежности к какой-то культуре становится преимуществом лишь тогда, когда мы хорошо знаем эту культуру. Тодоров подчеркивает, что в гуманитарных науках очень важна идентичность исследователя (являющаяся одновременно коллективной и индивидуальной), и в научном творчестве необходима определенная сопричастность и согласованность между жизнью и писательством, между социальной экзи-

²⁵ Автор диссертации участвовала в 1987–1993 гг. в эстонско-удмуртских этнологических экспедициях, в том числе в съемках этнографического фильма «Северные удмурты в начале XX века», с 1999 года непосредственно связана с деятельностью ЭНМ и музейными финно-угорскими проектами.

стенцией и выводами, сделанными в ходе работы. И допускать здесь перекоса нельзя, ибо такое писательство не имело бы никакого отношения к мыслительной деятельности, и это уже ситуация проблематичная. (Todorov 2001 [1999]: 325–326)

Ален Блум (*Alain Blum*) вообще считает, что в социально-гуманитарных науках как раз очень важно быть «посторонним» по отношению к изучаемому объекту, и для него это почти методологический постулат, которого следует придерживаться. Автор уверен, что, отправляясь в чужую страну и создавая ощущение отстраненности, исследователь приобретает новый взгляд и на собственную культуру, потому каждому полезно какое-то время поработать в чужом обществе, чтобы научиться задаваться вопросами о своем, чтобы замечать привычное, к чему он *a priori* не готов. (Филиппова 2006: 95–96, интервью с Аленом Блумом)

Тем самым, предлагаемая диссертация – это взгляд на эстонский финно-угорский дискурс с позиции *внеаходимости*, предполагающей не равнодушного стороннего наблюдения, а причастного отношения, вчувствования, понимания и диалогичной интенциональности.

1.2. Источники и теоретические подходы

Исследование выполнено на пересечении предметного поля и методологических приемов различных направлений культурно-антропологических наук и является продолжением работ по истории финно-угорских исследований и этнологической науки, а также исследований, посвященных вопросам взаимодействия и репрезентации культур. Исходя от проблематики каждой отдельной статьи, в диссертации использованы разные группы источников: материалы служебного архива (*ERM A*) и рукописные коллекции ЭНМ – полевые дневники и экспедиционные записи эстонских исследователей (*ERM Tap*, *ERM EA*), аудио- и видеоматериалы музейных экспедиций (*ERM V*); материалы архивов Центра документации новейшей истории Удмуртской Республики (ЦДНИ УР), Национального Архива Республики Татарстан (НАРТ), издания (научной) периодической печати разных времен, публикации мемуарного характера, а также собственные (полевые) материалы, собранные методами интервью, бесед, включенного наблюдения и соучастия.

Пьер Бурдьё (*Pierre Bourdieu*), размышляя о том, каким образом в действительности осуществляется исследовательская работа, отмечает, что конструирование объекта – это не то, что делается раз и навсегда одним махом, а длительная и напряженная работа, которая совершается шаг за шагом, путем целого ряда мелких исправлений и уточнений, инспирированных совокупностью практических принципов, позволяющих в нужный момент сделать решающий выбор. Рассуждая о методологических подходах социального исследования, он пишет, что при определении объекта и практических условий сбора данных следует мобилизовать все уместные и

доступные техники и приемы из всего арсенала интеллектуальных традиций социологии или близких к ней антропологии, экономики, истории и др. (Бурдые 2002 [1992]: 382–383).

Руководствуясь этим принципом, в диссертации использованы разные подходы и методы сбора информации и анализа интерпретируемого материала:

- Этнографически-ориентированные методы, основанные на включенном (соучаствующем) наблюдении и рефлексивности. Наравне с принципами и подходами традиционной *этнографии других*, представляющей собой, по Клиффорду Гирцу, «интерпретации, причем интерпретации второго и третьего порядка», или «экспликацию экспликаций», или, иначе, «не что иное чем наши собственные представления о представлениях других людей о том, что из себя представляют они сами и их соотечественники» (Гирц 1997: 177, 184), в работе представлен и *автоэтнографический* анализ культурно-исследовательского опыта, накопленного и усвоенного автором в ходе реализации музейных финно-угорских проектов. В отличие от *этнографии других*, когда исследователь погружается в другую культуру и, вернувшись с «поля» (причем, «поле» не обязательно локальное, но и создаваемое самим исследователем и связанное с его ментально-пространственным местоположением), осмысливает увиденное и создает насыщенное описание, в центре *автоэтнографии* находится исследователь со своими суждениями, идеями и культурным опытом. Особенностью автоэтнографического метода является ее последовательная и систематическая рефлексивность, направленная на самого исследователя. Анализируя собственный опыт и создавая основу для построения аргументации в пользу тех или иных культурных моделей и теоретических схем, исследователь сопоставляет личные переживания с методологическими установками своей науки. Следствием субъективности и рефлексивности метода является и частое обращение к экспериментальным жанрам письма, смешению стилей и сюжетов (о методах автоэтнографического анализа см. Anderson 2006, Рогозин 2015, Соколовский 2017).
- Методы рефлексивной историографии, основанной на принципе, что каждая репрезентация не является таковой сама по себе, что это не отражение истины, а текст, созданный его автором, зависимым, в свою очередь, от своего окружения – социального, академического и культурного. В центре внимания рефлексивной историографии, называемой также *антропологией антропологии*, находятся «бывшие и нынешние антропологи, работа которых (осознанно или неосознанно) заключается в том, чтобы писать тексты, писать этнографии» (Rabinov 2009 [1986]: 139), а также все то, что связано с процессами антропологического письма и репрезентации – кто, что, каким образом и почему репрезентирует; что и кто стоит за текстом; язык и стиль, политика и этика

репрезентации, вопросы антропологического авторитета и др. (Clifford 1986; Gross 2007: 161–165)

- Методы биоисториографического анализа, связывающего личность с эпохой, научное творчество – с социальным контекстом. Специфика биографических жанров историко-антропологических исследований состоит в том, что в центре внимания исследователя находится интерпретация жизненного пути личности, кристаллизирующей вокруг себя особенности реальной жизни и создающей своеобразное «гравитационное поле» человеческих взаимоотношений, поступков, поисков, сомнений и эмоциональных переживаний. Персональные истории ученых раскрывают не только духовный мир человека, его профессиональный путь, намерения и поиски, признание и провалы, но и разные аспекты научной жизни: историю институциональных учреждений и неформальных объединений, особенности формирования исследовательских идеологий и научной коммуникации, а также тонкую игру интеллектуальной и политической власти (подробнее о методе см., например, Иконникова 2011).
- Методы дискурс-анализа, подразумевающего связь между текстом и его социальными условиями, идеологиями и отношениями власти и исходящего из того, что интерпретации всегда динамичны и открыты для новых контекстов и новой информации; а также методы критического дискурс-анализа, соединяющего лингвистические, кратологические, семиотические и социо-коммуникативные трактовки дискурса (см. Тичер и др 2009: 197–198; Русакова 2007: 5; Hall 2018 [2013]: 14–15).

Концепция диссертации и использование разных методологических подходов непосредственно сказываются и на общем характере исследования, объединяющем в себе разные стили, сюжеты и жанры этнографического описания и культурно-антропологической репрезентации.

Теоретической базой диссертации послужили труды по истории этнологических (прежде всего, российских и финно-угорских) исследований; истории эстонской этнологической науки и музеологии, а также работы, связанные с диалогом и репрезентацией культур, а также с ролью и местом исследователя в научном и социальном дискурсе.

По мнению Галины Комаровой, в этнологии «изначально заложен конфликт столкновения двух культур, двух мировоззрений, двух систем ценностей» (2013: 15). Юрий Лотман тоже пишет, что всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее («свое») пространство и внешнее («их»), и само такое разделение принадлежит к универсалиям (1999а: 175); и что «можно назвать лишь две возможные побудительные причины, вызывающие интерес к какой-либо вещи или идее и желание ее приобрести или освоить: 1) нужно, ибо понятно, знакомо, вписывается в известные мне представления и ценности; 2) нужно, ибо не понятно, не знакомо, не вписывается в известные мне представления и ценности. Первое можно

определить как «поиски своего», второе – как «поиски чужого»» (Лотман 1992: 111). Иначе говоря, встреча с «инокультурным» помогает осознать ценность «своего», открыть новый взгляд на собственную культуру; и в последнее время все чаще говорится о встрече, диалоге, а также о столкновении или конфликте культур.

Питер Бёрк (*Peter Burke*) также пишет, что прошлое (как и настоящее) доступно для всех нас только через категории и схемы нашей собственной культуры (Burke 2006: 55). При встрече же разных культур точки зрения на культурную историю бывают разными, и эта история не может представлять только одну точку зрения, а должна быть полифонической. Другими словами, она должна разносторонне отражать разные представления победителей и побежденных, мужчин и женщин, своих и посторонних, а также исторические и современные понятия и взгляды (там же, 221).

Вопросы этнографического письма, репрезентационных конвенций, а также социальных и исторических условий конструирования «другого» являются центральной проблемой методологической программы *Writing Culture* (писание/описание культуры), основные положения которой прозвучали в апреле 1984 года на семинаре в городе Санта-Фе, штат Нью-Мексико.²⁶ Семинар, в числе участников которого было восемь антропологов, один историк и один литературовед, сосредоточился на вопросах антропологического письма, «занимающего центральное место в деятельности антрополога как во время работы в поле, так и после» (Clifford 1986: 2), а также на профессиональном ремесле самого антрополога, подвергнув критике методологические установки самой антропологической науки: научность и объективность, эмпиризм и наблюдаемость факта, репрезентативность и авторство этнографического текста, разделение субъекта и объекта исследования. Здесь же прозвучал подход к антропологии как к культурной критике. По мнению Майкла Фишера (*Michael Fischer*), этнографическое описание – это особая форма культурной критики; и эта критика возможна благодаря тому, что этнографы слушают голоса разных этнических групп. Опыт такого многоголосия особенно важен для понимания сегодняшнего мира, где культуры все более взаимосвязаны между собой (Fischer 1986: 195, 198–199). Он пишет, что этнографические описания – это многоуровневые места встречи различных культурных традиций и культурных логик, функционирующих как на сознательном, так и на бессознательном уровне (там же, 200–202).

Рассматривая проблемы субъективности и объективности в антропологии, Джеймс Клиффорд (*James Clifford*) пишет, что оно всегда было деликатным, и что субъективный опыт полевых работ трудно представить в качестве источника объективной истины (Clifford 1986: 13–15). Автор констатирует, что антропологическая теория никогда не сможет достичь окончательной истины, а останется всегда половинчатой. Научное опи-

²⁶ Программа получила свое название от одноименного сборника *Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography* (Clifford, Marcus 1986).

сание зависит от риторических методов, способов построения текста и дискурса, воссоздаваемого исследователем, а также институциональных идеологий и отношений власти между исследователями и исследователем; в этнографических описаниях поэзия и политика неотделимы (там же, 2; 11).

Вышерассмотренные теоретические положения оказали влияние и на подготовку данной диссертации. Так, при анализе удмуртских полевых материалов автора инспирировали работы Питера Бёрка о сочинениях западноевропейских путешественников XVI–XVIII веков. П. Бёрк называет путевые заметки источниками ментальной истории и документами, свидетельствующими о встрече культур, и подчеркивает риторический аспект дорожных заметок, заостряя внимание на стереотипах восприятия и описания незнакомых культур. Автор отмечает, что так же как автобиографии не являются совершенно спонтанными и объективными свидетельствами жизни человека, так и дорожные заметки – не собрание объективных и совершенно новых спонтанных переживаний, а субъективные документы, в которых хорошо раскрывается не только восприятие культурной дистанции, но и стремление справиться с ней или «перевести» ее во что-то знакомое. По крайней мере, часть из них была написана с точки зрения дальнейшего издания, и все они отвечают определенным литературным конвенциям. Другие в буквальном смысле отражают предубеждения: мнения, которые создавались у путешественника еще до поездки, независимо, исходили они из беседы или прочитанного. В описаниях культур снова и снова повторяются не только выражения, но и темы и *топосы*. (Burke 2006 [1997]: 104–114)

Читая удмуртские материалы разных эстонских исследователей, замечается определенная «одинаковость» их содержания. Безусловно, это один из результатов существовавшей в музее практики подготовки к полевым исследованиям. Так, по словам Алексея Петерсона, директора ЭНМ 1958–1992 гг., экспедиции работали по определенной программе: в мае началась подготовка, в ходе которой проходило ознакомление с коллекциями и определялись «пробелы»²⁷. Во время полевых работ в течение месяца собирались, согласно планам, материалы для пополнения коллекций. Следующий месяц уходил на сбор материалов по исследовательской теме научного сотрудника. К концу года все собранные материалы оформлялись в фонды и составлялись каталоги собранных артефактов (Peterson 2004: 42–43).

Помимо этого, на «одинаковости» удмуртских материалов сказалось и то, что информаторами и проводниками на местах в течение многих лет были одни и те же люди (в основном люди науки), повторялись и интересные «объекты», показываемые ими разным исследователям. Вчитываясь в полевые материалы эстонских исследователей, чувствуется, что удмуртские проводники не только занимали активную позицию при пре-

²⁷ Знакомство с коллекциями предполагало также и знакомство с тематическими материалами ранних экспедиций, в том числе и полевыми дневниками.

зентации своей культуры, но можно даже сказать, что «осознанно или неосознанно пытались навязать интервьюерам свое видение ситуации, свой образ себя» (Бурдые 2001 [1996]: 41). В то же время, они являлись авторитетами, к мнению которых эстонские этнологи внимательно прислушались как при приобретении предметов, так и особенно при документировании и съемках религиозных обрядов (см., например, ERM TAr 881; Петерсон 2007: 109–110). Тем самым, основываясь на методологических принципах *Writing Culture*, при анализе эстонских полевых материалов учитываются обстоятельства и ситуации, в которых было получено знание, рассматриваются позиции, занимаемые исследователями и информантами в процессе сбора данных, и раскрываются разные голоса, звучащие в этнографическом описании.

Конвенции этнографического описания находятся в тесной связи с историей национальных (региональных) антропологических наук. Автор ряда работ по истории российской антропологии Сергей Соколовский²⁸ отмечает, что история дисциплины обычно изображается как история автономная, как развитие внутренних импульсов, в то время как следовало бы писать ее практически исключительно ... как историю контекстуальную (2008: 130); и что историю дисциплины и ее взаимоотношений с обществом всегда плодотворнее рассматривать не как самостоятельный и самодовлеющий «пласт» ушедшего в небытие времени, но с позиций преемственности подходов и методов, сохранившихся нарративов и топосов мышления, словом, под углом «истории в современности» (2011: 212–213). Рассматривая антропологию как историю сменяющих друг друга теорий и парадигм, автор отмечает, что одним из модусов изложения историографии научной дисциплины должна стать история идей с присущим ей вниманием к механизмам смены доминирующих парадигм и дискуссионных фокусов. (Соколовский 2008: 129, 133–134)

Общественные идеи, парадигмальные понятия и выдающиеся персоналии лежат в основе работ Алексея Загребина по истории российских финно-угорских этнографических исследований XVIII – начала XX веков. История финно-угорских исследований понимается автором как научный феномен, ставший для российской этнографии одной из связующих нитей с европейским народоведческим процессом. Рассматривая историю этнографического изучения финно-угорских народов России в рамках исследовательской концепции «эпохи – идеи – герои», автор анализирует идейные истоки и теоретико-методологические установки, в рамках которой протекала деятельность пионеров финно-угорской этнографии, и конста-

²⁸ С. Соколовский в своих статьях пользуется именно термином «антропология», имея под ним в виду «всю совокупность антропологических дисциплин, и не только исследования физической, но и изучение культурной и языковой вариативности человечества» (2008: 124), или сравнительную дисциплину, «именовавшуюся в некоторые периоды своей истории и в разных национальных традициях также этнографией, этнологией или народоведением» (2016: 17).

тирует, что внимание к проблемам традиционной материальной и духовной культуры финно-угорских народов России со стороны финляндских, венгерских и эстонских этнографов вело к интеграции исследовательских усилий с русскими учеными, создавая дискуссионный контекст, необходимый для позитивного развития науки. (Загребин 1999, 2006)

Нина Сяскилахти, автор книги по истории финской этнологии с 1800 по 1980 гг., предлагает взглянуть на историю науки как на единое целое, состоящее из чередующихся дискурсов со своим языком и теоретическими понятиями, каждый из которых является самоцельным и самостоятельным объектом осмысления. Она отмечает, что историю науки очень сложно писать, и она всегда будет субъективной, ибо зависит от времени написания; от авторов и теоретических текстов, на которые ссылаются; от названия дисциплины, исследовательской области и взаимодействий с другими науками; от отдельных научных направлений, решений и интересов научных учреждений и отдельных людей и т.п. (Sääskilähti 1997: 10–12) Касательно финно-угорского дискурса в финской этнологии, автор отмечает, что ему было отведено центральное место в ранней истории науки, – открытая в 1921 году кафедра этнологии Хельсинкского университета была названа именно кафедрой финно-угорской этнографии. Предполагая единство языка и культуры, разные финно-угорские культуры исследовались не как отдельные культуры, а как возможность постижения основ и определения этапов развития своей культуры, ее древности и историчности (там же, 42–43).

С поиском своих родственников связывает Золтан Надь и венгерские финно-угорские исследования. Он пишет, что значительный интерес к поиску восточных родственников был обусловлен осознанием факта, что венгерский язык не имеет родственных языков, а венгры в рамках Европы – родственных народов. Финно-угорский дискурс ставил Венгрию между двух миров, подчеркивая особое положение венгров между восточной и западной культурами; старинная западная культура возводилась к славным восточным корням, подчеркивая, что венгерская культура продолжает лучшие традиции обеих культурных сфер. (Надь 2017: 18–19)

Историографические работы Сергея Соколовского, Алексея Загребина, Нины Сяскилахти, Золтана Нады во многом повлияли и на общий подход к анализу эстонского финно-угорского дискурса, рассматриваемого автором в сопоставлении с научными традициями других этнологических школ. Исходя из разных методологических и контекстуальных подходов, анализируются идеологические и субъективные аспекты эстонских финно-угорских исследований, раскрывается институциональная деятельность научных учреждений и отдельных исследователей, раскрывается преемственность этнологических традиций. Иначе говоря, историографические факты и этнографические реалии рассматриваются в диссертации во взаимосвязи, развитии и критической оценке.

2. КРАТКИЙ ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ ЭСТОНСКИХ ФИННО-УГОРСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Этнологические школы разных стран и свойственные им концептуальные предпочтения отражают национальные особенности и национальный характер. Вместе с тем, ни одна из национальных научных традиций не является полностью автономной, а тесно связана с широким спектром взаимоотношений с другими странами и потенциально открыта для интеллектуального обмена и взаимообогащения (Дарнелл 2007: 25; Головнев 2008). Исходя из этого, в нижеследующих главах пытаюсь рассмотреть, как развивалась эстонская этнология, и как повлияли на нее научные традиции других стран. Как сформировалась здесь финно-угорская ориентация, и каковы особенности эстонской финно-угорской этнологии, которые отличали бы ее, например, от российской, венгерской или финской традиций финно-угорских исследований?

2.1. Эстонская этнология на фоне исследовательских традиций других стран

Эстонская этнография, становление и институциональное оформление которой происходило в конце XIX – начале XX веков, с самого начала была признана одной из национальных наук. Как дисциплина, касающаяся, прежде всего, эстонского материала, она была тесно связана с эстонским национализмом и эстонской идентичностью (Jääts, Metslaid 2018: 119; Jääts 2019). Вместе с тем, она никогда не была вещью в самой себе и уже в начальной стадии своего развития ориентировалась на мировую науку (Leinbock 1930: 50–51), вобрав в себя многие черты немецкой, скандинавской и российской традиций этнографических исследований. И если влияние немецкой традиции было особенно заметно в XIX веке, а скандинавской (финской и шведской²⁹) в начале XX века, то практически весь XX век (за исключением периода с 1920-х до начала 1940-х гг. и после 1991 г.) эстонской этнографии прошел в русле российской (советской) этнологии.

В свою очередь, сама российская этнографическая наука испытала сильное воздействие немецкой академической традиции. Так, в зарож-

²⁹ Ссылки на шведскую этнографию можно найти в программных документах первых директоров ЭНМ Ильмари Маннинена (ERM A, nr 1, s. 521) и Фердинанда Линнуса (Leinbock 1930: 49). В 1930-е годы в музеях Стокгольма побывали эстонские этнографы Фердинанд Линнус, Эрик Лайд и Густав Рянк, тесно связанные с ЭНМ (Viires 1998: 80; о развитии эстонской этнологии в 1920–1930-е гг. см. также Metslaid 2016a, 2016b). Личные истории Лайда и Рянка рассматриваются в статье 4 данной диссертации.

дение российской этнографии внесли определенный вклад ученые, приглашенные в XVIII–XIX вв. на российскую службу из различных европейских стран (преимущественно из Германии). Вовлеченные в собирание этнографических сведений, они привнесли в науку о народах естественнонаучные методы – классификацию, наглядность, визуализацию материала (сбор этнографических коллекций, рисунков, фото). (Белков 2004: 24; Загребин 2006:11; Сирина 2017: 6) По мнению Хана Фермёлена (*Vermeulen, Han F.*), этнография (как описание народов) была изобретена германскими учеными в России, точнее, систематическая этнография возникла в результате взаимодействия между немецкоязычными историками и натуралистами и российскими учеными и администраторами, и объектом ее исследования изначально была этничность или, скорее, многоэтничность, мировое разнообразие народов и наций. По наблюдениям ученого, «этнография» началась в качестве полевых исследований среди народов Сибири (Российская Азия) в 1730–1740-х гг., была обобщена как «этнология» в академических центрах Геттингена (Германия) и Вены (Австрия) в 1770–1780-х гг. и впоследствии распространена в других научных центрах Европы и США. (Vermeulen 2015: xiv, 410; 2018: 41)

Рассматривая особенности российской и европейской антропологии XVIII–XIX веков, Андрей Головнев отмечает, что они расходятся не только по времени рождения, но и по мотивациям и практикам. Российское народоведение – картина многонародности – создавалось исследователями-путешественниками под патронатом имперской власти и фокусировалось на отдельном народе и имперской галерее народов, иначе говоря, главным героем российской этнографии XVIII века выступал конкретный народ, и народы представляли в российской этнографии живыми современниками. Европейская же наука имела облик универсальной антропологии, в которой человечество выстроено в пирамиду, низшие ступени которой (дикость и варварство) отведены исследуемым, а высшая (цивилизация) – исследующим; и в трудах западных эволюционистов XIX века народы представлялись реликтами первобытности, иллюстрирующими определенные стадии прогресса. Стабилизация империи и бурный рост популярности европейского эволюционизма в XIX в. стали причиной того, что российская этнография утратила былое лидерство и испытала мощное влияние европейской антропологии. (Головнев 2018: 17–18)

На принципах эволюционизма строилась и ранняя финно-угорская этнография, в основе которой лежало языковое родство, и разные финно-угорские народы изучались не как отдельные культуры, а как часть единой культуры. Изучая их, финские и венгерские исследователи хотели узнать о своем происхождении и выяснить обстоятельства, связанные с культурным развитием. Рассматривая культурные явления в исторической перспективе, ученые делали выводы, что материальная культура разных народов находится на разных стадиях развития. Особенно распространеной в XIX веке стала «теория треугольника» венгерского исследователя Яноша Янко (*János Jankó*), согласно которой «финно-угорские народы

живут в огромном треугольнике, вершины углов которого образуют венгерский, финский и остяцкий народы. По собранным до сих пор материалам можно констатировать, что в материальной этнической культуре остяки стоят на самом примитивном уровне, за ними следуют финны, материальная этническая культура которых примерно соответствует состоянию венгров, живших на венгерской земле в первые столетия, и, наконец, сами венгры, материальная этническая культура которых самая развитая. Из этого следует, что, принимая во внимание географическое положение, материальная этническая культура всех прочих финно-угорских народов располагается между этими тремя уровнями, ближе то к одному, то к другому; как только мы узнаем всю материальную этническую культуру трех угловых народов, тут же нам дана этнография всех финно-угорских народов» (Nagy 2017: 22, цитирует Jankó 2000 [1898]: 25). Вместе с тем, отмечая культурное превосходство одних финно-угорских культур над другими, финские и венгерские исследователи подчеркивали не примитивность родственных культур, а их древность, архаизм и находили в их простоте и совершенстве источники собственной культуры³⁰ (см. Sääskilahti 1997: 42–48; Nagy 2017: 21–23).

Подытоживая раннюю историю российской этнологической науки, Сергей Соколовский отмечает, что российская антропология, как и ее западные аналоги, формировалась как комплекс наук о человеке и на отдельных этапах своего развития включала в свой объем помимо этнографии также археологию и физическую антропологию. Были периоды в ее истории, когда она рассматривалась как часть географии (в 1920-е годы), истории (практически весь советский период), социологии (в наши дни, в случае кафедр социальной антропологии). Вплоть до начала 1930-х гг. российская этнография сохраняла живые связи с ведущими антропологами всего мира и развивалась в русле общих идей, доминирующих в начинавшей складываться уже тогда мировой антропологической мысли, но последовавшие затем самоизоляция и длительный период насаждения догматического марксизма создали разрыв с мировой наукой³¹. Вместе с тем, к этому времени советская этнография уже обрела собственный путь и

³⁰ Попытки рассмотрения в еще бытующих явлениях традиционной культуры отголосков своего прошлого характерны и для трудов эстонских исследователей. Так, исследования традиционной культуры (малых прибалтийско-финских народов) и культурно-языковых связей и сегодня осознаются как исключительная возможность заглянуть в мир, через который раскрывается состояние эстонской души, обращенное к национальной культуре, в то же время относительно модное. (Arukask 2010: 587).

³¹ На разрыв с мировой наукой указывают и эстонские этнологи. Так, причинами теоретико-методологической отсталости и «особенно (хронического) теоретического недостатка» (Pärdi 1998: 254) эстонской этнологии в 1960–1980-е гг. называются «вынужденная изоляция от внешнего мира, затрудненный доступ к новой научной литературе, бессистемность и немислимая возможность ее использования» (Vunder 1999: 33).

привилегированный объект исследований – этнос. Теория этноса надолго стала символом советской этнографии. (Соколовский 2008: 130–131)

По существу, вышесказанное относится и к эстонской этнологии. Несмотря на то, что эстонская этнография стремилась сохранить в советское время свое национальное лицо, в иерархических условиях «русской традиции, где мало что продвигается без административного плеча» (Головнев 2011: 47), возможностей для этого практически не было. Вместе с тем, именно теория этноса, вопросы этнической истории и современных этнических процессов, широко разрабатывавшиеся в тогдашней советской этнологии, стали для эстонцев научно-обоснованным аргументом в пользу исследований своей национальной культуры и культуры финно-угорских народов. «Создание этногенетического мифа являлось одним из немногих дозволенных видов деятельности, с помощью которых национальная интеллигенция могла легально выразить свое недовольство негативными явлениями в национальной сфере и свое беспокойство за будущее своих народов» (Шнирельман 1993: 64). Иначе, советская этнография способствовала ориентации эстонских исследователей на финно-угорские культуры, ставшей национальной особенностью эстонской этнологии. В Советском Союзе, где местные исследовательские центры занимались в основном изучением местной истории и этнических культур и сравнением их с культурами других, обычно соседних народов, а изучение чужих и отдаленных культур было прерогативой академических центров Москвы, Санкт-Петербурга и научных центров других отдельно взятых городов (в целом такая традиция продолжается в российском научном сообществе и сегодня), в иерархической структуре советской науки с начала 1960-х годов эстонцы стали ведущей силой в исследовании соседних прибалтийско-финских народов. Позднее география эстонских финно-угорских исследований распространилась до саамов Кольского полуострова и обских угров в Сибири.

Как сформировалась эта ориентация, и каковы те аспекты эстонской этнологии, с точки зрения которых можно говорить о своеобразии эстонской финно-угорской этнологии?

2.2. Предшественники, или «волна первооткрывателей»

Особенностью финно-угорской идеи, актуализировавшейся в Эстонии в последней четверти XIX – начале XX века, является то, что ей предшествовала здесь «волна первооткрывателей». С именами многих ученых, уроженцев Эстонии и выпускников Дерптского (Юрьевского/Тартуского) университета, связаны сегодня многочисленные места на мировой карте. Служа в Российском флоте, Академии наук или других государственных учреждениях, воспитанники и ученые университета и выходцы из прибалтийских губерний становились участниками и руководителями исследо-

вательских экспедиций, открывали неизведанные доселе земли и покоряли новые вершины (Passetski 1970; Lukas 2007; Сухова, Таммиксаар 2005). Стоя у истоков складывания предметного поля и методологии различных дисциплин, в течение всего XIX века многие выходцы из Эстонии обогащали этнографическую науку сведениями о жизни и быте разных российских (в том числе финно-угорских и самодийских) народов. Не случайно, что из 17 учредителей созданного в 1845 году Русского географического общества (далее РГО), ставшего центром «всестороннего изучения родной земли», пять человек были также воспитанниками Дерптского университета³² (Varep 1982: 222).

Создание РГО стало одним из начальных пунктов³³ институционализации этнографии как научной дисциплины в России. Этнологические изыскания объединились здесь в рамках деятельности Отделения этнографии, антропологии и исторической географии, возглавляемого в 1845–1848 и 1859–1860 годах уроженцем Эстонии, выпускником Дерптского университета и членом Российской академии наук Карлом фон Бэр. По представлениям Бэра, предметом антропологии являлось все, что мы знаем о человеке («alles, was wir vom Menschen wissen»). Ставя эту дисциплину во главу всех наук («История громко свидетельствует, что когда народ приобщается к культуре, то первые вопросы, которые занимают человеческий ум, это вопросы о происхождении человека и его отношении к природе; можно утверждать, что ранние проблески культуры в том и заключаются, что человек хочет осознать свое собственное бытие»), он включал в нее анатомию, физиологию и психологию человека, а также физическое описание человеческого рода в его настоящем и прошлом, т.е. этнографию, доисторическую антропологию и отчасти археологию (Baer 1824, цитировано по: Райков 1961: 281–282). Бэр смотрел на этнографию по преимуществу с антропологической и вообще естественно-исторической точки зрения, причем он обращал особое внимание на зависимость

³² Из учредителей РГО воспитанниками Дерптского университета были естествоиспытатель и эмбриолог Карл Эрнст фон Бэр (*Karl Ernst von Baer*, в русской традиции Карл Максимович Бэр, 1792–1876), географ и топограф Фридрих Вильгельм Ремберт фон Берг (*Friedrich Wilhelm Rembert von Berg*, в русской традиции Федор Федорович фон Берг, 1794–1874), картограф и геолог Георг фон Гельмерсен (*Gregor von Helmersen*, в русской традиции Григорий Петрович Гельмерсен, 1803–1885), астроном Фридрих Георг Вильгельм Струве (*Friedrich Georg Wilhelm Struve*, в русской традиции Василий Яковлевич Струве, 1793–1864), писатель и лексикограф Владимир Иванович Даль (1801–1872). При Дерптском университете штудировали также и два других члена-учредителя Общества – мореплавател и полярный исследователь Фердинанд Фридрих фон Врангель (*Ferdinand Friedrich Georg Ludwig von Wrangell*, в русской традиции Фёдор Петрович Врангель, 1796–1870) и геодезист Михаил Павлович Вронченко (1802–1855) (Varep 1982: 222).

³³ Хан Фермёлен связывает начало институционализации этнографии с созданием Кунсткамеры в 1714 году, Санкт-Петербургской Академии наук в 1724–1725 гг. и РГО в 1845 г. (Vermeulen 2015: 408–410).

этнографического характера исследуемых народностей от природных условий страны или местности, в которой они обитают (История деятельности РГО 1896: 37). В качестве основной задачи Отделения Бэр выдвигал антропологическую географию, и в особенности изучение малообследованных народностей, живущих на территории России. Для осуществления последнего Бэр предлагал поначалу послать небольшую экспедицию для изучения финских племен, обитающих в пределах Петербургской губернии (Бэр 1846; Райков 1961: 344; Таммиксаар 2011: 73–75). По мнению Бэра, основное внимание должно было уделяться малочисленным народам империи, стоявшим на грани исчезновения, аккумуляции и ассимиляции, в связи с изменениями среды обитания и традиционного природопользования. Финны-угры в этом плане выступали в качестве исторических примеров народов, чья этничность находилась под угрозой. Неслучайно, он стал ментором многих молодых финно-угроведов, отправившихся в научные экспедиции в 1840–1860 гг. (Загребин 2006: 188–189)

Одним из единомышленников Бэра и проводником в жизнь программы изучения инородцев России был и Фердинанд Иоганн Видеманн (*Ferdinand Johann Wiedemann*, в старой русской традиции Фердинанд Иванович Видеман, 1805–1887). Уроженец Эстонии и выпускник Дерптского университета, Видеманн в 1857 году на заседании Историко-филологического отделения Академии наук был утвержден *экстраординарным академиком по филологии и этнографии финских племен*, а в 1859 году – ординарным профессором (он стал преемником Андреаса Йоханнеса Шёгрена (*Anders Johan Sjögren*, 1794–1855)³⁴, первого ординарного академика по классу «лингвистики и этнографии неславянских племен, в России обитающих») (Муковская 2009). Со смертью Видеманна в 1887 году «финнология надолго лишилась своего представителя в стенах Академии наук, и кафедра эта так и осталась никем незанятой» (Поппе 1928: 34); и в конце XIX – начале XX вв. финно-угорские исследования сосредоточились в университетах, научных обществах, учительских и духовных семинариях, а также губернских архивных комиссиях и музеях.

Что касается исследования финно-угорских народов Поволжья и Приуралья, в последней четверти XIX – начале XX вв. большой вклад был сделан здесь научными силами самого Поволжья. Основным исследовательским центром стал Казанский университет и действующее при нем

³⁴ В ранней русской традиции Андрей Михайлович Шёгрэн. Языковед, историк, этнограф, путешественник, «отец российского финно-угроведения», академик Петербургской Академии наук. В 1824–1829 гг. совершил путешествие по Европейскому Северу, побывал у карел, вепсов (именно ему приписывается открытие «вепсов»), саамов, коми-зырян (автор первой монографии про зырян, 1861), ненцев, коми-пермяков, удмуртов; ввел в оборот название «водь». В своих исследованиях впервые показал, что используемый для изучения индоевропейских языков сравнительно-исторический метод можно и необходимо применять и в финно-угроведении. Подробнее о нем см.: Загребин 2006: 197–225, Терюков 2007.

Общество археологии, истории и этнографии (ОАИЭ, 1878–1930) со своим печатным изданием (Известия ОАИЭ). В последнее двадцатилетие XIX в. финские наречия преподавали в Казанском университете выходцы из Эстонии Михкель Веске (*Mihkel Veske*, 1843–1890)³⁵ и его преемник по кафедре Николай Андерсон (*Nikolai Karl Adolf Anderson*, 1845–1905)³⁶. Именно Веске приписывается заслуга в том, что интерес к финно-угорским народам сохранился в России и после кончины Видеманна (Бубрих 1928: 108). Характеризуя особенности личности Веске, Бубрих пишет, что он умел возбуждать мысль и возбуждать энергию, и был романтиком в достойном значении этого слова. Но как преподаватель Веске не мог здесь развернуться: этому препятствовал ряд обстоятельств вроде необходимости его предмета, а отчасти и плохое знание русского языка. Тем шире он развернулся здесь как ученый и всем своим научным начинаниям встречал широкую поддержку. Так, в 1888–1890-х гг. Веске предпринял путешествия к черемисам (марийцам) и мордве, во время которых собирал лингвистические материалы (в том числе около 200 марийских и мордовских песен), по итогам своих путешествий подготовил «Исследование о наречиях черемисского языка» (1889), а также первый том исследования «Славяно-финские отношения по данным языка» (1890), но внезапная смерть ученого прервала подготовку второго тома издания. (Бубрих 1928: 112)

По существу, деятельность Михкеля Веске в Казани можно рассматривать и как научную ссылку. Так, в русле национального пробуждения еще в конце 1870-х годов возник вопрос создания при Тартуском университете «эстонской профессуры для изучения финно-угорских языков, прежде всего, эстонского языка и древней истории», и в качестве потенциального кандидата на место профессора называлось и имя Михкеля Веске, еще в 1872 г. в Лейпциге удостоившегося докторской степени за свою работу по сравнительно-исторической грамматике финно-угорских языков (Kruus 1932: 66–67; Прозес 2008: 89). В обстановке, когда в эстонском национальном движении одновременно существовали прогерманское и прорусское течения, а в самом Тартуском университете наблюдалось столкновение российского центра и прибалтийско-немецкого преподавательского персонала, эстонский вопрос был разрешен, однако, только с созданием Эстонского национального Тартуского университета в 1919 году.

³⁵ В русской традиции Михаил Петрович Веске. Подробнее о нем см.: Смирнов 1904, Бубрих 1928: 107–112, Прозес 2008.

³⁶ В русской традиции Николай Михайлович Андерсон. В 1894 году был избран на место покойного Веске. В 1896 году он предпринял поездку к марийцам и в 1897 году собирался ехать к народам Сибири, но из-за болезни должен был остаться в Казани. Андерсон скончался в 1905 году, незаконченным остался и предпринятый им этимологический словарь финно-угорских языков. (Бубрих 1928: 113–114)

2.3. Провозглашение идеи финно-угорского родства

Несмотря на то, что выходцы из Эстонии в течение всего XIX века обогащали этнографическую науку описаниями многих уральских народов, идея финно-угорского родства, распространившаяся среди венгерских и финских мыслителей, достигла Эстонии только во второй половине XIX века. Хотя небольшие одиночные обзоры о финно-угорских языках и народах стали появляться уже в первых эстонскоязычных периодических изданиях³⁷, в силу небольшого тиража газет и журналов они оставались для большинства эстонцев недоступными, и из финно-угорских народов здесь знали, прежде всего, о своих соседях финнах, ливах, а также саамах (Vääri 1997).

Вероятно, первым публичным оглашением идеи финно-угорского родства можно признать участие двух финнов (археолог И. Р. Аспелин³⁸ и школьный директор К. Г. Сван³⁹) и одного венгра (языковед профессор Пал Хунфалви⁴⁰) на I Всеэстонском певческом празднике в 1869 году (18–20 июня по старому стилю, или 1–3 июля по новому стилю), ставшим кульминационным в национальном пробуждении эстонцев. По крайней мере, с трибуны Певческого праздника было оглашено об участии на нем представителей родственных эстонцам финского и венгерского народов и высказана надежда, что гости увезут с собой приятные воспоминания о празднике и эстонцах и помогут пробуждению родственного чувства к эстонцам у себя на родине (Prants 1926: 359). Идея племенной общности – финно-угорская идея – во второй половине XIX века стала альтернативой к прогерманскому и прорусскому течением эстонского национального движения.

Непосредственное влияние на развитие финно-угристики в Эстонии оказала близость такого научного центра как Гельсингфорс (Хельсинки) со своим созданным в конце 1883 г. Финно-угорским обществом (*Suomalais-*

³⁷ Газеты *Maarahwa Näddala-Leht* (издавалась в 1821–1823, 1825 гг.), издатель и редактор Отто Вильгельм Мазинг (*Otto Wilhelm Masing*, 1763–1832); *Perno Postimees ehk Näddalileht* (издавалась в 1857–1863 гг.), редактор Йохан Вольдемар Янсен (*Johann Voldemar Jannsen*, 1819–1890) и *Eesti Postimees ehk Näddalaleht: ma- ja linnarahvale* (выходит с 1864 года), первый редактор Й.В. Янсен; а также журнал *Ma-ilm ja mõnda, mis seal sees on. Tullosaks ja õppetlikkuks aewieteks Ma-rahvale* (издавался в 1848–1849 гг.), редактор Фридрих Рейнгольд Крейцвальд (*Fridrriich Reinhold Kreutzwald*, 1803–1882) (подробнее об изданиях см. Агу 2008: 9–14).

³⁸ *Johannes Reinhold Aspelin* (1842–1915) – первый финский археолог, «отец финно-угорской археологии», основатель Национального музея Финляндии и Музея Хельсинкского университета.

³⁹ *Carl Gustaf Swan* (1839–1916) – финский учитель, журналист и издатель учебников.

⁴⁰ *Hunfalvy Pál* (1810–1891) – венгерский филолог и этнолог немецкого происхождения, основатель журнала «*Magyar Nyelvészet*» (Венгерская лингвистика). Хунфалви опубликовал свои полевые записки о поездке по прибалтийским провинциям, в том числе и впечатления о Певческом празднике (см. Hunfalvy 2007 [1871]: 111–122)

Ugrilainen Seura), с его печатными органами, архивом, денежными средствами для полевых работ и научной школой, сформировавшейся при университете. Общество, ставившее целью «содействовать получению сведений о финно-угорских народах для изучения их языков, археологии, древней истории и этнологии», благодаря частным пожертвованиям организовывало систематические полевые исследования среди уральских и алтайских народов, финансировало научную работу и публикацию трудов ученых-финно-угроведов. Средства, выделяемые Обществом на проведение полевых исследований, помогли собрать и обработать немало материалов, ныне составляющих «золотой фонд» финно-угроведения. (Sääskilahti 1997: 43; Загребин 1999: 36) Так, в течение первых 30 лет своего существования Общество направило около 30 стипендиатов в экспедиции к близким и дальним родственникам по языку (Сааринен 2000: 721). Стипендиатами общества были, например, финский языковед и фольклорист Юрьё Вихманн (*Yrjö Jooseppi Wichmann*, 1868–1921), побывавший у удмуртов в 1889 году, коми этнограф Василий Налимов (1879–1939) и др. По рекомендации Финно-угорского общества изучал удмуртов и автор первой монографии об удмуртах Максимилиан Бух (Загребин 1999: 42, 62).

Стипендиатом Общества был и один из основателей ЭНМ Оскар Каллас (*Oskar Kallas*, 1868–1946). При финансовой поддержке Финно-угорского общества и Эстонского студенческого общества он совершил в 1893 г. свою поездку в восточную Латвию к лудзейским эстонцам (*Lutsi maarahvas*), где исследовал язык (особое наречие южноэстонского языка) и собирал этнографические предметы. Собранные им предметы были переданы Эстонскому студенческому обществу, тогдашнему Историко-этнографическому музею Хельсинского университета (позднее Финский национальный музей) и Венгерскому этнографическому музею (Õunariu 2006: 58, подробнее об экспедиции Калласа см. Jääts 2013). Опыт финских коллег в деле изучения своей и финно-угорских культур и музейное собрание университета стали ярким примером и при создании ЭНМ. Так, в 1889 году в своем дневнике Каллас писал: «Как ужасно отстаем мы от своих братьев по племени. Когда я впервые увидел прекрасный музей этнографии и археологии, старательно созданный совместными деяниями студентов и другой интеллигенции, мне живо представилась «предметная старина» в нашем обществе [Эстонском студенческом обществе, *Eesti Üliõpilaste Selts*, EÜS, С.К]: пара лаптей и ковш! Смешно...» (Kallas 1923, цитировано по: Õunariu 2006: 57). На финнов равнялись эстонцы и позднее, в годы строительства своей государственности и даже в советское время, в годы «железного занавеса», когда финны были посредниками между Эстонской ССР и Западом.

2.4. Финно-угры как «научная колония»

XX век объединяет в себе как период становления эстонских национальных наук и расцвета «идеи финно-угорского родства» в годы первой Эстонской республики, так и весь советский период эстонской этнологии. Несмотря на, казалось бы, разные идейно-политические парадигмы эстонского и советского времен, расширение географии собирательских экспедиций и использование новых методов исследования культуры в советское время (например, документирование культуры с помощью кино- и видеокамеры), характерной особенностью всего данного периода является ее верность сравнительно-историческому, типологическому и картографическому методам, заложенным в годы становления этнологической науки.

Официальное оформление эстонского финно-угроведения как науки связано с открытием кафедры эстонского и сравнительного языкознания филологического отделения историко-филологического факультета Тартуского университета в 1919 году. Именно при этой кафедре в 1921 году было решено открыть доцентуру этнографии. По мнению Тийу Яаго, для создания отдельной кафедры этнографии, подобно кафедрам языкознания и археологии, в 1919 году стало роковым, прежде всего, наличие ЭНМ, а также связь этнографии с такими областями наук как археология и историческая география. В то время здесь не было точного представления о том, чем должна заниматься кафедра этнографии. К тому же, не хватало и профессоров разных специальностей, которые смогли бы руководить кафедрами (Jaago 2003: 38–39, 47). И хотя решение о создании при кафедре эстонского и сравнительного языкознания доцентуры этнографии было принято уже в 1921 году, преподавать этнографию на этой кафедре начали только в 1923 году⁴¹. Читая лекции по этнографии стал приглашенный в 1922 г. на пост директора ЭНМ финский этнограф Ильмари Маннинен, сначала в качестве исполняющего обязанности преподавателя, а с осени 1924 до 1928 гг. – доцента этнографии. По образцу Хельсинкского университета, где открытая в 1921 году профессура была названа профессурой финно-угорской этнографии, Маннинен предложил назвать ее так же, однако руководство Тартуского университета предпочло оставить название «этнография». (Linnus 1970b: 255; Luts 1982b: 98–99)

В своей вступительной лекции «О границах и перспективах этнографической деятельности в Эстонии» 16 октября 1924 г. Маннинен дал определение этнографии как научной дисциплины и поставил важнейшие цели, к чему следовало стремиться. По определению Маннинена, этногра-

⁴¹ Этнография в Тартуском университете читалась и раньше. Так, первые сведения о преподавании здесь этнографии относятся к 1807 году, когда профессор Георг Фридрих Пёшманн (*Georg Friedrich Pöschmann*) в течение одного семестра читал курс исторической этнографии. В 1820 г. при университете была открыта кафедра истории, географии и статистики, где преподавалась и этнография, тесно связанная с географией и статистикой. (Luts 1982a: 162)

фия – это наука, связанная с предметным наследием, одновременно описательная и сравнительная. Важнейшей задачей эстонской этнографии являлось создание единого представления об эстонском предметном наследии, наблюдение типологического развития важнейших видов предметов, определение распространения основных явлений и культурно-этнографических границ, определение родственных отношений между предметным миром Эстонии и соседних областей (Manninen 1924: 530–532). Концепция И. Маннинена, в которой особое место занимала музейная собирательская деятельность, стала основой для использования сравнительно-исторического, типологического и картографического методов в эстонской этнографии.

Наравне с исследованием эстонского предметного мира, вторым направлением в работе эстонских этнографов и «делом чести» должно было стать исследование дальних родственных народов: «надо направить взоры дальше своего народа. Под этим я подразумеваю, в первую очередь, наши родственные народы. /.../ Исследование родственных народов принадлежит эстонской этнографии так же, как это присуще финской и венгерской этнографии. /.../ Верю, что, когда ворота России откроются, и у Эстонии найдутся молодые горячие силы, которые направятся покорять неизвестные для эстонской этнографической науки земли. По мере сил, достигнут они своими трудами и дальних родственных народов» (Manninen 1924: 527–528).

Еще раньше подобную же идею выразил и Тальгрэн, написав, что для национального музея, являвшегося практической базой для эстонских этнографов, недостаточно сбора и исследования трудов и достижений только эстонского народа, а следует «уже вначале думать еще об одном широком и культурном задании. В Эстонском музее должен быть планомерно хранимый и расширяющийся финно-угорский отдел для тех родственных племен, которые еще не выросли до культурной нации. Это [исследование финно-угров] предоставит науке исследовательское поле, географически простирающееся за Уральские горы и до Ледовитого океана. Наука получит колонию, где поля деятельности ей хватит на сотни лет. Малый народ почувствует стимулирующее и разгорающееся чувство величия; фантазия молодежи, ищущая широкие перспективы, найдет то, что ищет и что реально имеется» (Tallgren 1923b). Предлагая широкое исследовательское поле, финно-угорская этнография стала также средством, с помощью которого можно было заявить о себе научному миру⁴², преемственность финно-угорских исследований она сохранила по настоящее время.

Возвращаясь к вступительной лекции, следует отметить, что Маннинен, хорошо знакомый с деятельностью Финского национального (*Suomen*

⁴² Особенно в советское время, когда в лице проводимых с 1960 года Международных конгрессов финно-угроведов появилась реальная возможность выезжать на международные научные форумы.

Kansallismuseo) и Шведского Северного (*Nordiska Museet*) музеев, а также с музеями Литвы, Латвии, Польши, Венгрии и Германии (Linnus 1970b: 248; 253), в своей программе провозгласил общие направления, характерные для тогдашней этнологической науки.⁴³

В историко-географическом русле развивалась в то время и скандинавская этнология, к которой методологически очень тесно примыкала ранняя эстонская этнография. Так, для шведской этнологии первой половины XX века было характерно обращение к различным темам, касающимся, в первую очередь, материальной культуры, быта и традиций, исконных ремесел как в самой Швеции, так и в регионе в целом. В этот период основная деятельность этнографов сводилась к музейной работе и накоплению полевого материала. Ведущим направлением скандинавской этнологии до середины XX века было сравнительное изучение «народной жизни», под которой понимались все стороны жизнедеятельности человека; а региональные проблемы скандинавской этнографии трактовались в тесной связи не только с европейской, но и общемировой наукой (Сорокина 2018: 378, см. также Rogan 1996; Sääskilähti 1997: 58–60, 65–66).

Интересно сопоставить программу Маннинена и с докладом Дмитрия Зеленина «Перспективный план работ по изучению генетики культуры» в секции культуры Государственной Академии Истории Материальной культуры 31 марта 1928 года, где он называет основные принципы сравнительно-этнографического изучения культурных явлений, выявляющего не только движение культуры во времени, но и движение ее в пространстве. По Зеленину, основные цели сравнительно-этнографического анализа состоят в том, чтобы: 1) выявить культурные районы; 2) определить культурные центры; 3) выяснить пути и факторы процесса распространения культурных элементов и культурных комплексов; 4) изучить происхождение культурных элементов, возникающих в одних случаях путем конвергентности, в других – путем диффузии. Начальный и исходный пункт работы в этом направлении – картографирование, нанесение на географическую карту районов распространения разных типов культурных элементов и культурных комплексов, другими словами, «культурно-

⁴³ С конца XIX в. в этнологии стал распространяться диффузионистский подход. В отличие от эволюционистской теории социально-культурной антропологии, согласно которой разные группы человечества переходят от одной фазы развития к другой по одной неизбежной прогрессии, диффузионизм полагал основой развития культуры и культурных явлений процессы заимствования и распространения культуры, а именно, что люди имеют возможность учиться друг у друга и передавать полученные атрибуты посредством коммуникации. Согласно этому, цель этнологической науки состояла в точном показе пространственного распространения культур или отдельных элементов, выявлении областей происхождения культурных элементов, а также в реконструкции путей их перемещения и определении временных рамок. С этим было тесно связано и развитие картографии. (Зельнов 1988: 141, Bloch 2007: 67–68)

географическое районирование» (Зеленин 1928: 258–259).⁴⁴ Выпускник Юрьевского университета (1899–1905) Дмитрий Зеленин и доцент Тартуского университета Ильмари Маннинен были знакомы и лично. Так, финский этнолог встречался с ним в Ленинграде в 1928 году, когда готовил свою книгу по этнографии финно-угорских народов (см. Manninen 1929); известно, что в 1920–1940-е гг. Зеленин активно общался и с другими эстонскими этнологами (Kurg, Kongo 1996: 2289–2290).

В вышеназванной книге Маннинен высказывает новаторскую для тогдашней финно-угорской этнологии мысль, согласно которой, одним из факторов того, что в предметной культуре обособленных друг от друга финно-угорских народов много общего, является позднее влияние русской культуры (Manninen 1929: 4; Linnus 1970b: 258). Иначе говоря, акцент с поиска общих корней финно-угорских культур размещается на заимствования и культурное взаимовлияние. Фердинанд Линнус, заменивший Маннинена на посту директора ЭНМ, тоже отмечает: «Находясь между славянскими и германскими народами и подвергнувшись влиянию с обеих сторон, мы должны рассматривать те же проблемы, что и в других странах, чтобы выяснить, что в нашей предметной культуре является заимствованием из чужого и что может быть исконно нашим» (Leinbock 1930: 51). Следует отметить, согласно Линнусу, «слово „этнография“ в эстонских исследованиях понимается как изучение материальной народной культуры, что в немецком языке может приблизительно соответствовать термину „эргология“» (Linnus 2005 [1938]: 343) – дисциплина, непосредственно связанная с предметной культурой и историей ремесел: какие орудия и методы труда применялись в различные эпохи; как они изменялись и усовершенствовались; как происходило заимствование из других культур; исследование производственных процессов и аспектов, оказавших на них влияние, и т.п. (Словарь).

Подходы, выраженные первыми директорами ЭНМ, оставались актуальными в эстонской этнологии вплоть до 1990-х годов. Этому благоприятствовала и советская этнология. Так, в советские годы эстонские этнологи начинают активно вовлекаться в т.н. региональные исследования – в 1952–1955 гг. в работе этнографическо-антропологической экспедиции Института этнографии Академии наук СССР, позднее – объединенной Балтийской комплексной экспедиции, темой исследования которых были «Этногенез народов Прибалтики по данным истории, антропологии и этнографии» и «Славянско-прибалтийско-финские связи», а также составление «Историко-этнографического атласа Прибалтики» (Astel 2009: 232–233; Konksi 2009: 274–275). Наравне с вопросами этногенеза и культурных взаимодействий, в рамках этих экспедиций большое внимание уделялось и исследованию предметной культуры, рассматриваемому как преемственность традиций эстонской этнологии (см. Jääts, Metslaid 2018: 123).

⁴⁴ Позднее на метод Зеленина как пример, к чему должны стремиться эстонские этнологи, указывает и Фердинанд Линнус (см. Leinbock 1930: 50).

Активно документировались и трудовые процессы, особенно с появлением в арсенале музея киноаппаратуры и позднее видеокамеры.

Сергей Арутюнов, характеризуя проблемы этнографического изучения материальной культуры в советское время, пишет, что особенно продуктивно и хорошо занимались материальными вещами балтийские коллеги. При этом он отмечает, что в условиях жесткого идеологического пресса заниматься социальными структурами и духовной культурой, которая неизбежно связана с религией, было не очень уютно и даже в какой-то мере рискованно, потому что всегда можно было нарваться на всякого рода идеологическую критику; гораздо спокойнее было заниматься материальной культурой. Автор пишет, что особенностью советской этнологии было то, что очень много внимания уделялось этногенезу и много внимания уделялось материальной культуре. Этногенез был самым распространенным словом тогдашнего лексикона и весьма гадательной областью, к тому же, требующей комплексного подхода. И многие ученые считали, что комплексными проблемами нельзя и невозможно серьезно заниматься, что каждый должен копать какую-то свою ямку (Арутюнов 2011: 6–7). Следует заметить, что от исследований вопросов этногенеза отказался в свое время и ЭНМ, объяснив это тем, что проблема этногенеза – это специальное исследование, которое стоит выше профиля музея и является задачей сектора этнографии Института истории Академии наук ЭССР. И что такое основополагающее исследование не входит в рамки музея, ибо: 1) оно раздробляет музейную работу; 2) в музее нет и соответствующих кадров. Но так как коллекции народной одежды находятся в музее, музей будет продолжать исследования этногенеза в рамках этой темы, но не будет готовить самостоятельно издания (*Eesti Rahva Muuseumi teadusliku Nõukogu protokollide raamat. 2. X 1945. – 28. XII 1953. a., l. 34–35*). Такое решение было принято на заседании Научного совета музея 13 ноября 1950 года, и, по существу, приоритетом музея осталась собирательская работа.

XX век (1920–1990 гг.) в эстонских финно-угорских исследованиях характеризуется определенной систематичностью и комплексностью в методах накопления полевого материала: собираются этнографические предметы и справочный материал, делаются рисунки и фотографии культурных объектов, ведутся кино съемки традиционных занятий и старинных процессов труда, с 1988 года в работе экспедиций применяется видеокамера. Особенностью финно-угорских полевых этнографических исследований 1970–1990 гг. является то, что многие экспедиции проводятся совместно с научно-культурными центрами и музеями на местах; научно-культурное сотрудничество получает оформление и в виде межинституциональных договоров о сотрудничестве (подробнее об этнологических исследованиях данного периода на примере исследования удмуртской культуры см. в статьях 5–6 данной диссертации).

С начала 1990-х гг. начинается процесс переосмысления музейных и этнологических теорий, а также поиск новых, альтернативных стратегий собирательской работы. Критике подвергается музейная собирательская

работа, приобретшая “признаки гигантомании, когда целью стало как можно большее число предметов, а не их содержательная ценность” (Luts 1999: 38), вместе с тем, признается факт, что теперь в сборе фрагментов финно-угорских культур уже невозможно достичь того уровня, что было в 1970–1990-е годы (Leete 1998: 14, 28). Одновременно, как самими собирателями, так и другими исследователями активно вводится в научный оборот полевой материал, хранящийся в архивах и музеях Эстонии. Круг исследовательских интересов этнологов перемещается с предметной культуры на переосмысление собранных ранее материалов, с приверженности к «старине» к современным процессам. Масштабность финно-угорских исследований начинает постепенно уменьшаться, полевые исследования проводятся в рамках проектов отдельных исследователей, финансируемых из научных грантов и фондов, что характеризуется конкретизацией разрабатываемых тем и научных изысканий. Основой научно-культурных взаимоотношений последних лет являются, прежде всего, межличностные отношения, нежели широкое сотрудничество на институциональном уровне, причем в полевые исследования активно вовлекаются молодые ученые финно-угорского происхождения, получившие академическое образование уже в вузах Эстонии.

3. О СОДЕРЖАНИИ РАБОТЫ

В докторской диссертации объединены статьи, опубликованные в разных изданиях в 2008–2015 годы. Особенности работы, представляющей собой собрание статей, обусловлены общим характером и композицией диссертации: она не имеет жесткой структуры, ибо поводом для написания той или иной статьи послужили разные обстоятельства, будь то отдельная конференция, курирование экспозиции или научный грант. Одновременно, каждый журнал предъявляет свои требования к содержанию, структуре и оформлению материалов; к тому же, диктуемый журналами допустимый объем публикации обычно предполагает от автора лаконичности в рассмотрении тем и отцеженности выводов. Потому, тема эстонского финно-угорского дискурса и эстонского удмуртоведения в диссертации раскрывается через отдельные сюжеты-статьи, написанные в разных жанрах культурно-антропологического исследования.

3.1. Музеологический контекст финно-угорского дискурса

Две статьи диссертации связаны с репрезентацией финно-угорских культур в Эстонском национальном музее. Основанный в 1909 году ЭНМ ставил себе целью развитие эстонской этнологии, где «собираются всякого рода словесные и вещественные памятники: народная поэзия, названия местностей, филологические материалы, народная музыка, народные песни, произведения народного искусства, национальные костюмы, орудия, предметы обихода и т. д. /.../ произведения искусства, печати и рукописные материалы о ходе развития эстонского народа в прошлом и настоящем» (Устав 1914: 3–5). Иначе говоря, создаваемое учреждение задумывалось как универсальный музей с широким амплуа.

Характеризуя широко распространенные в Европе в XIX – начале XX вв. музеи универсального типа, связанные с культурной, территориально-исторической и этнической идентичностью определенного региона (т.н. «национальные музеи»), Марианн Райсма пишет, что идеологической основой таких музеев была вера в целостность истории, вера в то, что определенную территорию можно коллекционировать и описывать. Для них были свойственны стремление к системности, универсальность тем и разнообразие коллекций. (Raisma 2005: 783–784) Собираемое все и вся было характерно и для зарождавшейся эстонской музейной народоведческой традиции, и коллекции Эстонского национального музея варьировались от объектов природы, предметов археологии, военного снаряжения, произведений новейшего искусства и техники до словарного запаса эстонского языка. Из музея универсального типа ЭНМ постепенно превратился в центр эстонской народоведческой науки, определился и централь-

ный – культурологический – аспект идентичности музея (там же). Делая отчет о проделанной работе музея за первый год своего директорства и ставя новые цели, на общем собрании ЭНМ 15 апреля 1923 года Ильмари Маннинен отметил: «Наш национальный музей должен стать таким, чтобы он мог выполнять свою миссию национального учебного заведения. Музей должен стать таким, чтобы он поднимал душевное состояние народа, рождает энтузиазм, создавал великие мысли. Эстонскому народу также следует запомнить тот девиз, который можно прочесть на камне у ворот всемирно известного музея под открытым небом «Скансен» в Стокгольме: «Мы маленькая нация, но мы должны мыслить по-большому» (ERM A, nr. 1, s. 521).

Символом широты миссии ЭНМ и пищей для этнографических мечтаний для музея стали финно-угорские народы (Leete, Karm 2015: 100). Так, уже в 1913 году, когда в музей поступили первые мордовские и другие предметы, прозвучали мысли о создании «соответствующего отдела для оживления ремесел, куда следует приобретать как эстонские, так и другие (Россия, Финляндия и др.) работы», а в 1915 году был открыт так называемый отдел других народов (*võõrrahvaste osakond*) (Linnus 1970a: 227). И если в 1913–1914 гг. финно-угорские коллекции пополнялись за счет случайных пожертвований собирателей-энтузиастов, то уже с 1922 года музеем стали проводиться специальные собирательские работы у родственных по языку соседей – ижоры, ливов, карел, ингерманландцев. В 1923 году в музей была депонирована этнографическая коллекция Эстонского Ученого Общества (*Õpetatud Eesti Selts*), содержащая удмуртские, марийские и др. предметы. В марте 1924 года руководство ЭНМ вынесло решение о создании отдела финно-угорских народов, «целью которого было развивать этнографическое и археологическое исследование как близких, так и дальних родственных народов» (ERM A, nr. 1, s. 521), и началась целенаправленная работа по подготовке соответствующей экспозиции⁴⁵.

Можно сказать, что и вся дальнейшая традиция эстонских финно-угорских этнологических исследований получила музейное измерение, заключаясь вплоть до 1990-х годов в собирательской работе по комплектованию этнических коллекций, в составлении сравнительно-типологических обзоров развития и распространения важнейших видов этнографических объектов, в определении культурно-географических границ и ареалов распространения отдельных явлений и артефактов (Manninen 1924: 530–532; Петерсон 2007: 109–110; Viires 1993). Результатом собирательской работы является то, что в фондах ЭНМ сегодня хранятся материалы порядка 200 финно-угорских экспедиций – это предметы, фотографии, этнографические рисунки, рукописные материалы, кино- и видеоленты. За десятки лет проведены разные тематические конференции и выставки, на основе поле-

⁴⁵ Финно-угорская экспозиция была открыта в музее в декабре 1928 года (подробнее о выставке см: Ränk 1929).

вых материалов написаны статьи и монографии, внесен вклад в развитие сотрудничества финно-угорских народов. (Karm, Nõmmela, Koosa 2008).

Исходя из положения, что «музей – это то, что там видно» (Pärdi 1994: 33) и «музейная этнография – это „наука напоказ“» (Баранов 2010: 28), две статьи диссертации непосредственно связаны с финно-угорской экспозицией «Эхо Урала», «одним из последних грандиозных достижений финно-угризма в Эстонии» (Agukask 2018: 114), или «масштабным физическим выражением финно-угорской мысли и финно-угорского пространства» (Kaaristo 2018). На сегодняшний день это единственная в мире музейная экспозиция, посвященная культуре уральских народов.⁴⁶

Статьи, написанные на разных этапах подготовки постоянной экспозиции, знакомят с «режиссурой этнографической выставки» (Головнев 2007: 22), а также с идейными аспектами создания финно-угорских выставок в ЭНМ в историческом контексте.

- **Светлана Карм 2011. Эхо Урала в Эстонском национальном музее, или музееологический аспект эстонского концепта «финно-угорский мир».** – *Ежегодник финно-угорских исследований (Yearbook of „Finno-Ugric Studies“)*. Выпуск 3: 98–110.

В статье представлены размышления о том, почему в Эстонском музее, созданном еще в начале XX века в процессе модернизации и связанном с

⁴⁶ Финно-угорские культуры представлены также, например, в постоянной экспозиции Российского этнографического музея (Санкт-Петербург), составляя часть «парада народов России». Построенная по географическому принципу (Европейский, Сибирский, Среднеазиатский, Кавказский этнокультурные ареалы), выставка показывает как культурное своеобразие каждого народа, так и общие для нескольких этносов черты, появление которых обусловлено проживанием в сходных природно-климатических условиях, долгим соседством и общностью исторических судеб (Баранов 2004). В центральных и национальных музеях финно-угорских регионов России в основном уделяется внимание показу истории края и культуры местных народов и делается акцент на региональной идентичности. Самую длительную традицию репрезентации культур разных уральских народов имеет Национальный музей Финляндии (*Kansallismuseo*), где уже в 1923 году была открыта первая финно-угорская экспозиция, подчеркивавшая культурную и историческую общность финнов и российских финно-угров. Послевоенная экспозиция музея 1950–1968 гг. была связана с интересом к традициям и ставшим популярным там в 1960–1970 гг. фольклоризмом; в 1972–1997 гг. финно-угорская экспозиция практически не обновлялась. В 1999 г. финно-угорские коллекции были перемещены из Национального музея в его филиал Музей культур, где они соседствовали с экспонатами из Индии, Африки и Азии, – свидетельство утраты доминирующего значения родственно-языкового аспекта финляндского национального мифа и замена мифологии родства постэтничной мультикультурностью. С 2013 года, в связи с закрытием Музея культур, богатые финно-угорские коллекции музея на выставках (за исключением виртуальных) уже не представлялись. (Сурво В., Сурво А. 2008: 834, 837; Шнирельман 2010б: 11, 16–17; Lehtinen 2017: 65–66)

национальной идеей, и в начале XXI века, наравне с эстонской экспозицией, готовится постоянная выставка, посвященная финно-угорским (уральским) культурам. Знакома с основными положениями концепции готовящейся финно-угорской экспозиции⁴⁷, задаюсь рядом вопросов и пытаюсь ответить, кому она адресована, насколько актуальна и привлекательна сегодня в Эстонии финно-угорская тематика, а также анализирую социально-исторический контекст деятельности эстонских этнологов по исследованию и экспонированию финно-угорских культур.

Анализируя роль и место финно-угорских исследований в Эстонии, нахожу, что важным аргументом в пользу создания постоянной финно-угорской экспозиции является наличие в музее богатой финно-угорской коллекции, представленной этнографическими предметами, фотографиями, рисунками, рукописными и аудиовизуальными материалами, и оставить невостребованной финно-угорскую коллекцию – значило бы оставить неакцептированным одно из направлений научной деятельности, ставшим визитной карточкой ЭНМ. Кроме того, экспонируя культуру уральских народов, музей расширяет свое культурологическое поле, выходя за границы узкого, локального, и привносит тем самым в свое пространство контекст мировой культуры (в том числе актуальной сегодня культуры коренных малочисленных народов).

Научно-музеологический контекст эстонского финно-угроведения рассматривается мною в рамках идеи культурной идентичности и идеи «малого народа», ставшей объединяющим нарративом эстонской национальности. Для Эстонии, в силу географических и исторических причин занимавшей и занимающей пограничное положение между разными мирами, вопросы культурной идентичности не теряют актуальности и сегодня. Приняв европейские ценности и прочно определяя свое место в Европе, эстонский народ продолжает искать корни своей идентичности в финно-угорских культурах, видя в них своеобразный культурный тыл, основу своей традиционной культуры.

- Svetlana Karm, Art Leete 2015. *Ethics of Ethnographic Attraction: Reflections on the Production of the Finno-Ugric Exhibitions at the Estonian National Museum.* – *Journal of Ethnology and Folkloristics*. Vol. 9, No. 1: 99–121.

Статья является логическим продолжением предыдущей работы и представляет собой (отчасти автоэтнографический) анализ опыта репрезентации финно-угорских культур в музейном пространстве. В статье анализируется, какая роль предоставлялась финно-угорским культурам в эстон-

⁴⁷ Новое музейное здание и экспозиции были открыты для посетителей 1 октября 2016 года.

ской этнологии, и какие формы и методы экспонирования этнической культуры преобладали здесь в разные годы.

Ретроспективный обзор финно-угорских выставок ЭНМ показывает, что преобладающее большинство ранних экспозиций сосредоточивалось на презентации народного искусства, что неоднократно отражалось и в названиях выставок. С другой стороны, музейные сотрудники пытались создавать образы конкретных народов с помощью хранящихся в музее материалов. Такие выставки посвящались определенным финно-угорским народам, и на них обычно выставлялась по возможности наиболее репрезентативная коллекция предметов, систематизированных в духе научной объективности. Со второй половины 1990-х годов сотрудники музея начали готовить выставки и по экспериментальным темам, проверяя таким образом пригодность различных идей для этнографического отображения. Исследование дает возможность проследить связь национальных и международных тенденций в репрезентации культур, а также говорить о высокой профессиональности разных поколений эстонских музейных сотрудников, следовавших лучшим примерам выставочной практики своего времени.

Статья подготовлена совместно с научным руководителем Артом Леэте. Соавторство связано также с тем, что, обладая ранним опытом создания финно-угорских выставок в ЭНМ и являясь в 2008–2016 гг. кураторами⁴⁸ готовящейся финно-угорской экспозиции, нам не раз приходилось обосновывать различной публике как важность самой выставки, так и ее концептуальные положения. Идея статьи зародилась в ходе работы над научно-популярной заметкой для Ежегодника объединения «Фенно-Угрия», сосредоточенной на ранних финно-угорских выставках ЭНМ (Karm, Leete 2014)⁴⁹. Проанализировав в ней музейный опыт репрезентации финно-угорских культур в исторической перспективе, появилось желание рассмотреть его в сопоставлении с международной музейной практикой этнографических реконструкций. Роль диссертанта в подготовке статьи заключалась в ретроспективном анализе выставочной деятельности ЭНМ и разработке материалов из архива ЭНМ. Арт Леэте проанализировал экспозиции в контексте развития международной музеевлогической мысли, ему же принадлежит окончательное оформление статьи. В диссертации, помимо англоязычного оригинала, приводится и русскоязычный вариант статьи – «Этика этнографического очарования: анализ практик создания финно-угорских выставок в Эстонском национальном музее» в переводе Анастасии Шумиловой (статья напечатана и на венгерском языке, см. Karm, Leete 2018a).

⁴⁸ Арт Леэте одновременно является и автором концепции выставки, диссертант – ведущим куратором и координатором всего подготовительного процесса.

⁴⁹ Еще при подготовке и уже после открытия финно-угорской выставки нами были подготовлены и другие тематические статьи – см. Leete, Karm 2015; Karm, Leete 2018)

Исходя из опыта предшествующих выставок, при подготовке экспозиции «Эхо Урала» мы решили придерживаться стратегии этнографического очарования – подхода, отвечающего высоким стандартам этнографического обаяния и совмещающего эстетичность с этическим принципом, надеясь при этом, что созданная в таком ключе выставка ответит чаяниям как самих финно-угров, так и всех тех, кто, может быть, впервые прикоснется к их культуре именно в Эстонском национальном музее.

3.2. Эстонский финно-угорский дискурс сквозь призму персональных историй

Историю любой науки, в том числе этнологии, невозможно раскрыть без обращения к личности ученого и той социокультурной реальности, в которой он работал. Реконструкция жизненного опыта личности, анализ его вклада в создание научных ценностей и исследовательских идеологий своего времени, выяснение предрасположенности к определенной деятельности и мотивов принятия тех или иных решений – лишь небольшой перечень тем, связываемых сегодня с исторической персонологией, в русле которой написаны две следующие статьи диссертации.

Используя методы биоисториографического анализа, связывающего личность с эпохой, научное творчество – с социальным контекстом, в двух статьях диссертации раскрываются жизненные истории отдельных ученых, стоявших у истоков складывания эстонской и удмуртской национальных гуманитарных наук. Одновременно, через личные биографии ученых анализируются вопросы взаимодействия и коммуникации научных кругов в период между мировыми войнами, а также отношения между наукой, обществом и государством в контексте дискурса науки и власти.

Мишель Фуко (*Michel Foucault*) обращает внимание на тесную взаимосвязь интеллектуальной и политической мысли. Он подчеркивает, что деятельность и результаты трудов ученого тесно связаны с социально-историческим контекстом и во многом зависят от идеологических установок своего времени. Интеллектуал действует на общем уровне режима истины того общества, в котором он находится; и каждое общество имеет свой режим истины, свою «общую политику» истины (Фуко 2002 [1976]: 206). Рассуждая о месте интеллектуала в политической иерархии, Фуко отмечает, что интеллектуалы являются частью системы власти, да и сама идея, что они служат носителями «совести» или «сознания» и дискурса, также является частью этой системы. Для интеллектуала занятие политикой традиционно и обусловлено его положением в обществе, в системе производства, в идеологии, которую это положение создает или навязывает, и его собственным дискурсом в той степени, в какой он открывает определенную истину и находит политические отношения там, где их не замечают. Место ученого в дискурсе власти подразумевает не только знания,

идеи, культурное и политическое лидерство, но и то, что в системе власти он в любой момент может оказаться в роли отверженного или преследуемого (Foucault 1992: 49). В контексте соотношения науки и власти, судьбы рассмотренных ниже ученых в какой-то мере оказались весьма схожими: занимая высокие посты в научной и общественно-политической жизни своих народов, все они непосредственно формировали общую «политику истины»; а в изменившихся идеологических условиях стали «неудобными» для властей и государства и оказались перед выбором между жизнью и смертью, между родиной и эмиграцией.

Ниже следующие две статьи подготовлены совместно с Алексеем Загребиным⁵⁰ – общие исследовательские интересы нас связывают со студенческих лет. Будучи хорошо знакомы с публикациями по финно-угорским исследованиям, мы оба замечали, что биографии и научные изыскания эстонских этнологов в русскоязычной историографии весьма фрагментарны, и решили в какой-то мере восполнить этот пробел, рассказав о судьбах ученых со сложной судьбой, по ряду причин (прежде всего, языковых и идеологических) долгое время оставшихся вне поля научных трансляций. Одновременно, фокусируясь на биографических данных отдельных ученых, хотели показать истории научных учреждений и неформальных объединений, в которых они работали и формировались, а также раскрыть контекст, связанный с научно-идеологической пристрастностью ученых, их взаимоотношениями с коллегами и работодателями и вовлеченностью ученых в общее дело. Обе статьи базируются в основном на эстонском (эстонскоязычном) материале, потому ведущая роль в написании статей – в разработке общей структуры, поиске и анализе архивных и мемуарных документов – принадлежала диссертанту. Соавтор оказывал консультационную поддержку по содержанию и оформлению работ, делал редакционные правки, а также подготовил аннотации и вводные части статей.

- **Светлана Карм, Алексей Загребин 2014. Кузубай Герд и его эстонские корреспонденты.** – *Вестник Удмуртского университета*. Серия «История и филология». Выпуск 1: 118–127.

Статья, написанная в жанре историко-биографического очерка, сосредоточивается на жизни и творчестве двух эстонских ученых и общественных деятелей – историка Александра Пырка (*Aleksander Põrk*, 1873–1933) и языковеда Юлиуса Марка (*Julius Mark*, 1890–1959), фигурирующих в

⁵⁰ Статья 4 данной диссертации написана в рамках гранта № 14-18-03573 Российского научного фонда «Поля несуществующего»: неизвестные источники по истории и культуре финно-угорских народов России (поиск, публикация, популяризация)», 2014–2016 гг. (А. Загребин – руководитель гранта, С. Карм – исполнитель).

судебно-следственных материалах «Дела СОФИН» (1932–1933)⁵¹, известного также как «Дело Кузубая Герда»⁵². Начатое в Удмуртии в мае 1932 года «Дело СОФИН» стало одним из первых процессов в целом ряде политических репрессий, инициированных властями против малочисленных народов России.

Ведущей фигурой судебного-следственного процесса являлся удмуртский писатель, ученый и активист удмуртского национально-культурного строительства Кузубай Герд (Кузьма Иванович Чайников, 1898–1937). Суть «Дела» заключалась в том, что якобы была «раскрыта» созданная известным буржуазным писателем Кузубаем Гердом контрреволюционная националистическая организация под названием «СОФИН» (Союз освобождения финских народностей), деятельность которой была направлена на отторжение Удмуртской автономной области и других автономий (Марийская, Мордовская, Карельская, Коми-Зырянская) от СССР и создание «Единой финно-угорской федерации» под протекторатом Финляндии. Аресты по процессу продолжались до конца 1930-х годов, в результате было физически и морально ликвидировано первое поколение национальной интеллигенции финно-угорских народов – ученые, писатели, студенты и партийно-советские работники. Реабилитация осужденных произошла в основном в 1956–1958 гг. (см. Куликов 1997).

Не ставя перед собой цели углубления в подробности «Дела СОФИН» и попытки уличения кого-то в шпионаже или доказательстве их невиновности⁵³, в статье раскрываются биографии трех ученых, связывавших национальную идею со значимостью изучения истории, языка и культуры своего народа; а через их судьбы – система отношений, сложившаяся в

⁵¹ Из эстонцев в «Деле СОФИН» упоминаются также работники посольства Суллинг и Курфельдт, а также Лаанэ (Куликов 1997: схема). Александр Суллинг (*Aleksander Sulling*) числился служащим Министерства иностранных дел Эстонии в 1920, 1923–1924 гг. и работал в Московском посольстве Эстонии в 1924–1926 годах. Ольга Руссин (Курфельдт) (*Olga Russin (Kurfeldt)*) являлась служащей и бухгалтером МИД Эстонии в 1922–1937 годах, в том числе работала переводчицей в Московском посольстве Эстонии в 1924–1927 гг. (Mulla jt 2006: 183).

⁵² Сегодня личность и «тема Герда» являются неотъемлемой частью (удмуртского) регионального национального и научного дискурсов, сложилось такое комплексное направление науки как *гердоведение* (впервые термин был введен удмуртским писателем и литературоведом Александром Шкляевым (см. 1988: 28)), рассматривающее его литературное творчество, научную, педагогическую и общественно-политическую деятельность. Имя Кузубая Герда хорошо известно и в Эстонии. Так, с 2007 года Совет Программы родственных народов Эстонии и Ассоциация финно-угорских литератур ежегодно вручают литературную премию для писателей, переводчиков и литературоведов – представителей уральских народов, не имеющих своей государственности, и имена лауреатов премии объявляются 1 ноября в память о дне расстрела Кузубая Герда (Hõimurahvaste programmi auhinnad).

⁵³ В последнее время материалы «Дела СОФИН» изучаются достаточно активно, см., например, Кузнецов 1994; Сануков 1996, 2002; Куликов 1997, 2002; Загребин А, Куликов 2011; Терюков 1997; Юлтунен 2002.

1920–1930-е годы между учеными, политиками и общественными деятелями, разработавшими идею финно-угорского родства и культурного диалога. Статья базируется на публикациях по «Делу СОФИН» и о Кузубае Герде, на материалах эстонской (прежде всего, *Eesti Keel* и *Eesti Kirjandus*) и финской (*Journal de la Société Finno-ougrienne*) научной периодики 1920–1940-х годов, а также документах из архивов Эстонского национального музея (ЭНМ, Тарту) и Центра документации новейшей истории Удмуртской Республики (ЦДНИ УР, Ижевск).

- **Светлана Карм, Алексей Загребин 2015. Неизвестное этнографическое финно-угроведение: эстонская история.** – *Вестник Удмуртского университета*. Серия «История и филология». Т. 25, выпуск 1: 36–44.

Как и предыдущая работа, статья является историко-биографической и знакомит с судьбами первых профессиональных эстонских этнологов Густава Рянка (*Gustav Ränk*, 1902–1998), Ильмара Тальве (*Ilmar Aleksander Talve*, 1919–2007) и Эрика Лайда (*Eerik Laid*, 1904–1961). Истории этих трех исследователей объединяет то, что свое университетское образование они получили в Тартуском университете в период первой Эстонской республики, научную карьеру начинали в Эстонском национальном музее и продолжили ее после II Мировой войны в эмиграции. Судьбы этих людей вобрала в себя некоторые типичные черты и жизненные эпизоды ученых, перед которыми в военные годы встал непростой выбор – остаться в Советской Эстонии, или искать себя в чужом «свободном мире». Так, осенью 1944 года бежало из Эстонии на Запад около 75 000 человек (Leimus 2008: 83); только из Тартуского университета эмигрировало около половины тогдашнего почти двухсотного преподавательского состава (Paljak 2013: 49, Künnapas 1984). В числе беженцев оказались и многие молодые эстонские финно-угроведы – филологи, этнологи, фольклористы... Часть из них была вынуждена оставить поприще, начатое еще на родине, другая, наоборот, смогла продолжить научную деятельность, достигнув немалых успехов и в мировой науке. Среди последних были и этнологи Г. Рянк, И. Тальве и Э. Лайд. Но и будучи уже сложившимися европейскими этнологами, они не оставляли своих финно-угорских интересов.

В статье освещается путь трех эстонских ученых в науку и рассматриваются т.н. «восточные экспедиции» 1942–1943 гг. на территории проживания води и ливов, находившиеся в то время под немецкой оккупацией. Основываясь на полевых дневниках и мемуарных материалах самих участников экспедиций, раскрывается фоновая обстановка полевых изысканий, проведенных «в чрезвычайное время и в чрезвычайных условиях» (Ariste 2005: 47), а также анализируются результаты исследовательской работы.

В контексте истории эстонских полевых финно-угорских изысканий экспедиции 1942–1943 гг. представляют собой одни из первых опытов т.н. «комплексных собирательских экспедиций», в которых участвовали представители разных дисциплин (этнология, языковедение, фольклористика, физическая антропология, художественное искусство) и научных центров (ЭНМ, Тартуский университет). Еще раньше, в 1937 г., на Ливском побережье в Латвии совместные полевые исследования вели вышеназванный этнолог Густав Рянк, фольклорист Оскар Лооритс (*Oskar Loorits*, 1900–1961) и географ Эдгар Кант (*Edgar Kant*, 1902–1978), эмигрировавшие из Эстонии в 1944 году. В 1939 г. на Ливском побережье вместе со съемочной группой побывал тогдашний директор ЭНМ Фердинанд Линнус, репрессированный в 1941 г. и погибший в заключении в Горьковской области. По итогам этой экспедиции студией *Eesti Kultuurfilm* был подготовлен документальный фильм-хроника «На ливском побережье» (*Liivi rannikult*, 1940) (см. *Eesti Filmi Andmebaas*).

Тема проведения комплексных экспедиций особенно актуализировалась в Эстонии уже в советские годы, когда ведущие музеи республики – ЭНМ, Эстонский литературный музей (*Eesti Kirjandusmuuseum*, в то время Государственный литературный музей), Эстонский исторический музей (*Eesti Ajaloomuuseum*, в то время Государственный исторический музей) – стали подведомственными учреждениями Отдела общественных наук Академии наук Эстонской ССР (*ENSV Teaduste Akadeemia Ühiskonna teaduste osakond*, далее в тексте АН ЭССР).⁵⁴ В начале 1960-х годов эстонские этнологи выезжали в свои первые финно-угорские экспедиции вместе с лингвистами и фольклористами. «Чисто музейные» собирательские этнографические экспедиции начались здесь в 1966 году, достигнув своего апогея во второй половине 1970-х – в 1980-е гг., когда проводилось в среднем шесть-семь финно-угорских полевых исследований в год. (Leete 1998: 15–16) Ярким примером экспедиционно-этнографической деятельности ЭНМ в советское время стал удмуртско-эстонский диалог, анализу которого посвящаются следующие две статьи диссертации.

⁵⁴ Так, например, о важности координирования собирательской работы и проведении комплексных экспедиций говорилось на заседании представителей разных учреждений АН ЭССР, проведенном в Институте языка и литературы АН ЭССР 17 сентября 1947 г. (ERM A n 1 s 21).

3.3. Удмуртско-эстонский диалог. Историографический и киноантропологический контексты

По образному высказыванию Хено Сарва⁵⁵, 1970–1980-е годы в эстонской этнологии прошли под эгидой «удмуртского бума» (Sarv 2003), что характеризует научное сотрудничество между двумя финно-угорскими музеями. Удмуртско-эстонское научное сотрудничество, начавшееся с командировки в Удмуртию научного сотрудника ЭНМ Калью Консина (*Kalju Konsin*) в 1971 и 1973 годах, в 1977 году приобрело форму комплексных этнографических экспедиций с участием музейных сотрудников, студентов эстонских и удмуртских вузов, а также ученых Удмуртского государственного университета (УдГУ) и Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской Академии наук (УИИЯЛ УрО РАН, в то время Научно-исследовательский институт при Совете Министров УАССР). За исключением 1982 года, экспедиции на разные территории проживания удмуртов продолжались ежегодно до 1993 года, иногда несколько выездов в год. Руководителями совместных полевых работ были директор ЭНМ Алексей Петерсон и заведующая отделом НМУР Серафима Лебедева (подробнее о методике и географии удмуртских экспедиций см. Петерсон 2007: 108–109).

Удмуртско-эстонский научный диалог, однако, начинается уже в XIX веке, с работ Иоганна Фридриха фон Эрдмана, Фердинанда Иоганна Видемана и Максимилиана Теодора Буха. К началу XX века относятся эпизодические контакты отдельных деятелей молодой эстонской и удмуртской науки, выразившиеся, прежде всего, в эпистолярном виде. Со второй половины XX века научные связи расширяются, причем, интерес к взаимным связям проявляется с обеих сторон. Касательно музейных экспедиций, полевые материалы эстонских этнологов свидетельствуют о том, что инициаторами совместного исследовательского проекта явилась именно удмуртская сторона (по свидетельству удмуртского руководителя экспедиций С. Лебедевой, предложение о совместной экспедиции поступило от А. Петерсона). Кроме того, и в научном диалоге более активной стороной оказались сами удмурты – они выбирали маршруты и исследовательские объекты, находили «нужных» людей, «выбивали деньги» и делали все для того, чтобы межэтнический диалог продолжался как можно

⁵⁵ Этногеограф Хено Сарв (*Heno Sarv*, 1954–2010) в 1976–1977 гг. участвовал в экспедициях по съемкам фильма «Ветры млечного пути» (1977), будучи ассистентом режиссера Леннарта Мери (*Lennart Georg Meri*, 1929–2006, Президент Эстонии в 1992–2001 гг.). Являясь сотрудником ЭНМ, он руководил или принимал участие в разных финно-угорских экспедициях музея, в том числе в 1980 году в съемках фильмов «Южные удмурты в начале XX века» и «Религиозные обряды южных удмуртов в начале XX века». Защитил докторскую диссертацию о миграционных процессах среди крупнейших финно-угорских народов России – мордвы, мари и удмуртов – в XVIII–XX вв. (см. Sarv 2002).

дольше. Так, в экспедиционном дневнике 1983 года Алексей Петерсон сообщает: «В 1981 году думал, что в Удмуртию в ближайшем будущем не поеду, есть и другие места, куда ехать. Потому довольно интересно, почему все-таки едем. В чем дело? Прежде всего, в укреплении контактов. В апреле 1983 года, т.е. в этом году, в нашем музее побывали удмуртские ученые, чтоб просмотреть киноматериалы, и опять возникла проблема – не хотим ли мы продолжать удмуртские экспедиции. /.../. В пользу удмуртской экспедиции сыграло и то, что надеялся ехать в Мордовию – они не приняли, и Марийская республика не захотела – привели много причин отказа. Ладно, в этом нет ничего плохого, ибо работы в Удмуртии хватает» (Peterson 2006: 165). История показывает, что работы в Удмуртии хватило в тот раз еще на десять лет, – последняя совместная экспедиция двух музеев состоялась в апреле 1993 года.

Особенностью эстонских финно-угорских исследований является то, что в работе этнографических (собираТЕЛЬСКИХ) экспедиций помимо научных сотрудников принимали участие также представители т.н. «визуальных профессий» – художники, фотографы, позднее также кино- и видеооператоры, и потому эти исследования можно рассматривать и в контексте визуальной антропологии.

Определяя предметную область визуальной антропологии, Илья Утехин пишет, что сегодня это – «зонтичный бренд», под которым могут сочетаться довольно разные и непохожие друг на друга вещи, однако общепризнанными считаются три аспекта: во-первых, когда исследователь опирается на визуальные методы сбора полевых данных, во-вторых, когда он изучает визуальные продукты и связанные с ними практики в некоторой данной культуре и, в-третьих, когда презентация материалов, результатов и, шире, антропологического знания осуществляется не только и не столько в текстовой, сколько в (аудио)визуальной форме (Утехин 2013).⁵⁶

Говоря об истоках российской визуальной антропологии, основатели российских школ антропологического кино Евгений Александров (г. Москва) и Андрей Головнев (г. Екатеринбург) связывают ее именно с Эстонией, с именами Леннарта Мери, Марка Соосара (*Mark Soosaar*) и Пярнуским Фестивалем визуальной антропологии – первым на территории СССР, и отмечают, что проводимый с 1987 года ежегодный фестиваль стал своего рода Меккой для советских кинематографистов, своеобразным

⁵⁶ Евгений Александров проводит границу между «визуальной культурологией», включающей «антропологическую фотографию», «визуальную архитектуру», «визуальную рекламу», т.е. все то, что в западной научной традиции составляет предмет *visual studies* (визуальных исследований), и визуальной антропологией в узком смысле слова, связанной со спецификой отображения культурных сообщений с помощью аудиовизуального языка и закономерностями восприятия этой информации (Александров 2007: 12-14). Последнюю Андрей Головнев называет «киноантропологией» – это «открытие (наблюдение, изучение) человека в культуре и культуры в человеке средствами кино» (Головнев 2007: 22).

«мостом между Востоком и Западом», через школу которого прошли практически все российские визуальные антропологи старшего поколения. (Александров 2007: 9, Головнев 2009)

Надо заметить, что эстонские этнологи уже в 1930-е гг. осознали важность документирования культурных явлений с помощью кинокамеры. Так, тогдашний директор ЭНМ Фердинанд Линнус в качестве одной из ближайших задач эстонской этнографии называет «продолжение собирательской работы и поднятие ее на современный уровень. Здесь следует упомянуть, прежде всего, использование киносъемки. Точно так же, как современная наука не признает полной нотную запись народной музыки без фонографической записи, так и во многих областях народоведения, – как народные танцы, обряды, игры, – без киносъемки. Единственные научные фильмы об Эстонии имеет сегодня Северный музей в Стокгольме (*Nordiska Museet*), само собой разумеется, об эстонских шведах. О самих же эстонцах у нас сегодня нет ни одного метра» (Leinbock 1930: 49). И уже в 1931 году Теодор Лутс (*Theodor Luts*, 1896–1980) создал ряд обзорных фильмов об Эстонии и эстонских островах (*Theodor Lutsu filmograafia*). О важности использования в комплексных экспедициях учреждений АН ЭССР технических средств и других приспособлений (в том числе киносъемки) имеются записи и в архивных материалах ЭНМ 1948 (ERM A n 1 s 21) и 1957 гг. (Konksi 2009: 251, ссылается на ERM A n 1, s 80), но активное кинопроизводство началось в музее только в 1960-е гг. Вместе с тем, кино- и видеоматериалы, подготовленные Эстонским национальным музеем, долгое время оставались для широкой публики неизвестными и стали притягивать внимание эстонских исследователей только в последние годы, прежде всего, в рамках проводимого с 2004 года в Тарту под эгидой ЭНМ Фестиваля мирового кино *Maailmafilm (Worldfilm)* и с выходом серии DVD «Эстонский этнографический фильм», I-III (*Eesti etnograafiline film, I-III*). (Niglas, Toulouze 2010; Jääts 2011, 2015; Karm 2013; Simm 2013) Малоизученным остается пока и визуальный архив ЭНМ (фото, рисунки), занимая роль иллюстративного материала к научным и популярным изданиям и выставкам, и ждет своего анализа.

- **Светлана Карм 2008. Этнографическое исследование удмуртов в Эстонии: исследователи, научные традиции, методы.** – *Россия и Удмуртия: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 450-летию добровольного вхождения удмуртского народа в состав Российского государства. Ижевск, 20–22.05.2008.* Ижевск: Удмуртский государственный университет, 135–148.

Статья представляет собой историографический обзор этнографического изучения удмуртов в Эстонии. Это первое специальное исследование, посвященное удмуртским трудам, изданным в Эстонии и/или написанным эстонцами и связанными с Эстонией людьми. Обращение к эстонско-

удмуртскому историографическому наследию обусловлено тем, что оно долгое время оставалось в тени удмуртских трудов финских (и частично шведских и венгерских) исследователей, анализу которых посвящен ряд статей и монографий (см. Владыкин 1970; Владыкин, Христолюбова 1984; Венгерские 1987; Загребин, Владыкин 1997, 1999, 2004; Загребин 1999, 2006; Загребин, Шарапов 2008). Однако, в советское время именно эстонские исследователи были наиболее активными в разработке проблем финно-угорской этнологии. Будучи этнически «чужими» для исследуемых культур, но долгое время находясь в едином геополитическом и экономическом пространстве с ними, эстонцы являлись как для советских коллег, так и исследуемых ими финно-угорских народов «своими», равными. К иностранным же исследователям всегда чувствовалось особое, «подчеркнутое» отношение (Хакамиэс 1994: 80–81). Именно тот факт, что территория Эстонии в XVIII – XX вв. входила в состав Российской империи и затем СССР⁵⁷, является также причиной того, что вклад эстонцев в исследование удмуртской культуры практически не рассматривается, например, в появившихся в последнее время трудах о научно-культурном обмене Удмуртии с зарубежными государствами. (Родионов 2007)

Рассматривая удмуртские исследования как неотъемлемую часть эстонской финно-угорской этнографии, в статье делается небольшой экскурс в историю эстонской этнологии и описываются научные и методологические тенденции, имевшие влияние или господствовавшие здесь в разное время. Используя хронологический подход в изложении проблемы, история эстонской этнологии и удмуртоведения подразделяется автором условно⁵⁸ на три периода: 1) 1802–1919 гг. – «Первые ласточки»; 2) 1919–1991 гг. – Концептуальное оформление эстонской этнографии. Постепенное расширение географии финно-угорских этнографических исследований в советское время; 3) с 1991 г. по сей день – Переосмысление научных теорий и критический анализ накопленного материала.

Предложенное автором хронологическое деление обусловлено, прежде всего, как характерными для разного времени исследовательскими и соби-

⁵⁷ В результате Северной войны 1700–1721 гг. территория Эстонии подпала под российскую власть. В 1918 году была создана суверенная Эстонская Республика, аннексированная в 1940 г. Советским Союзом. В годы II Мировой войны, в 1941–1944 гг., Эстония была под оккупацией Германии. 20 августа 1991 г. была восстановлена независимость Эстонской Республики.

⁵⁸ Сергей Соколовский пишет, что периодизация таких динамичных объектов, как история научной дисциплины, всегда будет оставаться субъективной. Так, в российской этнографии XX века он выделяет следующие этапы: «романтико-героический» – период 1920–1950-х гг. с преобладанием парадигмы антропологии спасения; «схоластический» – период 1950–1980-х гг., в течение которого возобладало схоластическое выделение предмета науки и ее наименования – этнография как наука, описывающая этнос; «кризисный» – современный этап, стартовавший в конце 1980-х – начале 1990-х гг. и унаследовавший многие подходы предшествовавших периодов, это наследие он называет «прошлым в настоящем» (Соколовский 2011: 213).

рательскими методами, так и выдвижением в исследовательскую орбиту тех или иных научных центров.

- **Светлана Карм 2013. Аудиовизуальное документирование удмуртских религиозных обрядов в советское время.** – *Ежегодник финно-угорских исследований (Yearbook of „Finno-Ugric Studies“)*. Выпуск 1: 78–86.

В статье рассматривается история создания этнографического фильма «Религиозные обряды южных удмуртов в начале XX века» (1983) и проблемы документирования средствами киноантропологии удмуртских религиозных практик 1980-х – начала 1990-х гг.⁵⁹ Анализируется, насколько ожидаемы были исследователи с камерой на календарных обрядах с жертвоприношениями, и насколько были готовы сами удмурты к диалогу с «чужими» на религиозные темы в советское время.

Полевые материалы эстонских исследователей свидетельствуют о том, что идея этнографической киносъемки исходила от удмуртской стороны, и, хотя эстонцам не сразу показали обряды с жертвоприношениями, языческие моления были тем неким типом традиционного, истинно удмуртского, заслуживающего показа «чужим». Так, эстонским исследователям удалось наблюдать и запечатлеть на кино- и видеопленке целый ряд обрядовых церемоний, проводившихся в 1980-х – начале 2000-х гг. в деревнях Варклед-Бодья Агрызского района Татарстана (1988, 1989, 2002 – цикл весенне-летних празднеств *гершыд*, июнь; 1993 – обряды инициации молодых *эру карон* и *ныл кураськон*, апрель) и Кузубаево Алнашского района Удмуртии (1980, 1991, 2003 – моления на Петров день в *куале* и *луде*, июль).

Более того, удмуртские религиозные обряды оказались своеобразным «мостом» международного научного обмена. При посредничестве ЭНМ в июне 1989 г. на весенне-летних молениях *гершыд* в д. Варклед-Бодья Агрызского района Татарстана участвовала киносъемочная группа Венгерского этнографического музея (*László Lehel, Rudolf Várhegyi, János Papp, István Nádaskay*) – «важно, что это первая совместная экспедиция с иностранцами» (Peterson 2006: 303–304), а в июле 1991 г. на празднова-

⁵⁹ Киносъемки 35 мм. камерой на территории Удмуртии начались в 1980 г., а с 1988 г. неотъемлемой частью эстонско-удмуртских полевых исследований стала видеосъемка (порой съемки велись параллельно кино- и видеокамерой, как, например, в 1988 г.; в экспедиции 1989 г. было уже 2 видеокамеры). Появление в техническом арсенале музея видеокамеры привело к тому, что с конца 1980-х – начала 1990-х годов основным объектом аудиовизуальной фиксации стали повседневная культура и особенно религиозные практики. Так, в 1991–1992 гг. исследовательской группой ЭНМ были зафиксированы на видео первое марийское общественное моление *Мэр кумалтыш* и обряд весеннего моления *Агавайрем*, а также ритуал поминовения предков в деревне Олоры Параньгинского района Марий Эл. (V 38 – 1991; V48 – 1992; Karm, Nõmmela, Koosa 2018: 36–38; Alybina 2018)

ниях Петрова дня в д. Кузебаево Алнашского района Удмуртии – финская исследовательница Анна-Леэна Сиикала (*Anna-Leena Siikala*, 1943–2016) (в музее хранятся копии ее видеоматериалов – V 105–109, 1991; подробнее об экспедиции см.: Siikala 2004).⁶⁰

Аудиовизуальные и рукописные материалы разных лет дают возможность наблюдать, как меняется отношение людей к исследователю с камерой на обрядовых молениях, и как меняются визуальный и вербальный языки самих исследователей – от удивления «экзотикой» и хаотичного стремления зафиксировать все увиденное и до осмысления того, что во время религиозных обрядов, являющихся для удмуртов событием исключительной значимости, не должно быть никакой самодеятельности, и практически при каждой съемке следует просить разрешения и консультироваться с местными проводниками (Peterson 2006: 313).

Интерес эстонцев (а затем венгров и финнов) к удмуртским молениям стал своеобразным стимулом к восстановлению ритуальных объектов, к которым у властей, вероятно, в силу разных причин «не доходили руки». Кроме того, во многом благодаря совместной деятельности эстонских и удмуртских исследователей, религиозная обрядность была «замечена» местными кинематографистами и журналистами⁶¹, а также осознана уникальность «обычных» обрядов самими удмуртами⁶².

⁶⁰ Материалы совместных экспедиций 1989 и 1991 гг. легли в основу фильмов «Удмурты, или Плачущий медведь» (István Nádaskay, *Die Udmurten oder Der weinende Bär*, 1989), «Ритуальные жертвоприношения удмуртов» (Lehel László, Text by Ágnes Kerezi, Aado Lintrop. *Sacrificial Offerings of The Udmurt People*, 1989–1999), подготовленных венгерско-австрийской группой, и фильма «Дети Инмара. Удмуртские жертвоприношения» (Mirja Metsola, Anna-Leena Siikala. *Inmarin lapset. Udmurtialainen Uhrijuhla*, 1993), сделанного в Финляндии. В самом ЭНМ была подготовлена еще не знакомая широкой публике серия видеофильмов «Моления в Варклед-Бодье» (1988–1989). Материалы 1988–1989 гг. частично использованы в электронном издании отдела фольклористики Эстонского литературного музея (Lintrop 2004–2005)

⁶¹ Так, Людмилой Спиридоновой и Светланой Прокопченко в 2006 г. был подготовлен фильм «Мон язычник...» (Я язычник...), а в 2009 г. Львом Вахитовым и Светланой Стасенко – фильм «Вверх подносимое». Оба фильма рассказывают о религиозных воззрениях удмуртов на примере д. Варклед-Бодья.

⁶² Свидетельством тому, например, слова Евдокии Михайловой из д. Варклед-Бодья, сказанные ею на открытии фотовыставки «Сдвиг времени: удмуртские обряды современности 1993/2017» в Национальном музее Удмуртской Республики в апреле 2018 года: «К нам в Варклед-Бодью много ученых приезжает. Снимают наш быт и культуру, спрашивают про обряды. Раньше удивлялись, что же им так интересно. Вроде все, как обычно: и родители, и мы проходили через *акашку*, *эру карон*, дети тоже не остаются в стороне. Теперь поняли: эти обряды сохранили только мы, такого больше нигде нет!»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящая диссертация посвящена исследованию эстонского *финно-угорского дискурса*. Под финно-угорским дискурсом подразумевается совокупность знаний и практик, связанных с принадлежностью определенной группы народов к единой – уральской – языковой семье. Дискурс, порожденный обнаружением языкового родства и мотивированный национальным романтизмом и мифологизацией народа, явился ключевым в распространении учения об общем происхождении и историко-культурных связях финно-угорских и самодийских народов, проживающих на огромной территории Евразии от Скандинавии до Приобья и низовий Дуная на юге. Перейдя за жесткие границы академической науки, финно-угризм стал не только одним из феноменов концептуализации этнического и конструирования идентичности, но и объединяющей идеей разностороннего сотрудничества финно-угорских народов.

Из широкого пласта концептов и ракурсов, содержащихся в понятии «финно-угорский дискурс», в диссертации рассматривается *этнологический аспект* дискурса. Анализируются историко-культурные и идеологические аспекты формирования эстонской традиции финно-угорских исследований, особенности экспедиционно-полевых изысканий и научной коммуникации эстонских этнологов с финно-угорскими и другими коллегами, а также практики репрезентации финно-угорских культур в музейном пространстве – именно с Эстонским национальным музеем (ЭНМ) очень тесно связана эстонская финно-угорская этнология.

В эстонской этнологической традиции под «финно-угорским дискурсом» имеется в виду, прежде всего, исследование культур родственных финно-угорских и самодийских народов, а не самих эстонцев. Эстонская этнография как наука, изучающая культуру местного народа и тесно связанная с эстонским национализмом и идентичностью, исторически воспринимается как одна из национальных наук. Изучение финно-угорских народов является как бы промежуточной формой между изучением своего и других народов – финно-угры не принимаются за своих, но они и не совсем чужие. Восточные финно-угорские территории воспринимаются как «научная колония» и как символ культурной миссии «малого народа».

Идея «малого народа» (малого по численности и территории, но великого по духу и образованности), высказанная в публичных обращениях собирателя фольклора и общественного деятеля Якоба Хурта во второй половине XIX века, в дальнейшем стала консолидирующей силой как в эстонском национальном движении, так и в финно-угорском научно-культурном дискурсе. На заре формирования эстонской этнологии к идее «малого народа» обращались как первый профессор археологии Тартуского университета Аарне Микаэль Тальгрэн, так и первый директор ЭНМ Ильмари Маннинен. Основная мысль, содержащаяся в их высказываниях, заключалась в том, что эстонская этнографическая наука не должна огра-

ничиваться только территорией Эстонии, а должна смотреть шире, – только в том случае она будет достаточно жизнеспособной и привлекательной для молодежи. В советские годы обращение к финно-угорским корням стало для представителей эстонской творческой интеллигенции своеобразным средством выражения национальной идентичности. Одно- временно, языковое родство с финнами и венграми намекало и на культурную связь эстонцев с Западом, предоставляя малочисленному народу достойную позицию в исторической и международной перспективе.

Финно-угорская этнография стала для эстонской этнологии средством, с помощью которого можно было заявить о себе научному миру (особенно в советское время, когда в лице проводимых с 1960 года Международных конгрессов финно-угроведов у эстонских этнологов появилась реальная возможность выезжать на международные научные форумы). При этом традиция эстонских финно-угорских этнографических исследований получила здесь во многом музейное измерение, заключаясь в собирательской работе по комплектованию этнических коллекций, в составлении сравнительно-типологических обзоров развития и распространения важнейших видов этнографических объектов, в определении культурно-географических границ и ареалов распространения отдельных явлений и артефактов. Результатом собирательской работы является то, что в фондах ЭНМ сегодня хранятся материалы порядка 200 финно-угорских экспедиций – предметы, фотографии, этнографические рисунки, рукописные материалы, кино- и видеодокументы. Об особой роли финно-угорского дискурса в культурно-политической истории и идентичности Эстонии, а также в истории музея и эстонской этнографической науки вообще свидетельствует и постоянная экспозиция «Эхо Урала», открытая в новом здании музея в октябре 2016 года. Сегодня это единственная в мире музейная экспозиция, посвященная культуре уральских народов.

В диссертации объединены статьи, написанные в разных жанрах культурно-антропологического исследования и раскрывающие разные контексты (музеологический, биографический, киноантропологический) эстонского финно-угорского дискурса. Так, две статьи (1–2) диссертации непосредственно связаны с подготовкой экспозиции «Эхо Урала» и репрезентацией финно-угорских культур в музейном пространстве. Рассматривая музей как часть национального дискурса, в них раскрываются концептуальные положения выставки и анализируется, какая роль предоставлялась финно-угорским культурам в эстонской идентичности и эстонской этнологии, и какие формы и методы экспонирования этнической культуры преобладали здесь в разные годы. Музейный опыт репрезентации финно-угорских культур рассматривается в сопоставлении с международной практикой этнографических реконструкций.

В 3–4 статьях реконструируются личные истории отдельных этнологов, стоявших у истоков складывания эстонской и удмуртской национальных гуманитарных наук и формировавших исследовательские идеологии своего времени. Одновременно, через биографии ученых рассматриваются

истории научных учреждений и неформальных объединений, в которых они работали и формировались, анализируются вопросы взаимодействия и коммуникации научных кругов в период между мировыми войнами, а также проблемы соотношения науки, общества и государства.

Реальные практики взаимодействия культур в ходе финно-угорских этнологических исследований рассматриваются в диссертации на примере изучения эстонцами удмуртской культуры (статьи 5–6). В истории эстонского удмуртоведения отражаются научно-идеологические стратегии, тенденции и традиции, характерные для определенного времени, а также субъективные интересы исследователей и приоритеты научных учреждений. Неким типом традиционного, истинно удмуртского, заслуживающего этнографического (в том числе аудиовизуального) документирования, оказались для участников удмуртско-эстонского диалога в 1980–1990-е гг. языческие моления. Анализируется, насколько ожидаемы были исследователи с камерой на календарных обрядах с жертвоприношениями, и насколько были готовы сами удмурты к диалогу с «чужими» на религиозные темы в советское время.

Хронологические рамки исследования охватывают два столетия – с начала XIX до начала XXI века. Нижний рубеж диссертации связан с воссозданием Дерптского университета в 1802 году, что стало предпосылкой к превращению Эстонии в один из крупнейших научных центров России. Первые работы, посвященные финно-угорским народам и изданные в XIX в., принадлежат перу преподавателей и выпускников Дерптского университета. Хотя верхняя хронологическая граница исследования определена началом XXI века; в силу отсутствия исторической дистанции, детальный анализ этнологических исследований завершается началом 1990-х годов. Обзор современного уровня финно-угорского дискурса ограничивается рассмотрением музеевского аспекта репрезентации финно-угорских культур.

Таким образом, анализ развития эстонского финно-угорского дискурса показывает, что идеи языкового и культурного родства финно-угорских народов, распространившиеся среди венгерских и финских мыслителей, достигли Эстонии во второй половине XIX века. Финно-угорские родственные связи распознавались на первых порах еще интуитивно, и научная деятельность, связанная с уральскими народами, развернулась здесь только в 1920-е годы, прежде всего, благодаря приглашенным из Финляндии археологу А.М. Тальгрону и этнологу И. Маннинену, положившим начало собиранию финно-угорских материалов в ЭНМ. В отличие от ранней финской и венгерской этнологии, где финно-угорские исследования были направлены на поиски исторических корней, определение ранних ступеней своего развития и подтверждение древности и архаизма своих национальных культур, изучение финно-угорских народов было провозглашено в Эстонии как «дело чести» и «научная колония» культурной нации. Финно-угорские полевые исследования особенно участились в советское время; этому благоприятствовало как нахождение Эстонии в

одном геополитическом пространстве с другими российскими уральскими народами, так и сама советская этнология, сосредоточенная на вопросах этногенеза, культурных взаимодействий и преобразований. Вместе с тем, исследование родственных по языку народов стало особенностью эстонской этнологии – систематически и планомерно финно-угорскими культурами в Советском Союзе никто не занимался. Причем, в сотрудничестве с эстонцами были заинтересованы и сами финно-угры. Для эстонцев финно-угорские исследования были как продолжением научной традиции, заложенной основателями эстонской этнологии, так и частью национального дискурса и своеобразным вызовом господствующей советской идеологии. Интерес же самих финно-угров к научному диалогу был во многом обусловлен тем, что к концу 1960-х годов на арену научного изучения родного народа пришло новое поколение местных ученых (вместо репрессированной в 1930-е годы национальной интеллигенции), получивших академическое образование в московских, ленинградских вузах или Тартуском университете и заинтересованных в расширении научных контактов и географии исследований, а также в использовании разнообразных исследовательских методик; в это время происходило и институциональное оформление местных этнологических исследований. Будучи организаторами и проводниками полевых исследований на местах, финно-угры старались показать эстонцам те черты «колоритного традиционного» в своей культуре, которые удостоивались почетного места в националистической этнологии и заслуживали того, чтобы стать «музейным достоянием», будь то народное искусство, древние промыслы или религиозные обряды.

СОКРАЩЕНИЯ

- EKM – Eesti Kirjandusmuuseum = Эстонский литературный музей
ENSV TA – Eesti Nõukogude Sotsialistliku Vabariigi Teaduste Akadeemia = АН
ЭССР – Академия наук Эстонской Советской Социалистической Республики
ERM – Eesti Rahva Muuseum = ЭНМ – Эстонский национальный музей
ERM A – Eesti Rahva Muuseumi arhiiv / архив Эстонского национального музея
ERM EA – etnograafiline arhiiv / этнографический архив ЭНМ
ERM TAr – topograafiline arhiiv (päevikud) / топографический архив (дневники)
ЭНМ
ERM Fk – fotokogu / фотоколлекция ЭНМ
ERM V – videarhiiv / видеоархив ЭНМ
- ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской Академии наук
МГУ им. М. В. Ломоносова – Московский государственный университет им. М.В.
Ломоносова
НАРТ – Национальный архив Республики Татарстан
НМУР им. Кузубая Герда – Национальный музей Удмуртской Республики имени
Кузубая Герда
ОАИЭ – Общество археологии, истории и этнографии при Казанском универ-
ситете
РГО – Русское географическое общество
УдГУ – Удмуртский государственный университет
УИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский институт истории, языка и литературы Ураль-
ского отделения Российской Академии наук
ЦДНИ УР – Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- AK 19-36-34, l 13–16. Kaljo Põllu arhiiv. ERKi ekspeditsioonide ettevalmistamise algmaterjalid. (Шестой международный конгресс финно-угроведов, Сыктывкар, СССР. Экспедиции Государственного художественного института Эстонской ССР (пояснения к выставке))
- Eesti Rahva Muuseumi teadusliku nõukogu protokollide raamat. 2.X 1945. – 28.XII 1953. (50 lehel).
- ERM A, nr 1, s. 521 l 6 (Eesti Rahva Muuseumi 1922. aastaaruanne)
- ERM A, n 1 s. 521 l 4–5 (Eesti Rahva Muuseumi 1924. aastaaruanne)
- ERM A n 1 s 21 l 17 (ENSV TA Ühiskonnateaduste Osakonna muuseumialasel konverentsil 28. – 29. veebruaril võetud otsus)
- ERM A n 1 s 80 l 30 (Teadusliku nõukogu protokollide raamat 1945-1953)
- ERMi ametiarhiiv, l 13–14
- ERM V 38. Tiia Peedumäe, Jaan Treial 1991. Palvuspühad Mari El-s. Mer Kumaltõš.
- ERM V 48. Tiia Peedumäe, Jaan Treial 1992. Palvuspühad Mari El-s. Aga-Pairem – ohvripüha.
- ERM V 105-109. Anna-Leena Siikala udmurdi materjalid, 1991.
- ERM TAp 783, Aleksei Peterson 1983.
- ERM TAp 881, Tiina Tael 1991.
- Айпин, Еремей Данилович 2015. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (О памятнике материальной культуры ханты и манси). – *Поселения, постройки, средства передвижения, орудия труда народов Югры: альбом этнографических рисунков* (редактор-составитель Т. А. Молданова). Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 15–18.
- Александров, Евгений Васильевич 2007. Вместо рецензии. В поисках предмета визуальной антропологии. – *Антропологический форум*, № 7: 9–20.
- Артеев, Артур 2009. Финно-угры заговорят на общем языке? Свой вариант «финно-угорского эсперанто» представил удмуртский лингвист и писатель Алексей Арзамазов. – *Финноугория. Этнический комфорт*. Выпуск 1 (6). URL: <http://www.finnougoria.ru/periodika/14802/> (31.10.2018)
- Арзамазов, Алексей Андреевич 2009. *Койнэ «Будинос». Общий язык финно-угров*. Ижевск: Удмуртский государственный университет.
- Арзамазов, Алексей Андреевич; Баженов, Павел Николаевич 2010. Paris – Izhevsk / Ижевск – Париж: *vis-a-vis*. – *Ежегодник финно-угорских исследований*, № 3: 125–129.
- Арутюнов, Сергей Александрович 2011. От спокойной к ускользящей материальности. О проблемах этнографического изучения материальной культуры (интервью Н. В. Богатырь). – *Этнографическое обозрение*, № 5: 5–19.
- Баранов, Дмитрий Александрович 2004. Выставка «Парад народов»: вещь в музейном пространстве. – *Этнографическое обозрение*, № 5: 136–140.
- Баранов, Дмитрий Александрович 2010. Этнографический музей и «рационализация системы». – *Этнографическое обозрение*, № 4: 26–43.
- Бахтин, Михаил Михайлович 1986 [1970]. Ответ на вопрос редакции «Нового времени» [Новый мир, № 11: 237–240]. – *Эстетика словесного творчества* (Издание второе, составитель С.Г. Бочаров). Москва: «Искусство», 347–354.

- Белков, Павел Людвигович 2004. Структура предмета этнографии (оппозиция письменная – бесписьменная культура). – Форум «Современные тенденции в антропологических исследованиях». *Антропологический форум*, № 1: 20–28.
- Белков, Павел Людвигович 2009. *Этнос и мифология. Элементарные структуры этнографии*. Санкт-Петербург: Наука.
- Бромлей, Юлиан Владимирович 1988. К вопросу о неоднозначности исторических традиций этнографической науки. – *Советская этнография*, № 4: 3–13.
- Бубрих, Дмитрий Владимирович 1928. Финно-угорское языкознание в СССР. – *Финно-угорский сборник*. Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 77–134.
- Бурдьё, Пьер 2001 [1996]. Понимание (Реферативное изложение Л. Вершининой). – *Контексты современности – II. Хрестоматия* (Сост. и ред. С.А. Ерофеев). Казань: Издательство Казанского университета, 36–42.
- Бурдьё, Пьер 2002 [1992]. Опыт рефлексивной социологии. (Перевод с английского Е.Д. Руткевич). – *Теоретическая социология: Антология. Часть 2.* (Составление и общая редакция С.П. Баньковской). Москва: Книжный дом «Университет», 373–429.
- Бэр, Карл Максимович 1846. = Об этнографических исследованиях вообще и в России в особенности. Статья Академика К.М. Бэра. Написана на немецком языке, а читана в собрании РГО 6 марта 1846 г. в русском переводе. – URL: *История этнографии в РГО*; <https://www.rgo.ru/ru/proekty/etnografiya> (31.10.2018)
- Ванюшева, Ксения Викторовна 2014. Научные публикации в системе профессиональной подготовки археологов в Российской провинции (конец XIX – начало XX в.). – *Вестник Удмуртского университета*. Выпуск 1: 106–110.
- Венгерские 1987 = *Венгерские ученые и пермская филология*. Устинов: НИИ при СМ УАССР.
- Вилкуна, Кустаа 1965. О положении финно-угорской этнографии (этнологии) в данное время. – *Советское финно-угроведение*, № 2: 129–138.
- Волдина, Татьяна Владимировна 2016. Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок: история становления (1991–2009 гг.). – *Вестник угроведения*, № 4 (27): 144–160.
- Владыкин, Владимир Емельянович 1970. Из истории этнографического изучения удмуртов. – *Записки УдНИИ*. Вып. 4. Ижевск, 117–141.
- Владыкин, Владимир Емельянович; Христоробова, Людмила Степановна 1984. *История этнографии удмуртов*. Ижевск: Удмуртия.
- Владыкин, Владимир Емельянович 2004. Удмуртский этнос и мифология. – *Удмуртская мифология*. (Научный редактор В.Е. Владыкин). Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 5–19.
- Гингрих, Андре (*Gingrich, Andre*) 2005. Меняющиеся контексты, меняющееся содержание: о статусе социокультурной антропологии в немецкоязычных странах. – *Этнографическое обозрение*, № 2: 32–42.
- Гирц, Клиффорд 1997. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры. – *Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры*. (Редактор С. Я. Левит). Санкт-Петербург: «Университетская книга»: 171–200.
- Головнев, Андрей Владимирович 2007. О киноантропологии. – *Антропологический форум*, № 7: 21–32.

- Головнев, Андрей Владимирович 2008. *Парадоксы народоведения*. URL: «Этнографическое бюро», http://ethnobs.ru/library/237/_aview_b18255 (17.08.2018)
- Головнев, Андрей Владимирович 2009. Антропологическое кино и фестивальное движение. – *Культурологические исследования в Сибири*, № 4(30): 27–38. URL: http://rfaf.ru/rus/library/202_b1888_view_p1 (10.07.2018)
- Головнев, Андрей Владимирович 2010. Уралистика на Урале. – *Историческая уралистика и русистика на Урале и в Будапеште*. Москва: Издательство «Russica Pannonicana», 9–34.
- Головнев, Андрей Владимирович 2011. Этничность и идентичность на Урале. – *Уральский исторический вестник*, № 2 (31): 40–49.
- Головнев, Андрей Владимирович 2018. Этнография в российской академической традиции. – *Этнография / Etnografia*, № 1: 6–39.
- Гришкина, Маргарита Григорьевна; Владыкин, Владимир Емельянович 1982. Письменные источники по истории удмуртов IX–XVII вв. – *Материалы по этногенезу удмуртов*. Ижевск: НИИ при Совете Министров Удмуртской АССР, 3–42.
- Дарнелл (Darnell), Регна 2007. О национальных традициях и метафорах науки (Перевод с англ. А. Л. Елфимова). – *Этнографическое обозрение*, № 5: 25–28.
- Загоскин, Николай Павлович 1900 = *К столетней годовщине Казанского Университета. Деятели Императорского Казанского Университета. Опыт краткого биографического словаря профессоров и преподавателей Казанского университета за первые 95 лет его существования. Составил проф. Н. П. Загоскинъ*. Казань: Типо-литография Императорского университета, 158.
- Загребин, Алексей Егорович 1999. *Финны об удмуртах. Финские исследователи этнографии удмуртов XIX – первой половины XX в.* Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН.
- Загребин, Алексей Егорович 2006. *Финно-угорские этнографические исследования в России (XVIII – первая половина XIX в.)*. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН.
- Загребин, Алексей 2007. К истории изучения удмуртского народа: этнографический опыт с древнейших времен до начала XX века. – *Финно-угорские народы России (Проблемы истории и культуры): источники, исследования, историография*. Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы, № 10 (ред. номера В. И. Мусаев). Санкт-Петербург: Издательство «Нестор-История», 347–359.
- Загребин, Алексей Егорович 2017. Два века финно-угорской этнографии. – *XII Конгресс антропологов и этнологов России. Миссия антропологии и этнологии: научные традиции и современные вызовы: сб. материалов. Ижевск 3–6 июля 2017 г.* (Отв. ред.: А.Е. Загребин, М.Ю. Мартынова). Москва; Ижевск: ИЭА РАН, УИИЯЛ УрО РАН. С. 33–40.
URL: http://static.iea.ras.ru/books/Materialy_XII_KAER.pdf (25.07.2018)
- Загребин, Алексей Егорович; Владыкин, Владимир Емельянович 1997. Шведско-финский компонент в исследовательском пространстве пермских народов. – *Шведы и Русский Север: Историко-культурные связи. Материалы международного научного симпозиума*. Киров: Кировская обл. типография, 107–113.
- Загребин, Алексей Егорович, Владыкин, Владимир Емельянович 1999. Макс Бух и этнография удмуртов. – *Европейский Север в культурно-историческом процессе: Материалы международной научной конференции*. Киров: Кировская обл. типография, 421–424.

- Загребин, Алексей Егорович; Владыкин, Владимир Емельянович 2004. Страницы истории этнографии удмуртов (Казань–Хельсинки). – *Народы Волго-Уралья: история, культура, взаимодействие*. Казань: Казанский государственный университет, 74–81.
- Загребин, Алексей Егорович; Куликов, Кузьма Иванович 2011. Советское финно-угроведение 1920-х – начала 1930-х гг.: первые действия и противодействия. – *Проникновение и применения дискурса национальности в России и СССР в конце XIX – начале XX вв.* /Редакторы Индрек Яатс, Эрки Таммиксаар. Тарту: Эстонский национальный музей, 147–163
- Загребин, Алексей Егорович; Никитина, Галина Аркадьевна 2010. Финно-угорские народы России в социальных трансформациях XX века: опыт и проблемы адаптации. – *Congressus XI Internationalis Fenno-ugristarum Piliscsaba, 9–14. VIII. 2010. Pars I. Orationes plenariae*, 297–331.
- Загребин, Алексей; Шарапов, Валерий 2008. К истории «Пермской экспедиции» У.Т. Сирелиуса. – *Этнографическое обозрение*, № 1: 110–117.
- Зеленин, Дмитрий Константинович 1928. Перспективный план работ по изучению генетики культуры. – *Краеведение*, № 5: 257–266.
- Зельнов, И. 1988. Диффузионизм. – *Свод этнографических понятий и терминов, выпуск 2. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы.* (Ответственные редакторы М. В. Крюков, И. Зельнов). Москва: Наука, 141–142.
- Иконникова, Светлана Николаевна 2011. Биография как социокультурное измерение истории. – *Культурологический журнал*, № 4 (6).
URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/100.html&j_id=8 (7.09.2018)
- История деятельности РГО 1896 = *История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества, 1845–1895*. Ч. 1, отд. 1–3 (составил по поручению совета Императорского Рус. геогр. о-ва вице-пред. о-ва П. П. Семенов при содействии действ. чл. А. А. Достоевского). Санкт-Петербург. URL: <https://www.prlib.ru/item/416855> (17.12.2018)
- Карм, Светлана 2013. Удмуртско-эстонский музейно-этнографический проект: тридцать лет спустя. – *Евразийское межкультурное пространство в исторической ретроспективе. Сборник статей.* (Составление и общая редакция: А. Е. Загребин). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 85–90.
- Карм, Светлана 2014. Коми-пермяцкая культура глазами эстонских этнологов. – *Коми-пермяцкий этнографический сборник.* (Под редакцией А. В. Черных, А. С. Лобановой). Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Выпуск 10. Санкт-Петербург: Издательство „Мама-тов“, 40–53.
- Карм, Светлана 2015. Финно-угорские экспедиции эстонских гуманитариев в советское время. – *Ежегодник финно-угорских исследований*, № 3: 146–156.
- Кельмаков, Валентин Кельмакович 2011. *Вехи истории удмуртского языкознания*. Ижевск: Издательство «Удмуртский университет».
- Кережи, Агнеш 2010. Этнографическая деятельность Антала Регули. – *Сибирский сборник – 2. К юбилею Евгении Алексеевны Алексеенко.* (Отв. редактор Е. Г. Федорова). Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 268–294.
- Колчева, Эльвира Мазитовна 2008. *Этнофутуризм как явление культуры*. Монография. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет.

- Комарова, Галина 2013. Новация, обреченная стать традицией. – *Антропология академической жизни: традиции и инновации*. (Отв. редактор и составитель Г.А. Комарова). Москва: Институт этнографии и антропологии РАН, 5–17.
- Конт, Франсис (*Francis Conte*) 2007. От этнографических музеев к музеям общества. Размышления по поводу французского опыта. (Перевод с французского Ярослава Богданова). – *Антропологический форум* № 6: 41–47.
- Кузнецов, Николай Спиридонович 1994. *Из мрака...* Ижевск: Издательство Удмуртского университета.
- Куликов, Кузьма Иванович 1997. *Дело «СОФИН»*. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН.
- Куликов, Кузьма Иванович 2002. Диалог Антти Хакцель – Кузубай Герд: реальность или фальшивка ОГПУ? – *К изучению жизни и творчества Кузубая Герда. Сборник статей. Выпуск 3. Кузубай Герд и финно-угорский мир*. (Составитель В. М. Ванюшев). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 5–23.
- Лезте, Арт; Липин, Владимир 2007. О методике и результатах исследований этнографических экспедиций Эстонского национального музея к этнографическим группам коми. – *Очерки по истории изучения этнографии коми*. Сыктывкар: Издательство «Кола», 305–324.
URL: <http://www.komi.com/pole/publ/museum/1.asp> (14.06.2018)
- Лезте, Арт; Липин, Владимир 2017. Заметки о визуальном документировании во время совместных полевых исследований Национального музея Республики Коми и Эстонского национального музея (1996–2015). – *Роль визуальных источников в изучении региональной истории: Сборник статей по итогам всероссийской научно-практической конференции (Сыктывкар, 20–24 сентября 2016 г.)*. Сыктывкар: Национальный музей Республики Коми, 28–31.
- Лотман, Юрий Михайлович 1992. К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект). – *Избранные статьи в трех томах. Том I. Статьи по семиотике и типологии культур*. Таллинн: «Александра», 110–120.
- Лотман, Юрий Михайлович 1999. Семиотическое пространство. – *Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история*. Москва: «Языки русской культуры», 163–174.
- Лотман, Юрий Михайлович 1999а. Понятие границы. – *Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история*. Москва: «Языки русской культуры», 175–192.
- Лотман, Юрий Михайлович 1999б. Механизмы диалога. – *Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история*. Москва: «Языки русской культуры», 193–204.
- Майнхоф, Ульриха 2001[1993]. Дискурс. – *Контексты современности – II. Хрестоматия* (Составление и редакция С. А. Ерофеева). Казань: Издательство Казанского университета, 24–26.
- Мокшин, Николай Федорович 2012. Финно-угры в русской и мировой культуре. – *Социально-политические науки*, № 3: 11–15.
- Муковская, Лариса Юрьевна 2009. Ф.И. Видеманн и исследования эстонского языка и культуры в Санкт-Петербургской Императорской Академии наук. – *Этноконфессиональная карта Ленинградской области и сопредельных территорий – 2. Третьи шегреновские чтения. Сборник статей*. (Составители и научные редакторы С. Б. Коренева, О.М. Фишман). Санкт-Петербург: Издательство «Европейский дом», 136–146.
- Надо торопиться... 2008. = «Надо торопиться жить, торопиться работать»: письма А. С. Лебедева А. М. Тальгрону. (Публикация С. В. Кузьминых, О. М. Мельни-

- ковой и К. В. Ванюшевой). – *Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология»*. Выпуск 2: 171–200.
- Надь, Золтан (*Nagy Zoltán*) 2017. В поисках родных среди чужих. Венгерские исследователи в России в период существования Австро-Венгрии. – *XII Конгресс антропологов и этнологов России. Миссия антропологии и этнологии: научные традиции и современные вызовы: сб. материалов. Ижевск, 3–6 июля 2017 г.* (Отв. ред.: А.Е. Загребин, М.Ю. Мартынова). Москва: ИЭА РАН; Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 18–24.
- Напольских, Владимир Владимирович 1997. *Введение в историческую урало-стику*. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН.
- Никитина, Галина Аркадьевна 2007. Финно-угорское сообщество в глобализирующемся мире. – *Этнография восточно-финских народов: история и современность. Материалы Всероссийской конференции, посвященной 150-летию со дня рождения профессора И. Н. Смирнова. Ижевск, 17–18 октября 2006 г.* Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 73–82.
- Пальвадере, Марта Юльевна 1931. Буржуазная финская этнография и политика финского фашизма. – *Советская этнография*, № 1/2: 39–43.
- Перепись 2010 = Всероссийская перепись населения 2010. URL: Сайт Федеральной службы государственной статистики, http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm; http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-01.pdf (19.07.2018)
- Петерсон, Алексей 1984. *75 лет Государственного этнографического музея Эстонской ССР*. Таллин: Министерство культуры Эстонской ССР.
- Петерсон, Алексей 2007. «Заметки на полях», или об этнологической собирательской и исследовательской работе в Удмуртии. – *Этнография восточно-финских народов: история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения профессора И.Н. Смирнова. Ижевск, 17–18 октября 2007 г.* (Отв. редактор А.Е. Загребин). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 108–119.
- Поппе, Николай Николаевич 1928. Этнографическое изучение финно-угорских народов СССР. – *Финно-угорский сборник*. Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 27–76.
- Прозес, Яак 2008. Михкель Веске в Казани. К 165-летию со дня рождения М. П. Веске (1843–1890). – *Финно-угорский мир*, № 1: 88–93.
- Райков, Борис Евгеньевич 1961. *Карл Бэр, его жизнь и труды*. Москва – Ленинград: Издательство Академии наук СССР.
- Родионов, Николай Анатольевич 2007. Этнографические экспедиции, выставки и коллекции в научно-культурном обмене Удмуртии с зарубежными государствами (конец XX – начало XXI в.). – *Этнография восточно-финских народов: история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения профессора И. Н. Смирнова. Ижевск, 17–18 октября 2006 г.* Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 127–135.
- Рогозин, Дмитрий 2015. Как работает автоэтнография? – *Социологическое обозрение*. Т. 14, № 1: 214–273.
- Русакова, Ольга Фредовна 2007. Основные теоретико-методологические подходы к интерпретации дискурса. – *Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН*. Выпуск 7: 5–34.
URL: <http://www.ifp.uran.ru/files/publ/eshegodnik/2007/2.pdf> (16.08.2018)

- Сааринен, Сиркка 2000. Финно-угорское общество. – *Удмуртская Республика: Энциклопедия* (редактор Туганаев В. В.). Ижевск: Издательство «Удмуртия».
- Сануков, Ксенофонт Никанорович 1996. «Финно-угорские федералисты» и «финские шпионы». (Из истории Марий Эл 1930-х годов). – *Финно-угроведение*, № 3: 3–37.
- Сануков, Ксенофонт 1998. Финно-угорские народы России до 1917 года: проблемы историографии. Доклад на международном конгрессе *Historia Fenno-Ugrica II*, Tallinn, октябрь 1998. – URL: <http://www.suri.ee/hist2/plen/Sanuk-rus.html> (27.11.18)
- Сануков, Ксенофонт Никанорович 2002. Дело «финно-угорских федералистов. – *К изучению жизни и творчества Кузубая Герда. Сборник статей. Выпуск 3. Кузубай Герд и финно-угорский мир*. Составитель Ванюшев В.М. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 32–44.
- Сануков, Ксенофонт Никанорович 2010. Финно-угорские народы и культуры в период глобализации. – *Congressus XI Internationalis Fenno-ugristarum Piliscsaba, 9–14. VIII. 2010. Pars II. Summaria acroasium in sectionibus*, 298–299.
- Сирина, Анна Анатольевна 2017. От редактора. – *Три века российской этнографии: страницы истории. Серия: Из истории российской этнографии, этнологии и антропологии. Вып. I.* (Отв. редактор А.А. Сирина, составители А.А. Сирина, А.И. Терюков, М.Ф. Хартанович). Москва: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 5–12.
- Словарь = Ергология. URL: <https://slovar.wikireading.ru/133911> (31.10.2018)
- Смирнов, Иван Николаевич 1904. Веске Михаил Петрович. – *За сто лет. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского Университета (1804–1904) в двух частях. Под редакцией заслуженного ординарного профессора Н. П. Загоскина. Часть первая: кафедра православного богословия, факультеты историко-филологический (разрядом восточной словесности и лектурами) и физико-математический*. Казань: Типо-литография Императорского Университета, 54–60.
- Соколовский, Сергей Валерьевич 2008. Российская антропология и проблемы ее историографии. – *Антропологический форум*, № 9: 123–153.
- Соколовский, Сергей Валерьевич 2011. Бремя традиции: прошлое в настоящем российской антропологии. – *Антропологический форум*, № 15: 205–220.
- Соколовский, Сергей Валерьевич 2016. Будущее антропологии: кросс-, интер-, мульти-, транс-, а- или постдисциплинарность? – *Сибирские исторические исследования*, № 4: 12–29.
- Соколовский, Сергей Валерьевич 2017. Жизнь как поле: заметки об автоэтнографии. – *К 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН* (Отв. ред. и сост. Е. А. Пивнева). Москва, Санкт-Петербург: Нестор-История, 167–188.
- Сорокина, Елена Анатольевна 2018. Шведская этнология и реалии общественной жизни. – *Современная Европейская социокультурная антропология и этнология. Историографические очерки*. (Отв. редактор М.Ю. Мартынова). Москва: ИЭА РАН, 375–404.
- Сурво, Вера; Арно Сурво 2008. Истоки «племенной» идеи великофинляндского проекта. – *Россия и Удмуртия: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 450-летию добровольного вхождения Удмуртии в состав Российского государства. Ижевск, 20–22 мая 2008 г.* (Под общей редакцией В.В. Пузанова и А. Е. Загребина). Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 832–840.

- Сухова, Наталья Георгиевна; Эрки Таммиксаар 2005. *Александр Федорович Миддендорф (1815–1894)*. Москва: Наука.
- Таммиксаар, Эрки 2011. Отношения между наукой и национальностью в Российской империи XIX в. на примере Карла Бэра. – *Проникновение и применение дискурса национальности в России и СССР в конце XVIII – первой половине XX вв.* (Редакторы Индрек Яатс, Эрки Таммиксаар). Тарту: Эстонский национальный музей, 71–80.
- Терюков, Александр Иванович 1997. Дело «СОФИН» и советско-финляндские отношения в конце 1920-х – начале 1930-х гг. – *Россия и Финляндия в XX веке. К 80-летию независимости Финляндской республики*. Санкт-Петербург: Издательство «Европейский дом», 223–231.
- Терюков, Александр Иванович 2007. К вопросу о методике этногенетических исследований академика А. И. Шёгрена. – *Памяти А.И. Шёгрена (1794–1855). Сборник докладов* (Составители О.М. Фишман, С.Б. Коренева). Санкт-Петербург: Издательство «Европейским дом», 52–63.
- Терюков, Александр Иванович 2008. Швеция и становление современного финно-угроведения в конце XVII – начале XVIII в. – *Этноконфессиональная карта Ленинградской области и сопредельных территорий. Вторые шёгреновские чтения. Сборник статей*. Санкт-Петербург: Издательство «Европейский Дом», 5–18.
- Терюков, Александр Иванович 2016. Антал Регули: между Западом и Востоком в поисках прародины венгров. – *Вестник Томского государственного университета. История*, № 5 (43): 118–122.
- Тишков, Валерий Александрович 2003. *Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии*. Москва: Наука.
- Тичер и др 2009 = Тичер, Стефан; Майкл Мейер, Рут Водак, Ева Веттер 2009 [2000]. *Методы анализа текста и дискурса*. Харьков: Издательство Гуманитарный центр.
- Устав 1914 = *Уставъ Эстонскаго Національнаго Музея*. 2-ое издание. Юрьевъ: Постимесь.
- Фадеечева, Марианна Альфредовна 2012. Основные этнополитические тренды в Уральском регионе. – *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. Выпуск 12: 371–374.
- Фаузер, Виктор Вильгельмович 2011. Финно-угорские народы в современном мире. – *Ежегодник финно-угорских исследований*, № 3: 111–125.
- Филиппова, Елена Ивановна 2006. Разглядеть общечеловеческое за культурной отличительностью... (Интервью с Аленом Блюмом) – *Этнографическое обозрение*, № 1: 92–108.
- Форум 2007 = Форум: Этнографические музеи сегодня. – *Антропологический форум*, № 6: 6–132.
- Фуко, Мишель 2002 [1976]. Политическая функция интеллектуала. – *Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью*. (Перевод с французского С. Ч. Офертаса под общей редакцией В. П. Визгина и Б. М. Скуратова). Серия: Новая наука политики. Москва: Праксис, 201–209.
- Хайду, Петер 1985. *Уральские языки и народы*. Перевод с венгерского Е.А. Хелимского. Москва: Прогресс.
- Хоппал, Михай 2015 [1976]. Венгерские исследования по этносемиотике. – *Шапаны – культуры – знаки. SATOR 14* (Редактор и составитель Николай Кузнецов). Тарту: Научное издательство Эстонского литературного музея, 161–192.

- Цыпанов, Евгений 2014. Финно-угроведение. – *Уральская языковая семья: народы, регионы и страны. Этнополитический справочник* (Под редакцией А. П. Садохина, Ю. П. Шабаева). Москва: Директ-Медиа, 588–590.
- Шабаев, Юрий Петрович. 2006 «Новые идентичности» у финно-угров как политические инструменты. – *Этнографическое обозрение*, № 1: 13–27.
- Шабаев, Юрий Петрович 2014а. Уральские языки и народы. – *Уральская языковая семья: народы, регионы и страны. Этнополитический справочник*. (Под редакцией А. П. Садохина, Ю. П. Шабаева). Москва: Директ-Медиа, 538–545.
- Шабаев, Юрий Петрович 2014б. Финно-угорский мир. – *Уральская языковая семья: народы, регионы и страны. Этнополитический справочник*. Москва: Директ-Медиа, 571–583.
- Шабаев, Юрий Петрович; Чарина, Анна Михайловна 2010. Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России (особенно гл. 5 «Об идеях «Финно-угорского мира», 147–170). Санкт-Петербург – Москва: Институт сервиса и экономики, ИЭА РАН.
- Шибанов, Виктор 2001. Этнофутуризм как возможный выход из постмодернистского “тупика”. (Материалы IV конференции этнофутуристов, Тарту). URL: <http://www.suri.ee/etnofutu/4/shibanov.html> (31.10.2018)
- Шкляев, Александр Григорьевич 1990. Герд и гердоведение (30–50-е годы). – *Кузубай Герд и удмуртская культура: Сборник статей*. (Отв. ред. А. Г. Шкляев). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 28–39.
- Шнирельман, Виктор Александрович 1993. Злоключения одной науки: этногенетические исследования и сталинская национальная политика. – *Этнографическое обозрение*, № 3: 52–68.
- Шнирельман, Виктор Александрович 2010а. Введение в дискуссию. Историко-этнографический музей: презентация традиции или репрезентация конструкции? – *Этнографическое обозрение*, № 4: 3–8.
- Шнирельман, Виктор Александрович 2010б. Музей и конструирование социальной памяти: культурологический подход. – *Этнографическое обозрение*, № 4: 8–26.
- Этнография и смежные дисциплины 1988 = *Свод этнографических понятий и терминов, выпуск 2. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы*. (Ответственные редакторы М.В. Крюков, И. Зельнов). Москва: Наука.
- Юлтунен, Алпо 2002. «Софин» калыскупо герзетын. – *К изучению жизни и творчества Кузубая Герда. Сборник статей. Выпуск 3. Кузубай Герд и финно-угорский мир*. Составитель Ванюшев В.М. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 24–30.
- Alybina, Tatiana 2018. Mari usukombed läbi kaamerasilma: Tiia Peedumäe välitööd Mari Vabariigis aastatel 1991–1992. – *Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat* 61. Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 80–101.
- Anderson, Leon 2006. Analytic Autoethnography. – *Journal of Contemporary Ethnography*. Vol. 35. № 4: 373–395. URL: https://www.academia.edu/11359489/Leon_Anderson_2006_Analytic_Autoethnography. (27.03.2019)
- Anepaio, Terje 1998. Soome etnoloogid identiteeti otsimas. – *Pro Ethnologia* 6. *Procedural Work on Artefacts*. Tartu, 74–88.
- Annist, Aet; Maarja Kaaristo 2013. Studying Home Fields: Encounters of Ethnology and Anthropology in Estonia. – *Journal of Baltic Studies*, 44 (2): 121–151.

- Arengukava, 2017–2020. URL: <http://www.erm.ee/et/content/arengukava-2017-2020> (9.03.2017)
- Ariste, Paul 2005. *Vadja päevikud 1942-1980*. (Koostanud Ergo-Hart Västrik, toimetanud Peeter Olesk). Litteraria. Eesti kultuuriloo allikmaterjale. Vihik 22. Tartu: Eesti Kirjandusmuuseum.
- Aronsson, Peter 2011. Identity politics and uses of the past with European national museums. – *Nordisk Museologi* 1: 117–124.
- Aru, Krista 2008. *Üks kirk, kolm mõõdet. Peatükke eesti toimetajakeskest ajakirjandusest: K. A. Hermann, J. Tõnisson, K. Toom*. Tartu: EKM Teaduskirjastus.
- Arukask, Madis 2018. Soomeugrilisusest eesti rahvuspildis – kas jagatud emotsioon või hägune küsitavus. – *Keel ja Kirjandus*, № 1–2: 104–117.
- Astel, Eevi 2009. Eesti Rahva Muuseum aastatel 1940–1957. – *Eesti Rahva Muuseumi 100 aastat*. Tartu: ERM, 186–247.
- Baer 1824 = *Vorlesungen über Anthropologie für Selbstunterricht bearbeitet von Dr. Karl Ernst von Baer*. Königsberg, 1824.
URL: http://reader.digitale-sammlungen.de/de/fs1/object/display/bsb11112258_00009.html;
URL: http://www.digitale-sammlungen.de/index.html?c=autoren_index&ab=Baer%2C+Karl+Ernst+von&l=it (7.08.2014).
- Bloch, Maurice 2007 [2005]. Kuhu kadus antropoloogia? Ehk vajadus „inimloomuse” järele. – *Vikerkaar*, 4–5, lk. 64–77.
- Buch, Maximilian 1882. *Die Wotjäken, eine ethnologische Studie von Max Buch*. Dr. med. Helsingfors: Druckerei der Finnischen Litteratur-Gesellschaft.
- Burke, Peter 2006 [1997]. *Kultuuride kohtumine. Esseid uuest kultuuriajaloo*. Inglise keelest tõlkinud Ainiki Väljataga. Tallinn: Varrak.
- Clifford, James 1986. Introduction: Partial Truths. – James Clifford, George M. Marcus (Eds.). *Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1–26.
- Clifford, James; George M. Marcus 1986 (eds.). *Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press.
- Eesti Filmi Andmebaas = *Liivi rannikult* (1940).
URL: <http://www.efis.ee/et/filmiliigid/film/id/1319> (9.07.2018)
- Eesti etnograafiline film I. Kaks filmi eesti etnograafiast. Aleksei Peterson 80. (Jäälune kalapüük Audrus, 1964; Eesti küla sajandivahetusel, 1978; Intervjuu Aleksei Petersoniga, 2009). Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 2011.
- Eesti etnograafiline film II. Udmurdid. (Lõunaudmurdid 20. sajandi alguses, 1983; Lõunaudmurdide religioosne kombestik 20. sajandi alguses, 1983; Põhjaudmurdid 20. sajandi alguses, 1995), Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 2013.
- Eesti etnograafiline film III. Vepslased. (Ühest puutüvest õnnestatud vene valmistamine, 1980; Vepslased 20. sajandi algul, 1981). Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 2015.
- Ernits, Villem 1926. Hõimutöö põhiküsimusi. – *Eesti ja Soome üliõpilaskondade hõimualbum I / Suomen ja Eestin ylioppilaskuntien heimoalbumi* (toimetus Villem Ernits jt.). Tartu: Postimees, 89–103.
- Etnofutu 1994–2004 = URL: http://www.suri.ee/etnofutu/index_ee.html (31.10.2018)
- Foucault, Michel 1992. Tõde ja võim. Intervjuu Alessandro Fontana ja Pasquale Pasquinoga. – *Vikerkaar*, № 11: 31–49.
- Fischer, Michael M. J. 1986. Ethnicity and the Post-Modern Arts of Memory. – James Clifford, George M. Marcus (eds.). *Writing Culture: The Poetics and Politics of*

- Ethnography*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 194–233.
- Gross, Toomas 1998. Teaching Anthropology at the Faculty of Social Sciences: Reflections and Perspectives. – *Pro Ethnologia* 4. *How to Make Ethnologists*: 32–40.
- Gross, Toomas 2007. Sotsiaalse ja kultuurilise reaalsuse esitamisest antropoloogias. – *Vikerkaar*, 4/5: 158–165.
- Hall, Stuart 2018 [2013]. Sissejuhatus. – *Representatsioon. Kultuurilised representatsioonid ja tähistamispraktikad*. (Koostanud Stuart Hall, Jessica Evans ja Sean Nixon). Tallinn: Eesti Kunstakadeemia Kirjastus, 11–18.
- Heinapuu, Andres 2007. Hõimusedaarsus aitab jääda iseendaks. – *Fenno-Ugria. Horiisoni lisaväljaanne*, 1.
- Heintz, Christophe 2008. Ethnographic Cognition and *Writing Culture*. – Olaf Zenker, Karsten Kumoll (eds.). *Beyond Writing Culture: Current Intersections of Epistemologies and Practices of Representation*. Oxford: Berghahn Books, 190–222.
- Hennoste, Tiit 2014 (toimetaja). *Rahvusvahelised rahvusteadused. Artiklikogumik rahvusülikooli 95. juubeliks*. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus.
- Hoppál, Mihály 1993. Ethnosemiotic Research in Hungary. – *Hungarian Studies* 8/1: 48–82.
- Hunfalvy, Pál 2007 [1871]. *Reis Läänemere provintsidest*. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus.
- Hurt, Jakob 1939 [1870] = Meie koolitatud ja haritud meestest. Helmes 1870. a. peetud kõne. – *Jakob Hurda kõned ja avalikud kirjad*. (Toimetanud Hans Kruus). Tartu: Eesti Kirjanduse Selts, 64–79.
- Hõimurahvaste programmi auhinnad =
URL: <https://fennoungria.ee/toetused/hoimurahvaste-programm/auhinnad/hoimurahvaste-programmi-kirjandusauhind/> (4.05.2018)
- Jaago, Tiiu 2003. Kas folkloristika ja etnoloogia eraldumine sai alguse emakeelse ülikooli õppetoolide loomisest? – *Pärimus ja tõlgendus. Artikleid folkloristika ja etnoloogia teooria, meetodite ning uurimispraktika alalt*. (Koostanud Tiiu Jaago). Tartu Ülikooli Kirjastus, 37–49.
- Jankó, János 2000. II. jelentés a Ministerhez. – *Kodolányi János (szerk.): Utazás Osztyájköldre 1898*. (Historica Ethnographiae, 11). Budapest: Néprajzi Múzeum, 25–29.
- Johansen, Ulla 1997. Die Ethnologen und die Ideologien. Das Beispiel der estnischen Ethnographen in der Sowjetzeit. – *Zeitschrift für die Ethnologie* (1996) Bd. 121 (2): 181–202.
- Jääts, Indrek 2011. Tagasivaade etnograafilise filmi sünniloole Eesti Rahva muuseumis. Aleksei Petersoni 80. sünnipäeva puhul. – *Eesti etnograafiline film I. Kaks filmi eesti etnograafiast. Aleksei Peterson 80*. Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 2–6.
- Jääts, Indrek 2013. Kadunud hõimu otsimas. – *Eesti Rahva Muuseumi ajaveeb*, 15.10.2013. URL: <https://blog.erm.ee/?p=3538> (22.04.2019)
- Jääts, Indrek 2015. Fimikaameraga Vepsamaal. – *Eesti etnograafiline film III. Vepsalased*. Tartu: Eesti Rahva Muuseum.
- Jääts, Indrek 2018. Eesti etnograafid lõunavepsa külades 1965–1969. – *Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat* 61. Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 44–79.
- Jääts, Indrek; Marleen Metslaid 2018. Eesti etnograafia ja eesti rahvuslus. – *Keel ja Kirjandus*, № 1–2: 118–135.
- Jürgenson, Aivar 2003. Eessõna. – *Aeg ja lugu. Esseid eesti kultuuriloost*. (Koostanud Aivar Jürgenson). Scripta ethnologia 5. Tallinn: Ajaloo Instituut, 5–9.

- Kaaristo, Maarja 2018. Tulemisest, olemisest ja minemisest. Identiteediteekond. – *Vikerkaar*, № 1–2: 75–83.
- Kaaristo jt 2006. Elujõuline Eesti etnoloogia. (Küsitleb Maarja Kaaristo, arutlevad Terje Anepaio, Aivar Jürgenson, Timothy King ja Art Leete). – *Sirp*, 9.06.2006.
- Kallas, Oskar 1923. Eesti rahva muuseumi algaegadelt. – *Postimees*, 20.05.1923.
- Kaljundi, Linda 2018. Eestlased kui soomeugrilased. – *Vikerkaar*, № 1–2: 95–106.
- Karjahärm, Toomas 2007. The Image of Russia According to Estonian Movement Leaders (until 1917). – *Ethnic Images and Stereotypes – Where is the Border Line (Russian-Baltic Cross-Cultural Relations) / Этнические представления и стереотипы – где граница (русско-балтийские межкультурные контакты)*. Studia Humaniora et Pedagogica Collegii Narovensis II. Narva: Tartu Ülikooli Narva Kolledž, 189–204.
- Karm, Svetlana; Marleen Nõmmela, Piret Koosa 2008. *Auasi. Eesti etnoloogide – jälgedes / A Matter of Honour. In the footsteps of Estonian ethnologists / Дело чести. По следам эстонских этнологов*. Tartu: Eesti Rahva Muuseum.
- Karm, Svetlana 2016. Eesti kunstnike etnograafiliste jooniste albumid said täienduse. – *Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat 59*. Tartu, 204–207.
- Karm, Svetlana; Art Leete 2018. Uurali kaja Eesti Rahva Muuseumis. – *Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat 61*. Tartu: ERM, 15–43.
- Karm, Svetlana; Maarja Vaikmaa 2018. 40 aastat EKA soome-ugri ekspeditsioone. – *Eesti Rahva Muuseumi ajaveeb*, 26.07.2018. URL: <https://blog.erm.ee/?p=11604> (27.11.2018)
- Kauksi, Ülle, Andres Heinapuu, Sven Kivisildnik, Maarja Pärl-Lõhmus 1994. *Etnofuturism: mõtteviis ja tulevikuvõimalus*. – URL: <http://www.suri.ee/etnofutu/ef!ee.html> (27.11.2018).
- Konksi, Karin 2009. Etnograafiamuuseumina Nõukogude Eestis. – *Eesti Rahva Muuseumi 100 aastat*. Tartu: ERM, 250–355.
- Kruus, Hans 1932. „Eesti professori“ küsimus Tartu vene ülikoolis. – *Ajalooline ajakiri*, № 2 (11): 65–88.
- Kultuuripealinnad = *Soome-ugri kultuuripealinnad*.
URL: <https://fennougria.ee/avasta/kultuuripealinnad/> (27.11.2018)
- Kurs, Ott; Linda Kongo 1996. Tartu teadlased ja Vene Geograafia Selts. – *Akadeemia*, № 10 (91): 2284–2296.
- Kuutma, Kristin 2005. Vernacular Religions and the Invention of Identities Behind the Finno-Ugric Wall. – *Temenos*. Vol. 41, No. 1: 51–76
- Kuutma, Kristin; Tiiu Jaago 2005 = *Studies in Estonian Folkloristics and Ethnology. A Reader and Reflexive History*. Edited by Kristin Kuutma and Tiiu Jaago. Tartu: Tartu University Press.
- Künnapas, Teodor 1984 (toimetaja). *Eesti teadlased väljaspool kodumaad. Biograafiline teatmik. Estonian Scholars and Scientists Abroad. Biographical Directory*. Eesti Teadusliku Instituudi toimetised. Instituti Litterarum Estonici Scripta. Stockholm: Repro Print.
- Laansalu, Tiina; Sven-Erik Soosaar 2018. Kümme aastat Eesti Keele Instituudi soome-ugri seminare. – *Keel ja Kirjandus*, № 1: 171–174.
- Laar, Mart; Rein Saukas, Ülo Tedre (koostajad) 1989. *Jakob Hurt 1839-1907*. Tallinn: Eesti Raamat.
- Lang, Valter 2018. *Läänemeresoome tulemised*. Muinasaja teadus 28. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus.

- Leete, Art 1998. Soome-ugri kultuuride etnoloogilise talletamise tänapäevaseid probleeme Eesti Rahva Muuseumis. – *Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat XLII*. Tartu: Eesti Rahva Muuseum 11–33.
- Leete, Art 2014. Soomeugrilaste tumedad tunded. – *Rahvusvahelised rahvusteadused. Artiklikogumik rahvusülikooli 95. juubeliks*. (Toimetaja Tiit Hennoste). Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 61–80.
- Leete, Art 2017. Hämaruse rahvad – Uurallaste vaashoitud karmus. – *Sirp*, 17.11.2017.
- Leete, Art; Ülo Tedre, Ülo Valk, Ants Viires 2008. Uurimislugu. – *Eesti rahvakultuur*. (Koostanud ja toimetanud Ants Viires ja Elle Vunder). Tallinn: Eesti Entsüklopeediakirjastus, 15–39.
- Leete, Art, Svetlana Karm 2015. Soome-ugri näitused. – [etteaste] *ERMi näitusemaja 1994-2015*. (Koostajad Agnes Aljas, Jane Liiv, Kristjan Raba; toimetaja Tuuli Kaalep). Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 100–101.
- Lehtinen, Ildiko 2017. „Uurali kaja“ võrdluses soome-ugri rahvaste ekspositsioonidega mujal. – *Soome-ugri sõlmed 2016*. Tallinn: Fenno-Ugria, 65–68.
- Leimus, Ivar (toimetaja) 2008. Eestlased paguluses 1944–1992. – *Iseolemise tahe. 90 aastat Eesti Vabariiki. Näituse tekstid*. Tallinn: Eesti Ajaloomuuseum, 82–90.
- Kõiva, Mare 2007. The Contemporary Museum as a Site for Displaying Values. – *Journal of Ethnology and Folkloristics*. Vol. 1 (1): 49–62.
- Leinbock, Ferdinand 1930. Eesti etnograafia seniseid saavutisi ja tuleviku ülesandeid. – *Ajalooline ajakiri*, № 1/2: 42–52.
- Leinbock, Ferdinand 1933. Eesti rahvusteaduste areng. Tuleviku ülesanded ja nende tähtsus eesti rahvuskultuuri arendamisel. – *Eesti Rahvuskultuur: koguteos Eesti Vabariigi 15. aasta juubeliks*. Tartu: Eesti Rahvuskultuuriline Ühing, 50–55.
- Leinbock, Ferdinand 1934. Eesti Rahva Muuseum 1909–1934. – *Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat IX-X (1933/34)*. Tartu: Sihtasutus „Eesti Rahva Muuseum“, 1–48.
- Linnus, Ferdinand 1940. Omakultuuri harrastuste olevikust ja tulevikust. – *Eesti Üliõpilaste Seltsi album*, XI. Tartu: Eesti Üliõpilaste Selts (Tartu: Postimees). URL: <http://www.kirjandusarhiiv.net/?p=1394> (4.07.2018)
- Linnus, Ferdinand 2005 [1938]. Die estnische Ethnographie in den letzten fünf Jahren. – *Studies in Estonian Folkloristics and Ethnology. A Reader and Reflexive History*. Edited by Kristin Kuutma and Tiit Jaago. Tartu: Tartu University Press, 343–349.
- Linnus, Jüri 1970a. Eesti Riikliku Etnograafiamuuseumi soome-ugri rahvaste etnograafilised kogud. – *Läänemeresoomlaste rahvakultuurist*. Tallinn: Valgus, 226–245.
- Linnus, Jüri 1970b. Ilmari Manninen ja Eesti Rahva Muuseum. – *Läänemeresoomlaste rahvakultuurist*. Tallinn: Valgus, 247–258.
- Lintrop, Aado 1995. Udmurtide paganlikud ohvritootmisviisid. – *Rahvausund tänapäeval*. Toimetanud Mall Hiimäe ja Mare Kõiva. Tartu: Eesti Keele Instituut, Eesti Kirjandusmuuseum, 223–227.
- Lintrop, Aado 2004–2005. – *Loitsija udmurdi leheküljed*. URL: <http://www.folklore.ee/~aado/rahvad/palvus.htm> (17.08.2018)
- Lukas, Liina 2007. Baltisaksa rännumehed eestlaste maailmapilti avardamas. – *Go Discover. Reisiajakiri*, nr 6. URL: <https://reisikirjad.gotravel.ee/ajakiri/baltisaksarannumehed-eestlaste-maailmapilti-avardamas/> (17.12.2018)
- Luts, Arved 1982a. Etnograafia. (Teaduse areng Tartu Ülikoolis XIX sajandil. Humanitaarteadused) – *Tartu ülikooli ajalugu 1632–1982. Kolmes köites. II osa. 1798–1918. Koostanud Karl Siilivask*. Tallinn: Eesti Raamat, 162–163.

- Luts, Arved 1982b. Etnograafia. (Teaduse areng 1919–1940. Humanitaarteadused) – *Tartu ülikooli ajalugu 1632–1982. Kolmes köites. III osa. 1918–1982*. (Koostanud Karl Siilivask ja Hillar Palamets). Tallinn: Eesti Raamat, 98–99.
- Luts, Arved 1985. Etnograafia. (Tartu ülikooli osa teaduse arengus XIX sajandil. Humanitaarteadused). – *Tartu ülikooli ajalugu 1632–1982*. (Toimetanud Karl Siilivask). Tallinn: Perioodika, 88.
- Luts, Arved 1999. Teel juubelele. Tagasivaade Eesti Rahva Muuseumi 50. aastapäevale ja selle eelloole. – *Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat XLIII*. Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 11–46.
- Macdonald, Sharon 1997. Exhibitions of power and powers of exhibition: An introduction to the politics of display. – Sharon Macdonald (ed.). *The Politics of Display: Museums, Science, Culture*. London: Routledge, 1–21.
- Manninen, Ilmari Justus 1924. Etnograafia tegevuspiiridest ja sihtidest Eestis. (Esi-loeng, peetud 16.X.1924. a. Tartu Ülikoolis). – *Eesti Kirjandus*, № 12: 527–537.
- Manninen, Ilmari Justus (Dr. J. Manninen) 1929. *Soome sugu rahvaste etnograafia*. Tartu: Ko/Ü „Loodus“.
- Metslaid, Marleen 2016a. Gustav Ränga tee Tartu Ülikooli professoriks. Eesti etnoloogia 1930. aastatel. – *Tuna: Ajalooline ajakiri*; 1 (70): 50–67.
- Metslaid, Marleen 2016b. *Between the Folk and Scholarship: Ethnological Practice in Estonia in the 1920s and 1930s*. (Dissertationes Ethnologiae Universitatis Tartuensis 5.) Tartu: University of Tartu Press.
- Meri, Lennart 2001. Eesti mäletab. Vabariigi President Valgu Kroogi talus 10. juunil 2001. – *Vabariigi Presidendi kõned*.
URL: <http://vp1992-2001.vpk.ee/est/k6ned/K6ne.asp?ID=390> (5.05.2011).
- Mulla jt 2006 = Mulla, Triin; Peep Pillak; Jüri Trei; Heini Vilbiks (koostajad) 2006. *Eesti välisteenus. Biograafiline leksikon 1918–1991*. Tallinn: Välisministeerium.
- Mägiste, Julius 1937. Rahvuslike teaduste edust Eestis. – *Looming*, № 3: 358–361, № 34: 470–486.
- Niglas, Liivo; Eva Toulouze 2010. Reconstructing the Past and the Present: The Ethnographic Films Made by the Estonian National Museum (1961–1989). – *Journal of Ethnology and Folkloristics*. Vol. 4 (2): 77–96.
- Nõmmela, Marleen 2007. *Etnograafiks kujunemine: Gustav Ränga välitööpraktika 1920. aastatel*. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus.
- Olesk, Sirje 2005. Uus põlvkond hõimutöös. – *Kultuurisild üle Soome lahte. Eesti – Soome akadeemilised ja kultuurisuhted 1918–1944*. (Koostanud Sirje Olesk). Tartu: Eesti Kirjandusmuuseum, 39–52.
- Paljak, Ivar 2013. Eesti Teaduslik Selts Rootsis. – *Horisont*, № 6: 48–52.
- Passetski, Vassili. 1970. *Eestist pärit Arktika-uurijad*. Tallinn: Eesti Raamat.
- Peterson, Aleksei 2000a. Eesti Rahva Muuseum 1960. aastatel, tema rõõm ning valu ja vaev. – *Muuseum*, №1 (8): 39–42.
- Peterson, Aleksei 2000b. Eesti Rahva Muuseum 1970. aastatel. Meenutusi. – *Muuseum*, №2 (9): 39–42.
- Peterson, Aleksei 2004. Lisandusi Eesti Rahva Muuseumi ajaloole. – *Muuseum*, № 1 (16): 41–44.
- Peterson, Aleksei 2006. *Udmurdi päevikud / Удмуртъёс дорын чаклам-гожъямъёс* (koostaja Svetlana Karm). Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 303–314.
- Piirimäe, Helmut 1982. Ajalooline tagapõhi ja ülikooli asutamine. – *Tartu Ülikooli ajalugu. Kolmes köites 1632–1982. I osa* (Koostanud H. Piirimäe). Tallinn: Valgus, 23–45.

- Prants, Heinrich (Hindrik) 1926. Meeleoludest ja tunnetest esimese laulupeo ajast. – *Eesti kirjandus*, № 6: 358–364.
- Prozes, Jaak 1997. Hõimuliikumine kahe maailmasõja vahel. – *Hõimusedimed*.
URL: <http://www.suri.ee/hs/prozes.html> (18.07.2018)
- Prozes, Jaak 2006. Soomeugrilased ja Aleksei Peterson. – *Udmurdi päevikud / Удмуртъёс дорын чаклам-гожъямъёс*. Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 7.
- Prozes, Jaak 2007. Fenno-Ugria Asutus. Sidepidaja sugulasrahvastega globaalpoliitika kiuste. – *Fenno-Ugria. Horisont, lisaväljaanne*. Tallinn: MTÜ Loodusajakiri, 5–6.
- Prozes, Jaak 2017. Eesti-Soome suhete madalseisus sündinud identiteedileping. – *Sirp*, 1.12.2017. URL: <http://www.sirp.ee/s1-artiklid/c9-sotsiaalia/eesti-soome-suhete-madalseisus-sundinud-identiteedileping/> (17.08.2018)
- Põllu, Kaljo 1990. *Tallinna Kunstiülikooli kümme soome-ugri uurimisreisi. Tallin Art University's Ten Expeditions to the Finno-Ugrians*. Tallinn: Olion.
- Põllu, Kaljo 1999. *Eesti Kunstiakadeemia kaksikümmend soome-ugri uurimisreisi. Estonian Academy of Arts Twenty Expeditions to the Finno-Ugrians*. Tallinn: Olion.
- Pärdi, Heiki 1994. Eesti Rahva Muuseum – ”eesti rahva sümbol” ja muuseum / Estonian National Museum – a Symbol of Estonian People and a Museum. – *Pro Ethnologia 2. Etnoloogia ja muuseumid / Ethnology and Museums*. Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 30–50.
- Pärdi, Heiki 1998. Mõistetest *etnograafia, etnoloogia ja rahvateadus* ning eesti etnoloogiast. – *Akadeemia*, № 2: 252–266.
- Raisma, Mariann 2005. Muuseumi mõte: Eesti muuseumide identiteetimuutustest 19.–20. sajandil. – *Akadeemia*, № 1: 774–796.
- Rattus, Kristel 2014. Paljuhäälnel Eesti: kultuuriloo püsinaäituse „Eestimaa kahekõned” koostamisest Eesti Rahva Muuseumis. – *Õpetatud Eesti Seltsi Aastaraamat 2013*. Tartu: Õpetatud Eesti Selts, 101–120.
- Rattus, Kristel 2016. Dialoogilisus Eesti Rahva Muuseumi püsinaäitusel “Kohtumised”. – *Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat 59*. Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 143–161.
- Rogan, Bjarne. Material Culture, Meaning and Interpretation in Nordic Ethnological Research. From Functionalist to Phenomenological Approaches. – *Pro Ethnologia 4. How to make Ethnologists* 57–70.
- Ränk, Gustav 1929. Hõimurahwaste osakond E.R. Muuseumis. – *Postimees*, 8.01.1929.
- Ränk, Gustav 2000 [1940]. Eesti-Soome vahekordade ideoloogilisest alusest. – *Müüt ja ajalugu*. (Koost. P. Runnel; toim. K. Ligi). Tartu: Ilmamaa, 69–75.
- Ränk, Gustav 2000 [1969]. Eesti teadlase osa Põhjamaade etnoloogias. Prof. Ilmar Talve 50. sünnipäeva puhul. – *Müüt ja ajalugu*. (Koostaja Pille Runnel, toimetanud Katre Ligi). Tartu: Ilmamaa, 243–246.
- Saarinén, Sirkka 2001. The myth of a finno-ugrian community in practice. – *Nationalities papers*. Vol. 29. No 1: 41–52.
- Sallamaa, Kari 1999. Etnofuturismi filosoofia soome-ugri rahvaste säilimise alusena. – URL: <http://www.suri.ee/etnofutu/3/doc/salla-e.html> (17.08.2018)
- Sarv, Heno 2002. *Indigenous Europeans East of Moscow. Population and Migration Patterns of the largest Finno-Ugrian Peoples in Russia from the 18th to the 20th Centuries*. Dissertationes Geographicae Universitatis Tartuensis 17. Tartu: Tartu University Press.
- Sarv, Heno 2003. Milleks globaliseerub udmurdi kultuur? Dokumentaalfilmid “Päikeselapsed” ja “Juri Vella maailm”. – *Fenno-Ugria Infoleht 2*. URL: <http://www.suri.ee/il/2003/2/globaal.html> (14.12.18)

- Seljamaa, Elo-Hanna 2017a. Peegelduv heli. – *Soome-ugri sõlmed 2016*, 55–58
- Seljamaa, Elo-Hanna 2017b. Peegelduv heli. – *Sirp* (27.01).
URL: <http://www.sirp.ee/s1-artiklid/c6-kunst/peegelduv-heli/> (17.08.2018)
- Setälä, Emil Nestor 1925. Soome-Eesti kultuurilised ühispüüded. Soome haridusministri, professor E. N. Setälä eestikeelne kõne Tartu Ülikooli aulas 23. mail 1925. – *Eesti Kirjandus*. XIX aastakäik, № 5: 161–163.
- Siikala, Anna-Leena 2004. Kuuluvuspaigad: ajaloo taasloomine. – *Mäetagused*, № 26: 53–68. URL: <https://www.folklore.ee/tagused/nr26/siikala.pdf> (16.07.2018)
- Simm, Janno 2013. Udmurdid ning Aleksei Petersoni museoloogiline kinematograafia-maastik. – *Eesti Rahva Muuseumi ajaveeb*, 4.04.2013.
URL: <https://blog.erm.ee/?p=1761> (16.07.2018)
- Sutrop, Urmas 2012. Kuidas me mõistame rahvusteadust? – *Akadeemia*, № 5: 1155–1177.
- Sutrop, Margit 2014. Rahvusvahelised rahvateadused rahvusülikoolis. – *Rahvusvahelised rahvusteadused. Artiklikogumik rahvusülikooli 95. juubeliks*. (Toimetaja Tiit Hennoste). Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 7–13.
- Sääskilahti, Nina 1997. *Kansa ja tiede. Suomalainen kansatiede ja sen kohde 1800-luvulta 1980-luvulle*. (Jyväskylän yliopisto, etnologian laitos. Tutkimuksia 31). Jyväskylä: Kopi-Jyvä.
- Tallgren, Aarne Mikael 1923a. Raamatute ülevaade. Itkonen, T. J. Suomensukuiset kansat. Tietosanakirja-osakeyhtiö Helsingissä 1921. – *Eesti keel*, I (1922): 58–60.
- Tallgren, Aarne Mikael 1923b. Eesti muuseum ja soome-ugri teaduse alad. – *Odamees*, № 2: 41–43.
- Tambets, Kristiina 2018. Kas keelesugulus on päris sugulus? Geenid vastavad. – *Novaator*. URL: <http://novaator.err.ee/865539/kas-keelesugulus-on-paris-sugulus-geenid-vastavad> (02.10.2018)
- Tambets et al. 2018 = Kristiina Tambets, Bayazit Yunusbayev, Georgi Hudjashov, Anne-Mai Ilumäe, Siiri Rootsi, Terhi Honkola, Outi Vesakoski, Quentin Atkinson, Pontus Skoglund, Alena Kushniarevich, Sergey Litvinov, Maere Reidla, Ene Metspalu, Lehti Saag, Timo Rantanen, Monika Karmin, Jüri Parik, Sergey I. Zhadanov, Marina Gubina, Larisa D. Damba, Marina Bermisheva, Tuuli Reisberg, Khadizhat Dibirova, Irina Evseeva, Mari Nelis, Janis Klovins, Andres Metspalu, Tõnu Esko, Oleg Balanovsky, Elena Balanovska, Elza K. Khusnutdinova, Ludmila P. Osipova, Mikhail Voevoda, Richard Villems, Toomas Kivisild and Mait Metspalu 2018. Genes reveal traces of common recent demographic history for most of the Uralic-speaking populations. – *Genome Biology*.
URL: <https://genomebiology.biomedcentral.com/articles/10.1186/s13059-018-1522-1> (02.10.2018)
- Tamm, Marek 2018. Rahvuste tegemine. Humanitaarteaduslik vaade. – *Keel ja Kirjandus*, № 1–2: 15–29.
- Theodor Lutsu filmograafia = Eesti Filmi andmebaas, URL: <http://www.efis.ee/et/inimesed/id/8606/filmograafia> (3.12.18)
- Todorov, Tzvetan 2001 [1999]. Täendus, tõde ja dialoog. Intervjuu Tzvetan Todoroviga. Küsitlenud Marek Tamm. – *Ameerika vallutamise. Teise probleem*. Tallinn: Varrak, 325–338.
- Uibopuu, Valev 1984. *Meie ja meie hõimud. Peatükke soomeugrilaste minevikust ja olevikust*. Lund: Eesti Kirjanike Kooperatiiv.

- UNESCO Declaration 2002 = UNESCO Universal Declaration on Cultural Diversity. (A document for the World Summit on Sustainable Development, Johannesburg, 26 August – 4 September 2002). Cultural Diversity Series No. 1.
URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0012/001271/127162e.pdf> (25.07.2018)
- Undusk, Jaan 1997. Kolm võimalust kirjutada eestlaste ajalugu. Merkel – Jakobson – Hurt. – *Keel ja kirjandus*, № 11: 721–734; № 12: 797–811.
- Varep, Endel 1982. Teaduse areng Tartu ülikoolis XIX sajandil. Täppisteadused. Füüsiline geograafia ja meteoroloogia. – *Tartu Ülikooli ajalugu II. 1798–1918*. (Koostanud Karl Siilivask). Tallinn: Eesti Raamat, 218–222.
- Ventsel, Aimar 2018a. Eestlane ja esimese Eesti Vabariigi etnograafia. – *Sirp*, 20.04.2018. URL: <http://sirp.ee/s1-artiklid/c9-sotsiaalia/eestlane-ja-esimese-estiviabariigi-etnograafia/> (2.07.2018)
- Ventsel, Aimar 2018b. Nõukogude perioodi eesti etnograafiast. – *Sirp*, 22.06.2018. URL: <http://sirp.ee/s1-artiklid/c9-sotsiaalia/noukogude-perioodi-estivi-etnograafiast/> (2.07.2018)
- Vermeulen, Han F. 2015. *Before Boas. The Genesis of Ethnography and Ethnology in the German Enlightenment*. Lincoln & London: University of Nebraska Press.
- Vermeulen, Han F. 2018. Gerhard Friedrich Müller and the Genesis of Ethnography in Siberia. – *Этнография / Etnografia*, № 1: 40–63.
- Viires, Ants 1993. Etnograafia arengust Eesti NSV päevil (1940–1990). – *Muunduv rahvakultuur. Etnograafilisi uurimusi*. (Toimetanud Ants Viires). Tallinn: Eesti Teaduste Akadeemia Ajaloo Instituut, 5–40.
- Viires, Ants 1998. Gustav Ränk Rootsisis. – *Tuna*, № 1: 79–87.
- Voigt, Vilmos 1996. On Finno-Ugric Semiotics. – Leskinen, Heikki; Risto Raittila; Tõnu Seilenthal (red.): *Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugritarum Juväskylä 10.–15.08. 1995. Pars VI. Etimologia & Folkloristica*. Juväskylä: Moderatores, 490–493.
- Voigt, Vilmos 2010. More on Finno-Ugric Semiotics. – Csúcs, Sándor; Falk, Nóra; Tóth; Zaicz, Gábor (red.): *Congressus XI Internationalis Fenno-Ugritarum Piliscsaba 2010. Pars I. Opationes plenariae*. Piliscsaba: Regyli Társaság, 267–292.
- Voigt, Vilmos 2012. Finno-Ugric Folk Traditions Expressing Identity in the Russian Empire. – *Acta Ethnographica Hungarica*, № 57 (2): 397–407.
- Vunder, Elle 1996. Ethnology at the University of Tartu in Historical Perspective. – *Pro Ethnologia 4. How to make Ethnologists*, 7–30.
- Vunder, Elle 1999. Muutuv eesti etnoloogia. – *Ajalooline Ajakiri* 1 (104): 31–42.
- Västriik, Ergo-Hart 2007. *Vadjalaste ja isurite usundi kirjeldamine keskajast 20. sajandi esimese pooleni: alliktekstid, representatsioonid ja tõlgendused*. (Dissertationes folkloristicae Universitatis Tartuensis 9.) Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus.
- Wiedemann, Ferdinand Johann 1851. *Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakische-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche* / von F. J. Wiedemann, Oberlehrer der griechischen Sprache am Gymnasium zu Reval. Reval: Kluge & Ströhm, 1851 (Dorpat: H. Laakmann).
- Wiik, Kalevi 2005 [2002]. *Europlaste juured*. Tartu: Kirjastus Ilmamaa.
- Zagrebin, Aleksei. 2005. Researcher and Power, or about some Peculiarities of Finno-Ugric Fieldwork in Russia. – *Kultuur ja võim. Eesti Rahva Muuseumi 46. konverents*. Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 46–49.
- Zetterberg, Seppo 2017. Subjektiiivseid samme Eesti-Soome sillal 1917–2017. – *Diplomaatia*, № 172, 19.12.2017. URL: <https://diplomaatia.ee/subjektiiivseid-samme-estivi-soome-sillal-19172017/>(4.07.2018)

- Õunapuu, Piret 2006. Järeldõna. – *Vanavara kogumisretkedelt 1. Oskar Kallase päevik*. Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 53–63.
- Õunapuu, Piret 2009 (koostaja). *Eesti Rahva Muuseumi 100 aastat*. Tartu: Eesti Rahva Muuseum.
- Õunapuu, Piret 2011. *Eesti Rahva Muuseumi loomine ja väljakujundamine. Dissertationes Historiae Universitatis Tartuensis 23*. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus.
- Vakker, Triin 2012. Rahvusliku religiooni konstrueerimise katsed 1920.–1930. aastate Eestis – taara usk. – *Mäetagused*, № 50: 175–198.
- Vääri, Eduard 1997. Eestlaste tutvumine hõimurahvastega ja nende keeltega kuni 1918. aastani. – *Hõimusidemed. Fenno-Ugria 70. aastapäeva album*.
URL: <http://www.suri.ee/hs/vaari.html> (13.03.2019)

KOKKUVÕTE

Soome-ugri diskursus Eesti etnoloogias (udmurdi kultuuri uurimise näitel)

Käesolev väitekiri käsitleb keelesugulusel põhinevat soome-ugri diskursust Eesti etnoloogias ning kultuuride kokkupuuteid etnoloogiliste uuringute kontekstis. Doktoritöös analüüsin Eesti soome-ugri uurimissuuna kujunemise ajaloolisi, kultuurilisi ja ideoloogilisi aspekte. Vaatlen, kuidas etnoloogia-alased välitööd ja teadlaste omavahelised suhted on mõjutanud kultuurialoogi ning soome-ugri kultuuride representeerimist Eesti Rahva Muuseumis.

Eesti etnoloogilises traditsioonis tähendab „soome-ugri diskursus” teiste soome-ugri ja samojeedi rahvaste kultuuride uurimist. Eesti etnograafia koos Eesti ajaloo, arheoloogia, eesti rahvaluule, eesti ja soome-ugri keelte uurimise ja eesti kirjandusteadusega, mis on otseselt seotud Eesti ja rahvuskultuuri mineviku ja oleviku uurimisega, on ajalooliselt olnud kui üks rahvusteadusi, *„millede vastu teisist rahvusist teadlased (pääle meie hõimlaste soomlaste ja teataval määral ungarlaste) on tundnud ja tunnevad tänapäevgi huvi ainult erakorral, millede vastu aga meil eestlasil endil peab olema eriline huvi, sest nende alade tundmaõppimisega me selgitame oma rahvusliku kultuuri algjuuri ning lähtekohti, millele tänapäevane eesti omapärataotlustega rahvuskultuur tugineb ja pääle ehitab“* (Mägiste 1937). Soomeugrilaste uurimine on olnud aga oma rahva ja teiste rahvaste uurimise vahevormiks – soomeugrilasi ei ole eestlastega päris täielikult samastatud, aga neid ei peeta ka võõrasteks. Idapoolseid soome-ugri alasid on tajutud kui eestlaste kultuurilise missiooni osa.

Eesti etnoloogide uurimisväljas on üsna harva esindatud ka soomlased ja ungarlased, kes olid eeskätt eeskujuks soome-ugri intellektuaalses valdkonnas. Eriti lähedased olid eesti teadlaste sidemed soomlastega, kes täitsid eestlaste suhtes juba esimese Eesti Rahva Muuseumi direktori ja esimese Tartu Ülikooli etnograafiadotsenti Ilmari Justus Andreas Mannineni (1894–1935) ajast teatud mõttes suurema venna rolli. Eesti soome-ugri diskursuse teoreetiline mõtestamine oleks siiski mõeldamatu ainult läbi lokaalse prisma, väljaspool Soome, Ungari, Saksamaa ja Venemaa (Nõukogude Liidu) etnograafiat, mille mõjul toimus eesti rahvateaduse kujunemine ja areng. Seega vaatlen soomeugrilaste uurimist teistest rahvuslikest traditsioonidest lähtudes.

Etnoloogiliste välitööde käigus tekkivaid kultuurilisi kokkupuuteid (kultuuridistanti ja kultuurialoogi tunnet) ja vastastikust mõju käsitlen väitekirjas udmurdi kultuuri uurimise näitel. Hoolimata tuhandetest kilomeetritest, mis eraldavad Eestit Udmurtiast, on udmurtoloogias olulised mitmed Eestiga seotud faktid: eesti teadlase sulest on ilmunud esimene udmurdi keele grammatika (1851), Tartu Ülikooli vilistlane on kirjutanud esimese udmurde käsitleva monograafia (1882) ning üks suuremaid udmurdi muuseumikogusid maailmas on talle Eesti Rahva Muuseumis – 1980. aastatel oma tipu saavutanud Udmurdi-Eesti teadusliku dialoogi tulemus. 1970. aastatest kuni 1990. aasta alguseni

toimus enam kui 20 kahe muuseumi – ERMi (tollase Eesti Riikliku Etnograafiamuuseumi) ja Udmurdi Rahvusmuuseumi (tollase Udmurdi Riikliku Koduloomuuseumi) – koostööna korraldatud ekspeditsiooni udmurdi aladele, mille käigus koguti eksponaate, tehti pilte ja filmiti kino- ja videolindile udmurdi kultuuri erinevaid tahke.

Soome-ugri diskursust käsitlen eesti rahvusliku idee ja kultuurilise identiteedi konstrueerimise protsessi osana ning soome-ugri kultuuride uurimist kui eesti rahvateaduse uurimisvälja laiendamist (*„kui mõte saab lennata üle kahe ilmajao piiri“*, Tallgren 1923a: 58) ja omapärasest katset vabaneda n-õ väikese rahva sündroomist, mis toob uudsuse eesti etnoloogia ajaloo käsitlusse.

19. sajandi teisel poolel Jakob Hurda (1839–1907) välja hõisatud „väikese rahva“ idee (*väike arvult ja territooriumist, kuid suur ja vägev vaimu asjades ja haritud elu poolest*) sai hiljem ühendavaks jõuks nii Eesti rahvuslikus liikumises kui ka soome-ugri diskursuses. Eesti etnoloogiateaduse varases ajaloos on „väikese rahva“ narratiivi kasutatud oma kõnedes nii ERMi esimene direktor Ilmari Manninen kui ka Tartu Ülikooli esimene arheoloogiaprofessor Aarne Michaël Tallgren (1885–1945). Nende avaldustes sisalduv põhiidee oli see, et Eesti rahvuslik (etnograafiline) teadus ei tohiks piirduda ainult Eesti territooriumiga, vaid peaks olema laiem – ainult sel juhul on see elujõuline ja atraktiivne noortele.

Käesolev väitekirjandus toob välja uudse joone Eesti etnoloogia käsitluses ka selle poolest, et see peegeldab välist vaadet soome-ugri etnoloogia diskursusele, mis seni on olnud valdavalt eestlaste enesekirjeldus. Enesekirjelduse käigus luuakse aga tavaliselt idealiseeritud või ideaalile lähedase pilti oma kultuurist.

Väitekirja teoreetiliseks aluseks on olnud etnoloogia teaduse ajaloo ja soome-ugri (esmajoonel vene ja soome-ugri) uuringutega seotud tööd, samuti ERMi, eesti rahvateaduse ja museoloogia teemalised käsitlused. Teoreetilisteks lähtepunktides on olnud teosed, mis käsitlevad kultuuride kirjeldamisega seotud probleeme, aga ka teadlaste rolli ja kohta sotsiaalses ja teaduslikus diskursuses. Kõik see on mõjutanud ka üldist lähenemist probleemile ning eesti soome-ugri diskursust analüüsin erinevatest metodoloogilistest ja kontekstuaalsetest lähenemisviisidest (museoloogiline, historiograafiline, biograafiline, kinoantropoloogiline jt) lähtudes. Väitekirja hõlmab kuut artiklit, mis käsitlevad Eesti soome-ugri diskursuse ja Eesti udmurtoloogiaga seotud aspekte.

ПУБЛИКАЦИИ

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Имя: Светлана Карм
Гражданство: Россия
Дата рождения: 4.12.1967

Образование:

2019 Тартуский университет, Институт исследований культур факультета гуманитарных наук и искусств, докторантура (экстерн)
2006–2014 Тартуский университет, Институт археологии и истории философского факультета, докторантура (этнология)
2004–2005 Тартуский университет, магистратура (экстерн); МА (этнология)
1986–1991 Удмуртский государственный университет, исторический факультет; историк, учитель истории и обществоведения
1985 Старомоньинская средняя школа, Малопургинский район, Удмуртия

Профессиональный опыт:

с февраля 2000 года Эстонский национальный музей, научный сотрудник
октябрь 1999 – январь 2000 Эстонский национальный музей, гид-музейный педагог
июль 1991 – ноябрь 1993 Удмуртский республиканский краеведческий музей (в настоящее время Национальный музей Удмуртской Республики), научный сотрудник

Знание языков: удмуртский (родной язык), русский, эстонский, немецкий

Публикации, связанные с темой диссертации:

Karm, Svetlana; Art Leete 2018. Uurali kaja Eesti Rahva Muuseumis. – *ERMi Aastaraamat* 61. Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 14–41.
Karm, Svetlana; Art Leete 2018. Az etnográfiai látványosság etikája. Az Észtt Nemzeti Múzeum finnugor kiállítását előkészítő folyamat tanulságai. – *Többszólamú múzeum. Néprajzi múzeumi dilemmák a 21. század elején*. Tabula könyvek 15. Budapest: Néprajzi Múzeum, 186–207.
Ятс, Индрек; Светлана Карм 2018. Эстонский национальный музей как культурный мост между эстонцами и коми-пермяками. – «*Финно-угорский мир в культуре России*»: сборник материалов Международного форума к 100-летию государственной архивной службы России (18–19 апреля 2018 г., г. Кудымкар, Пермский край). Часть 1. (Ответственный за выпуск С.Н. Кудымова; составители А.Е. Коньшин, С.Н.

- Кудымова, Н.А. Мальцева, В.Н. Надымов). Кудымкар: Коми-Пермяцкий окружной государственный архив, 183–191.
- Karm, Svetlana 2016. Eesti kunstnike etnograafiliste jooniste albumid said täienduse. – *ERMi Aastaraamat 59*. Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 204–207.
- Karm, Svetlana 2015. Финно-угорские экспедиции эстонских гуманитариев в советское время. – *Ежегодник финно-угорских исследований*, № 3, 146–156.
- Leete, Art; Svetlana Karm 2015. Soome-ugri näitused. – [*etteaste*] *ERMi näitusemaja 1994–2015* (koostajad Agnes Aljas, Jane Liiv, Kristjan Raba; toim. Tuuli Kaalep). Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 100–101.
- Koosa, Piret; Svetlana Karm 2015. Karu, Õ ja Joškin kot. Näitus soome-ugri brändist Eesti Rahva Muuseumis. – *Soome-ugri sõlmed 2014* (toim. Üve Maloverjan), 109–114.
- Karm, Svetlana; Art Leete 2014. Eesti Rahva Muuseumi soome-ugri püsinäituse kujunemislugu. – *Soome-ugri sõlmed 2013* (toim. Üve Maloverjan), 70–77.
- Карм, Светлана 2014. Коми-пермяцкая культура глазами эстонских этнологов. – *Коми-пермяцкий этнографический сборник*. (Под редакцией А.В. Черных, А.С. Лобановой). Серия: Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Выпуск X. Санкт-Петербург: Издательство «Маматов», 40–53.
- Karm, Svetlana; Piret Koosa 2013. Eesti Rahva Muuseum käis Marimaal välitöödel. – *Soome-ugri sõlmed 2012*. Kirjastus: Atlex AS, 121–126.
- Karm, Svetlana 2013. Udmurdi filmidest filmivõtetes osalenu pilgu läbi / Об удмуртских фильмах с позиции очевидца съемок / Фильмъесты дасяэнэ пырыськисълэн удмурт киноос сярсь малпанъесыз / About the Udmurt films from the Standpoint of an Eyewitness. – *Eesti etnograafiline film II. Udmurdid*. Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 3–12.
- Карм, Светлана 2013. Удмуртско-эстонский музейно-этнографический проект: тридцать лет спустя. – *Евразийское межкультурное пространство в исторической ретроспективе. Сборник статей*. (Составление и общая редакция: А.Е. Загребин). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 85–90.
- Карм, Светлана 2009. К 80-летию первой финно-угорской этнографической выставки в Эстонии, или Размышления куратора одного завершённого (?) проекта. – *Финно-угры – славяне – тюрки: опыт взаимодействия (традиции и новации). Сборник материалов Всероссийской научной конференции*. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, УдГУ, 473–479.
- Karm, Svetlana, Marleen Nõmmela, Piret Koosa 2008. *Auasi. Eesti etnoloogide jälgedes... (80. aastat hõimurahvaste osakonna avamisest Raadil)*. Tartu: Eesti Rahva Muuseum.
- Karm, Svetlana 2006. Eesti etnoloogid Udmurtias. Eesti Rahva Muuseumi 1971. – 1991. aasta udmurdi ekspeditsioonide päevikute analüüs. – *Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat XLIX*. Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 157–194.
- Карм, Светлана 2006. Удмурты глазами эстонских этнологов (анализ полевых дневников 1971–1991 гг. из рукописного архива ЭНМ). – *Русский Север и восточные финно-угры: проблемы пространственно-*

временного фольклорного диалога. Материалы I межрегиональной конференции и VII международной школы молодого фольклориста. Ижевск, 23–26 октября 2005 г. (Отв. ред. В.М. Гацак, Т.Г. Владыкина). Ижевск: АНК, 12–22.

Тезисы

- Карм, Светлана 2017. Конструирование образов «финно-угорского мира» в музейном пространстве. – *XII Конгресс антропологов и этнологов России. Миссия антропологии и этнологии: научные традиции и современные вызовы: сб. материалов*. Ижевск, 3–6 июля 2017 г. / Отв. ред.: А.Е. Загребин, М.Ю. Мартынова. Москва; Ижевск: ИЭА РАН, УИИЯЛ УрО РАН, 399–400.
- Карм, Светлана 2012. «СОФИН» уж но эстон «шпионьёс». – *XXVIII International Finno-Ugrist Students' Conference Tartu 8. – 11.05.2012. Teesid. Abstracts. Тезисы. Tartu Ülikooli Paul Ariste soome-ugri põlisrahvaste keskuse üllitised 6*. Tartu, 74–75.
- Karm, Svetlana 2012. Eesti Rahva Muuseumi soome-ugri kogu viimasel kümnendil. – *Arhiivid ja kogukonnad. Eesti Rahvaluule Arhiivi 85. aastapäeva konverents. 24.–25. september 2012, Tartu / Archives and Communities. 85th Anniversary Conference of the Estonian Folklore Archives. Tartu, September 24–25, 2012. Ettekannete teesid*. Tartu: Eesti Kirjandusmuuseumi Teaduskirjastus, 10–11.
- Карм, Светлана 2012. Эхо Урала в Эстонии – об исследовании и экспонировании финно-угорских культур в Эстонском национальном музее. – *Музеи в северном измерении – 2011*. Петрозаводск, 111–113.
- Karm, Svetlana 2011. Välitöö kui koostööprojekt ERMi 2010. ja 2011. a. udmurdi ja vepsa-karjala välitööde näitel. – *Eetika ja valikud. Akadeemilise Rahvaluule Seltsi kogumiskonverents, 27. oktoobril 2011*. Tartu: EKM Teaduskirjastus, 14–15.
- Карм, Светлана 2007. Профессор Иоганн Фридрих Эрдман: к истории появления «Beiträge zur Kenntniss des Innern von Russland». – *Материальная и духовная культура народов Урала и Поволжья: история и современность. Материалы научно-практической конференции, посвященной 450-летию вхождения удмуртского народа в состав Российского государства (29–30 ноября 2007 года, г. Глазов)*. Глазов: Глазовский государственный педагогический институт, 150–152.

CURRICULUM VITAE

Nimi: Svetlana Karm
Sünniaeg: 4.12.1967
Kodakondsus: Venemaa

Haridus:

2019 doktoriõpe (ekstern), Tartu Ülikool, Humanitaarteaduste ja kunstide valdkonna Kultuuriuuringute instituut
2006–2014 Tartu Ülikool, Filosoofiateaduskonna Ajaloo ja arheoloogia instituut;
2004–2005 magistriõpe (ekstern), Tartu Ülikool, Filosoofiateaduskonna ajaloo osakond; MA (etnoloogia)
1986–1991 Udmurdi Riiklik Ülikool, Ajalooteaduskond; ajaloolane, ajaloo ja ühiskonnateaduse õpetaja
1985 Malaja Purga rajooni Staraja Monja Keskkool, Udmurtia

Teenistuskäik:

alates 2000 veebruarist Eesti Rahva Muuseum, teadur
1999 okt – 2000 jaan Eesti Rahva Muuseum, giid-muuseumipedagoog
1991 juuli – 1993 nov Udmurdi Vabariiklik Koduloomuuseum (praegu Kuzebai Gerdi nimeline Udmurdi Rahvusmuuseum), teadur

Keelteoskus: udmurdi (emakeel), vene, eesti, saksa

Väitekirja teemaga seotud publikatsioonid:

Karm, Svetlana; Art Leete 2018. Uurali kaja Eesti Rahva Muuseumis. – *ERMi Aastaraamat* 61. Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 14–41.
Karm, Svetlana; Art Leete 2018. Az etnográfiai látványosság etikája. Az Észet Nemzeti Múzeum finnugor kiállítását előkészítő folyamat tanulságai. – *Többszólamú múzeum. Néprajzi múzeumi dilemmák a 21. század elején*. Tabula könyvek 15. Budapest: Néprajzi Múzeum, 186–207.
Яате, Индрек; Светлана Карм 2018. Эстонский национальный музей как культурный мост между эстонцами и коми-пермяками. – «Финно-угорский мир в культуре России»: сборник материалов Международного форума к 100-летию государственной архивной службы России (18–19 апреля 2018 г., г. Кудымкар, Пермский край). Часть I. (Ответственный за выпуск С.Н. Кудымова; составители А.Е. Коньшин, С.Н. Кудымова, Н.А. Мальцева, В.Н. Надымов). Кудымкар: Коми-Пермяцкий окружной государственный архив, 183–191.
Karm, Svetlana 2016. Eesti kunstnike etnograafiliste jooniste albumid said täienduse.– *ERMi Aastaraamat* 59. Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 204–207.

- Karm, Svetlana 2015. Финно-угорские экспедиции эстонских гуманитариев в советское время. – *Ежегодник финно-угорских исследований*, № 3, 146–156.
- Leete, Art; Svetlana Karm 2015. Soome-ugri näitused. – [*etteaste*] *ERMi näitusemaja 1994–2015* (koostajad Agnes Aljas, Jane Liiv, Kristjan Raba; toim. Tuuli Kaalep). Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 100–101.
- Koosa, Piret; Svetlana Karm 2015. Karu, Õ ja Joškin kot. Näitus soome-ugri brändist Eesti Rahva Muuseumis. – *Soome-ugri sõlmed 2014* (toim. Üve Maloverjan), 109–114.
- Karm, Svetlana; Art Leete 2014. Eesti Rahva Muuseumi soome-ugri püsinäituse kujunemislugu. – *Soome-ugri sõlmed 2013* (toim. Üve Maloverjan), 70–77.
- Карм, Светлана 2014. Коми-пермяцкая культура глазами эстонских этнологов. – *Коми-пермяцкий этнографический сборник*. (Под редакцией А.В. Черных, А.С. Лобановой). Серия: Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Выпуск X. Санкт-Петербург: Издательство «Маматов», 40–53.
- Karm, Svetlana; Piret Koosa 2013. Eesti Rahva Muuseum käis Marimaal välitöödel. – *Soome-ugri sõlmed 2012*. Kirjastus: Atlex AS, 121–126.
- Karm, Svetlana 2013. Udmurdi filmidest filmivõtetes osalenu pilgu läbi / Об удмуртских фильмах с позиции очевидца съемок / Фильмёсты дасяэнэ пырыськисьлэн удмурт киноос сярись малпаньёсыз / About the Udmurt films from the Standpoint of an Eyewitness. – *Eesti etnograafiline film II. Udmurdid*. Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 3–12.
- Карм, Светлана 2013. Удмуртско-эстонский музейно-этнографический проект: тридцать лет спустя. – *Евразийское межкультурное пространство в исторической ретроспективе. Сборник статей*. (Составление и общая редакция: А.Е. Загребин). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 85–90.
- Карм, Светлана 2009. К 80-летию первой финно-угорской этнографической выставки в Эстонии, или Размышления куратора одного завершённого (?) проекта. – *Финно-угры – славяне – тюрки: опыт взаимодействия (традиции и новации). Сборник материалов Всероссийской научной конференции*. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, УдГУ, 473–479.
- Karm, Svetlana, Marleen Nõmmela, Piret Koosa 2008. *Auasi. Eesti etnoloogide jälgedes... (80. aastat hõimurahvaste osakonna avamisest Raadil)*. Tartu: Eesti Rahva Muuseum.
- Karm, Svetlana 2006. Eesti etnoloogid Udmurtias. Eesti Rahva Muuseumi 1971.–1991. aasta udmurdi ekspeditsioonide päevikute analüüs. – *Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat XLIX*. Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 157–194.
- Карм, Светлана 2006. Удмурты глазами эстонских этнологов (анализ полевых дневников 1971–1991 гг. из рукописного архива ЭНМ). – *Русский Север и восточные финно-угры: проблемы пространственно-временного фольклорного диалога. Материалы I межрегиональной конференции и VII международной школы молодого фольклориста*. Ижевск, 23–26 октября 2005 г. (Отв. ред. В.М. Гацак, Т.Г. Владыкина). Ижевск: АНК, 12–22.

Teesid

- Карм, Светлана 2017. Конструирование образов «финно-угорского мира» в музейном пространстве. – *XII Конгресс антропологов и этнологов России. Миссия антропологии и этнологии: научные традиции и современные вызовы: сб. материалов*. Ижевск, 3–6 июля 2017 г. / Отв. ред.: А.Е. Загребин, М.Ю. Мартынова. Москва; Ижевск: ИЭА РАН, УИИЯЛ УрО РАН, 399–400.
- Карм, Светлана 2012. «СОФИН» уж но эстон «шпионъёс». – *XXVIII International Finno-Ugrist Students' Conference Tartu 8.–11.05.2012. Teesid. Abstracts. Тезисы. Tartu Ülikooli Paul Ariste soome-ugri põlisrahvaste keskuse üllitised 6*. Tartu, 74–75.
- Karm, Svetlana 2012. Eesti Rahva Muuseumi soome-ugri kogu viimasel kümnendil. – *Arhiivid ja kogukonnad. Eesti Rahvaluule Arhiivi 85. aastapäeva konverents. 24.–25. september 2012, Tartu / Archives and Communities. 85th Anniversary Conference of the Estonian Folklore Archives. Tartu, September 24–25, 2012. Ettekannete teesid*. Tartu: Eesti Kirjandusmuuseumi Teaduskirjastus, 10–11.
- Карм, Светлана 2012. Эхо Урала в Эстонии – об исследовании и экспонировании финно-угорских культур в Эстонском национальном музее. – *Музеи в северном измерении – 2011*. Петрозаводск, 111–113.
- Karm, Svetlana 2011. Välitöö kui koostööprojekt ERMi 2010. ja 2011. a. udmurdi ja vepsa-karjala välitööde näitel. – *Eetika ja valikud. Akadeemilise Rahvaluule Seltsi kogumiskonverents, 27. oktoobril 2011*. Tartu: EKM Teaduskirjastus, 14–15.
- Карм, Светлана 2007. Профессор Иоганн Фридрих Эрдман: к истории появления «Beiträge zur Kenntniss des Innern von Russland». – *Материальная и духовная культура народов Урала и Поволжья: история и современность. Материалы научно-практической конференции, посвященной 450-летию вхождения удмуртского народа в состав Российского государства (29–30 ноября 2007 года, г. Глазов)*. Глазов: Глазовский государственный педагогический институт, 150–152.

DISSERTATIONES ETHNOLOGIAE UNIVERSITATIS TARTUENSIS

1. **Ene Kõresaar.** Memory and history in Estonian Post-Soviet life. Stories private and public, individual and collective from the perspective of biographical syncretism. Tartu, 2004, 299 p.
2. **Indrek Jääts.** Etnilised protsessid Vene impeeriumi siseperifeerias 1801–1904. Komi rahvosluse süünd. Tartu, 2005, 316 p.
3. **Людмила Ямурзина.** Обряды семейного цикла мари в контексте теории обрядов перехода. Тарту, 2011, 219 с.
4. **Ester Bardone.** My farm is my stage: a performance perspective on rural tourism and hospitality services in Estonia. Tartu, 2013, 253 p.
5. **Marleen Metslaid.** Between the folk and scholarship: ethnological practice in Estonia in the 1920s and 1930s. Tartu, 2016, 195 p.
6. **Kirsti Jõesalu.** Dynamics and tensions of remembrance in post-Soviet Estonia: Late socialism in the making. Tartu, 2017, 246 p.
7. **Piret Koosa.** Negotiating faith and identity in a Komi village: Protestant Christians in a pro-Orthodox sociocultural environment. Tartu, 2017, 210 p.
8. **Татьяна Алыбина.** Трансформация марийской религиозной традиции в постсоветский период. Тарту, 2017, 219 с.